

Орлова О.В.

**НЕФТЬ:
ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИАКОНЦЕПТА**

Томск 2012

ББК 81.411.2-5
О 66

Рецензент:
доктор филологических наук Е.Г. Малышева

О 66 Орлова О.В.
Нефть: дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта :
монография. – Томск: Изд-во «ТомСувенир», 2012. – 224 с.

ISBN 978-5-906044-06-8

В монографии прослеживается дискурсивно-стилистическая эволюция глобальной мировидческой константы современности – медиаконцепта нефть. Дается краткое изложение теории медиаконцепта, рассматриваются вербальный и культурный прототипы концепта нефть, его ассоциативно-смысловое развертывание в региональном медиадискурсе, в составе прецедентного текста в сетевом коммуникативном пространстве, а также в русском поэтическом дискурсе XIX –XXI вв.

Книга адресована всем интересующимся проблемами лингвоконцептологии, коммуникативной стилистики, медиалингвистики, а также глобальным «вечным» вопросом о закономерностях, предпосылках и следствиях «встречи» слова и смысла в их реальной языково-речевой экзистенции.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12-04-00074

ISBN 978-5-906044-06-8

© О.В. Орлова, 2012
© Изд-во «ТомСувенир», оформление, 2012

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Медиаконцепт как лингвоментальный феномен: подходы к анализу и существенные характеристики	6
1.1. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта	6
1.2. Вербальный и культурный прототипы медиаконцепта	14
Глава 2. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта нефть в региональном медиадискурсе	24
2.1. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного концепта нефть в томской медиасфере	24
2.2. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта нефть в районной прессе Томской области (на материале газеты «Нарымский вестник»)	42
2.3. Аксиологический профиль концепта нефть в языковом сознании жителей города нефтяников (г. Стрежевого Томской области) и столицы нефти (г. Баку) (на материале лингвистических экспериментов)	60
Глава 3. Вечность пахнет нефтью как прецедентный текст современной культуры	85
Глава 4. Концепт нефть в русском поэтическом дискурсе	111
4.1. Кистокам «нефтяного» контекста русской поэзии	111
4.2. Бакинский текст русской литературы в фокусе концепта нефть	126
4.3. Концепт нефть в современном поэтическом тексте: подходы к исследованию	147
Заключение	162
Литература	165
Приложение 1 Материалы к экспериментам	178
Приложение 2 Поэтические тексты	188

Введение

Антропоцентризм и когнитивно-дискурсивный парадигмальный поворот в современной лингвистике стимулируют ученых к изучению материализованных вербально когнитивных структур, активно участвующих в формировании дискурсивных практик современности в их текучести и непрерывном развитии. Думается, буквально в последнее десятилетие произошли постепенные значительные изменения в аспектации исследований двух ключевых объектов лингвистической науки нашего времени – дискурса и концепта, изменения, сходные с произошедшим во второй половине XX столетия переходом от системно-структурного рассмотрения языковых явлений к функционально-коммуникативному. Речь идет о смещении акцентов со статической модели концептологических исследований к динамической, позволяющей анализировать концепты в процессе их становления и развития в отдельных дискурсах как непосредственной среде их лингвосоциокультурной экзистенции.

Несмотря на признание в современной лингвоконцептологии главенствующей «роли дискурса как среды и основного фактора формирования концептуального содержания», а «становления дискурса и формирования принадлежащих ему концептов как взаимосвязанных процессов» [Крючкова, 2009, с. 32 – 33], до сих пор из дискурсивно маркированных концептов значительное целостное теоретическое осмысление получили лишь художественные (подробный обзор теоретических подходов к изучению художественных концептов см. в [Болотнова, 2005]).

Кроме того, культурные концепты (по Ю.С. Степанову – константы культуры) в лингвокультурологии и когнитивистике рассматриваются по преимуществу в системно-структурном, статическом аспекте, когда концепт моделируется как некий инвариант – результат обобщения интегративных «наддискурсивных» признаков концепта, а его дискурсивно отмеченные варианты рассматриваются как «специфические дополнительные признаки» [Лингвокультурный концепт, 2007, с. 7]. Иными словами, концепт трактуется как некий обобщенный конструкт коллективного языкового сознания, способный к дискурсивному варьированию, при котором варианты актуализируют вторичные по отношению к интегральным дифференциальные признаки концепта.

Однако, помимо констант культуры, сложившихся в полидискурсивной среде в результате длительной культурной эволюции и эксплицированных не только в текстах разных стилей и жанров, но и в языке в виде паремий, устойчивых коллокаций, выделяются семантические универсалии, приобретающие статус концепта только в определенном дискурсе.

Медиаконцепты рассматриваются нами как лингвосемантические феномены особого рода, отличающиеся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедшие в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставшие средством формирования и трансформации массового сознания. При этом мы подчеркиваем облигаторность динамического подхода к их анализу.

Данный ракурс лингвоконцептологического анализа предполагает изучение концептов в динамике их коммуникативно-дискурсивного существования. В соответствии с этим концепт рассматривается, во-первых, в аспекте эволюции средств его вербальной объективации и семантического наполнения в медийной дискурсивно-стилистической среде на определенной временной оси, во-вторых, в аспекте дискурсивно обусловленных детерминаций его способности быть медиатором социально значимых смыслов, ценностей, установок.

В данной монографии прослеживается дискурсивно-стилистическая эволюция глобальной доминанты современных медиа и современной эпохи в целом – медиаконцепта *нефть*.

Глава 1. Медиаконцепт как лингвоментальный феномен: подходы к анализу и существенные характеристики

1.1. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта

Базовыми характеристиками, позволяющими провести валидную процедуру анализа медиаконцепта, являются его *жизненный цикл* и *миромоделирующий потенциал*. Под *жизненным циклом медиаконцепта* понимается своеобразная траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования. *Миромоделирующий потенциал медиаконцепта* определяется нами как способность в процессе ассоциативно-смыслового развертывания в массмедийном текстовом континууме выполнять лингвоментально-креативные и трансформативные функции, формируя постоянно эволюционирующий фрагмент коллективной картины мира на определенной стадии развития социума.

Необходимо отметить, что процесс дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта в целом обусловлен динамикой *концептуального напряжения*, стимулируемого экспликаторами концепта, прежде всего – его именем, в процессе ассоциативно-смыслового развертывания медиатекстов.

Понятие *концептуального напряжения*, освещая проблему языковой рефлексии в постсоветскую эпоху, подробно описывает И.Т. Вепрева. Она справедливо считает сам факт наличия в тексте рефлексивов (вербальных маркеров метаязыковой рефлексии автора) сигналом концептуального напряжения, обусловленного необходимостью «особой языковой бдительности говорящего, его осознаваемой селекции». По мысли исследователя, «очаги речевого напряжения» в дискурсивном пространстве и в речемыслительной деятельности возникают на уровне «превербального этапа формирования речевого высказывания» тогда, когда пишущий, вводя в текст, к примеру, агноним или окказионализм, осознанно отступает от нормы и вынужден во избежание коммуникативного сбоя комментировать это отступление [Вепрева, 2005, с. 102 – 104].

Мы же считаем, что метаязыковая рефлексия – лишь один из важных признаков роста концептуального напряжения, всегда сопровождающего рождение и бытование медиаконцепта. Сама принципиально интерактивная природа медийной коммуникации стимулирует рассматривать концептуальное напряжение с позиций не только первичной коммуникативной деятельности, но и вторичной, поскольку новая информация, заложенная в текст посредством

использования той или иной языковой аномалии, должна быть адекватно понята читателем, совершающим в процессе ее декодирования повышенные когнитивные усилия. Языковая рефлексия в данном случае выступает одним из способов установления гармоничного диалога с адресатом, вынужденным интерпретировать нестандартный смысл сообщения.

Процесс генерации и генерализации новых смыслов, сопровождающих имя концепта и его другие репрезентанты в медиатекстах, требует и от автора, и от адресата коммуникативного и когнитивного напряжения. В проекции на смысловую структуру создаваемого и воспринимаемого текста оно фокусируется в свойстве *концептуального напряжения*, понимаемого нами как повышение информативно-смысловой и прагматической нагруженности организованного определенным медиаконцептом контекста (от минимального контекста высказывания или абзаца до максимального контекста ассоциативно-смыслового развертывания концепта в медиадискурсе в целом).

Попытаемся описать механизм роста концептуального напряжения. На стадии зарождения медиаконцепта, «воконцептовления» того или иного вербализованного в текстах СМИ понятия, обретения им статуса концепта происходит усложнение его смысловой организации и увеличение семантического объема. Например, понятия *нефть*, *нано*, *гламур* в их вербальной объективации стали концептами вследствие увеличения и усложнения их смысловой структуры за счет появления в ней особого слоя социально отмеченных медийных смыслов. Причем этот слой по причине многократной намеренной и осознанной его актуализации в текстовом массмедийном континууме, повинуясь механизму, изоморфному описанному И.А. Стерниным семному варьированию, становится ядерным, а объем этого слоя может разрастись настолько, что первоначальный понятийный слой может быть практически вытеснен.

Подобные семантические трансформации, произошедшие с заимствованиями *демократия*, *фашизм*, *патриотизм*, *менеджер* в языке современных отечественных СМИ, рассматривает Б.Ю. Ушаков, утверждая, что данные понятия расширили семантику «в сторону символа» и стали гиперонимами вследствие «разрушения денотативных отношений между словом и его референтом», а их «современный расширенный импликационал не соответствует экспликационалу» [Ушаков, 2009, с. 94 – 97].

Закономерно, что такие происходящие в дискурсивном медианпространстве семантические эволюционные сдвиги отчетливо осознаются медиарайтерами: *В языках романо-германской группы слово «гламур» более-менее безобидное. Нет в нем той невероятной глубины смыслов, которая теперь свойственна этому слову в русском языке. За последние годы этот*

термин стремительно эволюционировал, приобретая все новые и новые значения (Большой город, 2006, 1 дек.); *Что уж говорить о нефти, «заголовочнее» которой немного слов в современном лексиконе. Совершенно гуманитарные люди почему-то знают, сколько стоит баррель нефти, и волнуются по этому поводу. А спроси их: что такое «баррель»? В дословном переводе – «бочка». А какая – какая разница: главное, что в выпусках новостей без этой бочки не обходятся (по секрету, баррель – 159 литров)* (Российская газета, 2008, 22 февр.); *Гламур и глянец – вещи неразделимые? Это понятия очень близкие. Глянец – glossy – это то, что блестит, сверкает, сияет. А гламур – glamour... – никто толком не знает, что это такое* (Независимая газета, 2007, 12 июл.).

Как видим, языковая рефлексия пишущих отчетливо и выпукло демонстрирует осознание носителями языка не только значительного усложнения смысловой структуры актуальных медийных концептов, но и их эволюционный дрейф к референциальной диффузности, размытости и неопределенности, знаменующий тенденцию к «фантомизации» их семантики.

О фантомности как имманентной характеристике концепта говорит в финале статьи «Концепт как «зонтиковый термин»» С.Г. Воркачев: «Очевидно, можно утверждать, что «(лингво/культурный) концепт» представляет собой в достаточной мере «фантомное» ментальное образование как в силу своей эвристичности – он принадлежит к инструментарию научного исследования, – так и в силу того, что он является своего рода «ментальным артефактом» – рукотворен и функционален, создан усилиями лингвокогнитологов для описания и упорядочения все той же «духовной реальности» [Воркачев, 2003, с. 12].

Заметим, что исследователь имеет здесь в виду искусственно сконструированную учеными наддискурсивную статическую модель лингвокультурного концепта, концепта-инварианта. Мы же, рассматривая в динамическом аспекте дикурсивно-стилистическую эволюцию концепта, приписываем свойство фантомности находящемуся в процессе постоянного смыслового видоизменения содержанию текстового концепта в совокупности его вариативных текстовых модификаций.

Необходимо отметить, что *фантомность* как лингвистическая категория и терминоид часто фигурирует в современных трудах по лексической семантике, посвященных специфике семантических трансформаций при употреблении в реальной речевой практике определенных разрядов лексики. Так, М.Э. Рут размышляет о фантомности имен собственных, которые носитель языка склонен наделять фантомными денотатами – апелляциями к культурно значимым тезкам-прообразами (например, Богородице или Просто Марии как прообразами реальной современницы, носящей это имя) – и фантом-

ными коннотатами, «определяющими деление имен на «высокие» и «низкие»» [Рут, 2001, с. 64].

Предметом исследования Е.И. Гусевой стали семантические трансформации, происходящие со специальной терминологией в процессе вхождения ее в общее употребление. Ставя вопрос о «реальности или фантомности» семантики термина за пределами его ограниченной сферы употребления и утверждая, что «слово, как бы ни парадоксально выглядело или звучало это утверждение, перестает быть термином, когда оно перестает употребляться как термин» [Гусева, 2008, с. 16], автор в качестве одного из примеров для анализа избирает имя актуального в конце 1990-х гг. медиаконцепта *дефолт*. Исследователь отмечает: «Когда слово *дефолт* узнали «все», перестал действовать такой показатель, как ограниченность области употребления слова профессиональной сферой. И в этом смысле не важно, насколько глубоко эти «все», как и каждый в отдельности, понимают терминологическое значение этого слова... Возможные варианты ответа на вопрос «Что такое дефолт?» – «Термин, относящийся к области экономики». «Что-то, имеющее отношение к деньгам». «То, что было в 1998 году»» [Там же, с. 15–16].

В приведенной цитате для нас важна фиксация факта семантической перестройки содержательного наполнения слова, его «отрыва от денотата» (термин Н.Д. Арутюновой) в момент перехода из одной дискурсивной среды (научной) в другую – медийную, а впоследствии – в повседневную-бытовую. Очевидно, что в настоящее время большинство лексем ограниченного употребления проникает через посредство СМИ в узус (в терминологии автора цитаты – в общий язык). Причем в этот момент не происходит смены предмета номинации, вернее, знание об исконном предмете номинации просто остается за пределами актуальной зоны сознания коммуникантов и часто редуцируется до смутного информационного рефлекса, служащего, тем не менее, необходимым импульсом для наполнения семантической матрицы слова новыми медийными смыслами.

Следовательно, в данной экстремальной коммуникативной ситуации автор и, соответственно, адресат медийного сообщения вынуждены прибегать к многократно усиливающим концептуальное напряжение контекста когнитивным процедурам аппроксимации и интерполяции – находить и выводить приблизительное значение новой величины по известным и близким значениям. В качестве таких известных и близких семантических величин, как правило, выступают устойчивые ассоциаты, структурирующие векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта.

Под *вектором ассоциативно-смыслового развертывания* мы подразумеваем определенное направление смысловой динамики концепта, характеризующееся единством стимулируемых медиарайтерами ассоциатив-

ных корреляций и аксиологических установок. Предполагаемое развертывание концепта не только в плоскости текста, но и по «стреле времени» (термин Н.А. Кузьминой), а также в различных пространственных координатах (столицы, регионы и т.д.) отличает векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта от направлений ассоциирования, под которыми в коммуникативной стилистике текста принято понимать «совокупность текстовых ассоциатов, отражающих какую-либо одну сторону (грань) концепта» [Болотнов, 2007, с. 86].

В качестве примера магистрального вектора ассоциативно-смыслового развертывания медиаконцепта *нефть* приведем вектор нефтяной аддикции, породивший метафорический штамп *нефтяная игла*. См. заголовки материалов СМИ: *Эта коварная нефтяная игла*; *Соскок с нефтяной иглы*; *Нефтяная игла вредит России*; *Нефтяная игла станет длиннее*; *Укол нефтяной иглы* и др.

В русле данного направления интерпретации за счет многократной контекстной актуализации формируется устойчивая ассоциативная соотнесенность *нефть* – *зависимость*, а также сопутствующая ей пейоративная тональность социальной оценки.

Семантический и аксиологический антипод вектору аддикции – вектор идеализации, варьирующий от метафорики материнского первоначала, истока жизни (ср.: *Нефть – матушка*; *Нефтяные родники экономики*) до трансцендентального символа тотальной онтологической детерминанты всего сущего (ср.: *Нефть – это наше все*; к слову, данный лозунг фигурирует не только в качестве заголовка ряда медийных материалов, но и в качестве рекламного слогана расположенного в центре Новосибирска модного ночного клуба под названием «Нефть», см. рис. 1).

Как правило, на стадии эволюционной зрелости концепт демонстрирует уже сложившуюся семантическую структуру в виде условного «генеалогического древа», несущие ветви которого представляют собой ключевые векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта разной аксиологической валентности.

Закон дискурсивно-стилистической эволюции концепта (доказательству регулярной действенности данного закона в той или иной степени посвящены последующие главы работы) мы можем сформулировать следующим образом. Чем больше концепт способен сформировать магистральных интерпретационных векторов, аккумулирующих вокруг себя зоны пикового концептуального напряжения, чем выше градус и чем разнообразнее спектр эмоционально-оценочных коннотаций, катализирующих аксиологическую конфликтность внутри интерпретационного поля концепта, тем более жизнеспособен концепт, тем длиннее его жизненный цикл, тем выше его миромоделирующий потенциал.

Рис. 1. Наружная реклама ночного клуба «Нефть» (г. Новосибирск)

Наряду с этим, немаловажной обуславливающей миромоделирующие возможности концепта в медиасфере эволюционной характеристикой является способность концепта приобретать этнические и региональные спецификации. Подобные локально маркированные варианты развития значительно обогащают содержание концепта в плане новых «сюжетных линий» и в плане социоаксиологических интенций. Например, нетривиальную семантическую сопряженность нефти и высокой моды находим в прессе нефтедобывающего Азербайджана: *Особо была отмечена коллекция от кутюр Фахриши Халафовой «Богиня нефти»*, *Азербайджан (Жизнь национальностей, 2000, 23 июн.)*. Примером социоаксиологических интенций в корпоративной нефтяной прессе являются сверхпозитивные заголовки материалов одного из номеров газеты «Пермская нефть» (2010, 19 янв.): *«Адреса милосердия»*, *«Черное золото Прикамья»*, *«Новый научный центр»*, *«Общее дело»*, *«Сильные духом»*.

Однако постепенно, по причине частотности воспроизведения, многократной актуализации ранее новых или же обновленных, а теперь привычных и узнаваемых ассоциативных связей, в интерпретационном поле концепта происходит сначала стабилизация зон концептуального напряжения, а

затем, если этому сопутствует такой экстрадискурсивный фактор, как социальная деактуализация, – спад концептуального напряжения и постепенное «затухание» концепта. Действительно, обычно «естественной смерти» концепта предшествует нивелирование его социальной значимости, деактуализация понятия в исторической реальности и общественном сознании.

Кроме того, «затуханию» концепта может способствовать факт своеобразной «вербальной конкуренции», когда на одно понятие претендуют две номинации. Так, концепт *гласность*, постепенно редуцировавшись до узкого и однозначного в современном словоупотреблении обозначения компонента политики перестройки, проводимой М.С. Горбачевым во второй половине 1980-х, проиграл в конкурентной борьбе такой лингвокультурной универсалии, как *свобода слова*.

В соответствии с тенденцией к устранению смысловой дублетности языковое сознание современников воспринимает данные две номинации как синонимы и оставляет статус социально значимого концепта за интернационализмом. Ср. высказывание В. Познера о состоянии дел в современной журналистике: *И гласность вроде бы есть, и свобода слова* (Новая газета, 2010, 10 март.). По-видимому, это связано с факторами глобализации и социолингвистической престижности заимствований (причем не только слов как таковых, но и понятий!) по сравнению с русскими синонимами. Ср. с определением в «Политическом словаре» на Интернет-портале «Мир словарей» (URL: <http://mirсловarei.com>): *Гласность – российское выражение и истолкование свободы слова*.

В отличие от «затухающих» концептов, определенные медийные доминанты характеризуются длительным жизненным циклом и высоким миромоделирующим потенциалом. Они обнаруживают иной сценарий развития, предполагающий обретение ими «культурной стабильности» посредством закрепления либо в семиосфере СМИ и массовой культуре, либо даже в семиосфере высокой культуры.

Результатом дискурсивно-стилистической эволюции таких концептов – ключевых смыслообразов, фокусирующих и определяющих наиболее значимые социокультурные тенденции развития общественного сознания эпохи, – становится их переход из статуса медиаконцепта в статус концепта культуры.

Ярким признаком «культурной стабилизации» концепта является появление в его интерпретационном поле тех или иных материализованных вербально версий философской и эстетической рефлексии современников. В этом случае вербально-ментальная целостность медиаконцепта выступает в роли базисного прототипа, лежащего в основе формирующейся лингвокультурной универсалии.

Формально данный процесс характеризуется расширением дискурсивных «сфер влияния» концепта. Как правило, стартовыми позициями немедийной реализации концепта становятся произведения массовой культуры, научно-популярная беллетристика и эссеистика. Последняя, будучи, по сути, элитарной разновидностью аналитической журналистики, воплощает мировидческие интенции авторов-интеллектуалов и способствует насыщению концепта философскими социокультурными смыслами.

Так, феномен *гламура* осмысляется в статьях таких известных литераторов, как Т. Толстая (эссе 1998 г. носит название «Я планов наших люблю гламурье» (URL: http://scripts.online.ru/misc/news/98/09/10_229.htm)) и Н. Иванова (статья «Сюжет упрощения» опубликована в журнале «Знамя», 2007, № 6), оценивающих *гламур* как фактор духовной деградации общества. Неоднозначной и отчасти роковой роли *нефти* в жизни человека и человечества посвящены изданные в 2009–2010 гг. книги А. Остальского «Нефть: сокровище и чудовище», Н. Старикова «Шерше ля нефть» и др.

Социальная значимость, а также семантическая объемность и полифоничность медиаконцепта, как правило, стимулируют его экспансию в сферу массовой и элитарной культуры, где концепт приобретает уже эстетическую интерпретацию. В 2008 г. на экраны выходит фильм одного из выдающихся отечественных режиссеров А. Кончаловского «Глянец», в котором *гламур* рассматривается как глобальный символ современной постмодернистской реальности в контексте культурного кода «самого массового из искусств».

Авторы словаря «Базовые понятия массовой литературы» отмечают: «Ярким явлением современного масскульта стало формирование специфического «гламурного жанра»... «Гламурный» дискурс проявляется и в заглавиях книг («Гламурная невинность» А. Даниловой, «Гламурные подонки» Д. Полесского, «Дети гламура» Н. Кочелавевой, «Кастинг в гламурную жизнь» А. Лариной), и в псевдонимах (Женя Гламурная – автор романов «ШИКанутые девочки» и «Тертый шоколад»), и в литературных сериях («Глянец. Серия гламурных романов» издательства «Эксмо»; «Гламур» издательства «Азбука-классика и др.») [Черняк В.Д., Черняк М.А., 2009, с. 34].

Наибольшую вероятность закрепления концепта в культуре предсказывает появление его эстетических модификаций в творчестве мастеров слова. В культовом романе В. Пелевина «Empire V» гламур становится «одним из главных идеологических посылов» [Там же]. Образ нефти ярко и многопланово предстает в отечественной поэзии (см. последний параграф работы) и даже стимулирует появление культурных прецедентных текстов (см. главу 3).

В итоге медиаконцепты, обладающие сильным миромоделирующим потенциалом, трансформируясь в концепты иного ранга – культурные, включая художественные – в результате миграции в немедийные дискурсивные среды приобретают способность продуцировать новые векторы ассоциативно-смыслового развертывания, а также новые возможности наращивать концептуальное напряжение организованных ими контекстов.

Таким образом, жизненный цикл и миромоделирующий потенциал являются двумя тесно взаимосвязанными детерминантами процесса дикурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта как динамической вербально-смысловой целостности. В свою очередь, длительность жизненного цикла и мощность миромоделирующего потенциала концепта обусловлена комбинаторным взаимодействием ряда интрадискурсивных и экстрадискурсивных факторов. К первым относится сила концептуального напряжения, количество и семантическая насыщенность векторов ассоциативно-смыслового развертывания, способность миграции в немедийные дискурсивные сферы, ко вторым – существующие в объективной исторической реальности политические, экономические, социокультурные обстоятельства.

Законом дикурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта служит закон семантико-аксиологического маятника: чем шире его амплитуда, чем разнообразнее траектория его семантических приращений и мощнее конфликтное взаимодействие его полюсов, тем длиннее жизненный цикл и сильнее миромоделирующий потенциал концепта.

1.2. Вербальный и культурный прототипы медиаконцепта

Как мы уже отмечали выше, одной из базовых характеристик, позволяющих провести валидную процедуру анализа медиаконцепта, является его *жизненный цикл*. Напомним, что под *жизненным циклом медиаконцепта* понимается своеобразная траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования, либо – в случае приобретения концептом стабильных культурно значимых субстанциональных смыслов и оценочных характеристик – к закреплению в коллективной концептосфере в качестве константы культуры.

Объективными критериями социолингвистической ситуации, благоприятной для появления того или иного медиаконцепта, являются определенные предпосылки как собственно дискурсивного, так и экстардискурсивного характера. Одним из важных дискурсивных факторов концептообразования становится фактор «прототипический».

Очевидно, что медиаконцепты – значимые для общественного сознания определенной эпохи смысловые доминанты – не образуются на «пустом

месте». Язык и культура как две фундаментальные детерминанты индивидуальной и коллективной ментальности определяют наличие пресуппозиционных матриц – прототипов, обеспечивающих относительно безболезненное вхождение медиаконцептов в когнитивно-дискурсивное пространство современника.

Во-первых, это *вербальный прототип* – слово, бытовавшее до его медийной актуализации в иных дискурсах или даже в публицистическом, но в качественно ином (если не в плане референции, то в плане коннотации) значении (например, в научном дискурсе – как *нано* и *нефть*, или политико-экономическом – как *кризис*). Зачастую медийному выдвиганию подвергается рядовая узуальная номинация, принадлежащая нейтральному межстилевому лексическому фонду. Например, И.Т. Вепрева так описывает процесс семантической деривации в массмедиа 1990-х гг. лексемы *семья*: «политическая жизнь России сформировала еще один новый лексико-семантический вариант данной лексемы», которая стала обозначать «окружение экс-президента России Б. Ельцина, который приблизил к руководству страны небольшой круг людей, связанных близкими семейными и дружескими связями» [Вепрева, 2005, с. 238–239].

Во-вторых, это *культурный прототип* – некий культурный обобщенный смысл, воплощающийся в разных вербальных обликах в соответствии с требованиями времени и исторической ситуации, претерпевающий в процессе каждой «реинкарнации» определенные семантические и аксиологические трансформации.

Волнообразный и избирательный характер самого феномена культурной памяти особо подчеркивал Ю.М. Лотман в известной статье «Память в культурологическом освещении»: «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но меняется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы не существующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее – сделаться существующим и значимым» [Лотман, 1992, с. 201].

Из наглядных примеров приведем *золото* как культурный прототип медиаконцепта *нефть*, локализирующий семантику сырьевого источника экономического процветания. Если говорить о функционировании концепта *золото* в русской и мировой культуре, то можно констатировать его крайне высокую культурно-семантическую наполненность, восходящую к фольклору и эпосу многих этносов, в том числе – европейских. Так, один из параграфов диссертации В.И. Чететки «Концепт *человек* в мифопоэтической картине мира: На материале древнегерманских героических песен, легенд, ска-

заний» назван «Золото как символ власти и могущества в героическом эпосе древних германцев» [Чечетка, 2005]. Автор работы доказывает, что золото являлось одной из базовых детерминант мифопоэтической картины мира, отраженной в текстах героических песен и сказаний древних германцев.

При всей амбивалентности этого имеющего огромное количество этноспецифических и идиостилевых модификаций смыслообраза золото во все времена выступало главным атрибутом богатства, расцениваемого как в языческом, так и в современном социуме весьма неоднозначно. Тем не менее, красной нитью через эпохи и культуры проходит «отношение к золоту как символу жизненной энергии, удачи и славы» [Новичкова, 1996, с. 127], а мотив сакрализации, связанный изначально с культом солнца, оставляет все отрицательные характеристики желтого металла в нижнем, земном мире, в то время как «горний мир подлинно золотой, священный и ясный» [Там же, с. 152].

Интересно, что тема добычи золота как полезного ископаемого, по-видимому, не была актуальна для глобальной мифологии, онтологии и феноменологии золота, в отличие от мотива кладоискательства, запечатленного как в фольклоре, так и в авторской литературе. Ср.: «Сказки о кладах – особый жанр сказки, распространенный по всему миру... неоднократно обрабатывались писателями нового времени – например, О. Сомовым и Н. Гоголем» [Сказочная энциклопедия, 2005, с. 464]. Медийная же актуализация данного концепта, что закономерно, связана как раз с периодами т.н. «золотой лихорадки», когда золотодобыча возводилась в ранг национальной идеи, если не мании.

Так, особое значение имел анализируемый культурный символ в истории журналистики и литературы США, что позволяет говорить не только о яркой этнической маркированности, но и о своеобразной «суверенности» американского варианта данной общечеловеческой универсалии. Дело в том, что вызванная связанными с феноменом золотой лихорадки объективными социально-историческими преобразованиями в американском обществе интенсивная медийная актуализация смыслообраза при беспрецедентной социальной значимости золота как ключевого экономического и политического фактора в истории США XIX в. обусловила высокую скорость дискурсивной эволюции концепта. В течение всего одного-двух десятилетий этот медиаконцепт реализовал все стадии жизненного цикла – от массмедийного зарождения в бурно развивающейся американской печати до прочного закрепления в культуре в качестве необходимого компонента национального мифа об «американской мечте»: представлении о том, что всякий человек упорным трудом способен достичь жизненного успеха.

Синкретизм журналистики и литературы, особые публицистичность и документализм, свойственные американской прозе в целом, оказали заметное влияние на историю дискурсивного бытования концепта *золото* (ср.: «Многие писатели пришли в американскую литературу из журналистики... Во многом это наложило отпечаток на всю литературу США, национальными особенностями которой становятся подчеркнутый интерес к факту, к документу и к соединению документального и художественного» [Супоницкая, 2004, с. 3 – 4]).

Так, картина золотой лихорадки воплощена в рассказах и очерках М. Твена, публиковавшихся в газетах и позже объединенных автором в сборник «Налегке» [Груздева, 2006]. Видимо, в это же время, когда в массовом сознании бытует множество популярных «историй успеха» калифорнийских золотодобытчиков, которые «самостоятельно строят свою судьбу в поисках счастья и удачи» [Там же, с. 309], и происходит стабилизация и инкультурация ассоциативной «впянности» мотива золота в идеологическую структуру мифа об «американской мечте» – «одной из главнейших составляющих менталитета, культуры, истории, социальной и политической жизни США, мифа, который глубоко укоренился в массовом сознании, предопределил восприятие мира американцами» [Коновалова, 2009, с. 3].

Постепенно данная ассоциативно-смысловая корреляция приобрела характер этнокультурного стереотипа, до сих пор тиражируемого мировыми СМИ, в том числе и отечественными, например, при описании Калифорнии – т.н. Золотого штата, концентрированного хронотопа «американской мечты». Сравним тексты: 1) *Когда в 1848 году в этом американском штате обнаружили золото, сюда в поисках счастья приехали около 300 тысяч людей, превратив Калифорнию в воплощение «американской мечты»* (Российский бизнес, 2008, 20 мая. URL: <http://www.rb.ru/topstory/society/2008/05/20/103942.html>); 2) *Но есть другие факторы, которые определяют Калифорнию как золотой стандарт пресловутой «американской мечты»: там обитают звезды Голливуда и прочие богатые и знаменитые; там тихоокеанские пляжи с серфингом, катерами и яхтами, загорелыми стройными девушками и атлетическими юношами; там бассейны под пальмами, уютные городки в испанском стиле, обалденные дороги и чудесный климат – летом не жарко, зимой не холодно; там спокойно, комфортно и интересно жить; там самая передовая мода и самые передовые технологии. Туда всегда стремились люди со всех концов Америки и всей Земли* (Русские новости, 2009, 22 окт. URL: <http://russianews.ru/second/28109>).

Как видим, общекультурная, берущая начало в мифологии и фольклоре семантика прототипа послужила стартовой площадкой для появления и развития сначала собственно медийного и национально специфичного, а за-

тем – значительно расширившего дискурсивную и географическую «территорию влияния» концепта. На новом витке развития в массовой культуре золото как добываемое упорным трудом полезное ископаемое, в прямом смысле – непосредственный источник успеха, богатства, власти, славы и могущества, метафоризируясь, становится символом исполнения «американской мечты» – достижения *золотого стандарта* жизни, жизни как в *Золотом штате*. Однако медийное насыщение современного фрейма *золотой жизни* далеко от мифопоэтических представлений о золоте как «трансформации солнечного света» и «атрибуте-посреднике между людьми и священным миром» [Новичкова, 1996, с. 140].

В постиндустриальном обществе жить по *золотому* стандарту – это жить как *звезды Голливуда и прочие богатые и знаменитые*. Изменились и атрибуты *золотого* образа жизни, ярче всего представленные в обильно вплетаемых в медиатексты «модных прилагательных» (термин М.А. Кронгауза), аккумулирующих семантику моды, престижа, социального успеха (см. примеры из приведенного выше контекста: *загорелые, стройные, атлетические, уютные, обалденные, чудесный, комфортно, самая передовая* и др.).

Однако и идеал «американской мечты», и золото как некий ее материальный эквивалент постепенно «обрастают» смыслами разочарования и скептических сомнений отнюдь не только в американском, но и в мировом дискурсе осмысления и оценки, по словам Дж. Сороса, «самой мощной державы на Земле, той, которая определяет пути мирового развития» [Сорос, 2003]. Так, диссертационное исследование О. Кортеса, заметившего: «The California gold rush is the purest expression of the American Dream / Калифорнийская золотая лихорадка – самое чистое выражение американской мечты в истории», посвящено латиноамериканскому варианту преломления темы разочарования в американской мечте [Cortes, 2008].

В современном русском коллективном сознании фетишизация Америки сродни фетишизации золота, фанатичному поклонению золотому идолу: «Для носителей русского языка *Америка*, несомненно, концепт, ибо это не столько название страны (кстати, ни одна из стран не называется так) и тем более не столько название одного из континентов (какового названия ведь тоже нет), а в первую голову «культурно-ментально-языковое» образование, символизирующее процветание, империю зла, богатство, передовые технологии, врага номер один, предел мечтаний русского обывателя, самую справедливую страну мира и т.д. и т.п. А Финляндия? Это название прекрасной северной страны, нашего соседа. И только» [Грузберг, 2002].

В русскоязычной прессе самый частотный эпитет, сопровождающий идиому «американская мечта», в том числе в контексте золотой символики, прилагательное *пресловутый* – архаический церковнославянизм, кото-

рый, кардинально поменяв эмоциональное содержание, по мнению В.В. Виноградова, «возродился в публицистическом языке второй половины XIX в.» и до сих пор несет яркую ироническую, презрительную окраску и «резко отрицательный, уничижительный оттенок “приобретший отрицательную или сомнительную известность, славу, вызвавший шумные, но скандальные толки”» [Виноградов, 1994]: *золотой стандарт пресловутой «американской мечты»* (Русские новости, 2009, 22 окт. URL: <http://russianews.ru/second/28109>); *Не режут кур, которые несут золотые яйца в корзины. На этом и основана пресловутая американская мечта* (Радио Азаттык, 2010, 22 апр. URL: http://rus.azattyq.org/content/nursultan_nazarbaev_anniversary/2021042.html).

Таким образом, интенсивно развивающийся в американской и в мировой фикшн и нонфикшн литературе вариант интерпретации культурной универсалии породил стереотип, служащий, по причине его участия в глобальных процессах национальной самоидентификации, одним из мощных двигателей массово-информационной активности. Кроме того, анализ семантической эволюции концепта *золото* позволяет говорить об особой роли «экономических» медиаконцептов, в частности – «сырьевых», в формировании идеологической структуры национальной или региональной идентичности и построении национальной либо региональной идеи.

Отдельное исследование можно посвятить вопросу о том, не служил ли образ *угля*, в настоящее время являющийся локально маркированным медиаконцептом в угледобывающих регионах, например в Кузбассе, идеологическим символом экономической стабильности для советского человека первых пятилеток и непосредственным историческим предшественником современной неомифологии нефти.

Так, филолог М. Эпштейн, описывая архетипические свето- и богорборческие предтечи советской идеологии, называет тему *угля* в советской литературе мессианской [Эпштейн, 2006]. Действительно, как золото стало эталоном и мерилем национального мифа об американской мечте, так и уголь становится ключевой идеологемой советской эпохи, вернее, семантическим импульсом для структурирования новых идеологических мифов с органично присущей им, описанной Н.А. Купиной в монографии «Тоталитарный язык», траекторией развития от «редуцирования, вытеснения, трансформации константных семантических составляющих идеологии на уровне концепта» и «создания искусственных идеологем» [Купина, 1995, с. 15] до семантической диверсификации этих же идеологем в массовой речевой практике и словесном творчестве.

Видимо, возведение *угля* в статус материального мерила социального блага определялось не только его возросшей вследствие индустриализа-

ции экономической значимостью, но и большей, по сравнению с золотом, объективной количественной размерностью. Кроме того, добыча угля, в отличие от золотодобычи, ассоциирующейся более с удачливостью старателя, нежели с его трудолюбием, стала напрямую связываться с интенсивностью и главное – неисчерпаемостью человеческих усилий в период т.н. «стахановского» движения, названного по имени его зачинателя, добывшего за смену 102 тонн угля при норме 7 тонн. Добыча угля в советское время максимально героизируется, а шахтер становится «самой архетипической, наиболее прославленной из фигур советского рабочего пантеона» [Эпштейн, 2006].

Как известно, своеобразная смысловая кристаллизация идеологемы совершается при ее включении в прецедентные тексты, прежде всего лозунгового характера. Так, смысл максимальной интенсивности в структуре идеологемы *угля* достигает пиковой активности при его вхождении в структуру использующегося до сих пор в качестве иронической присказки лозунга *Даешь стране угля* (используется в неофициальном дружеском общении при шутивно-иронической интерпретации чьих-либо действий, количественно и качественно не соответствующих усредненной норме). Идиоматически сопрягаясь с революционным императивом *даешь*, по наблюдениям А.М. Селищева, выражающим не только «настойчивое желание, но и результат в достижении: “хорошо”» [Селищев, 1991, с. 93] (о семантике этого «громового, набатного лозунга» (В. Маяковский) см. также [Попова, 2001]), образ угля предстает в данном прецедентном высказывании синонимом неограниченных возможностей человека в строительстве социалистического общества, а также синонимом патриотизма. Связь личных усилий (императив употребляется в единственном числе), а следовательно, и личной судьбы, с судьбой страны осуществляется через мифологизацию и фетишизацию субстанции угля, поскольку уголь лежит в основе благополучия и процветания Родины.

Однако фальшивость, наигранность, гиперболизированность, а также семантический примитивизм идеологического лозунга в условиях советской языковой диглоссии (см. о ней: [Ворожбитова, 2000]) практически сразу при его появлении стимулируют профанизацию, игровое снижение и семантическую диверсификацию в разговорном варианте «Даешь стране угля, мелкого, но много». Здесь для нас важна игра с аккумулятирующим семантику интенсивности количественным признаком: снижение лозунгового пафоса происходит за счет выдвигания смысла *мелкий*, т.е. некачественный, плохой, на фоне смысла *много*, что за счет противительного *но* порождает смеховой оксюморонный эффект: *много, но плохо*. Как отмечает Н.А. Купина, «двусмысленность особенно ярко выступает на фоне официального лозунга, ставшего идеологическим предписанием, неким руководящим символом, жизненным ориентиром для советского народа» [Купина, 1995, с. 104].

В данном случае с позиций народной экономической и бытовой этики обыгрываются смыслы присущей советской идеологии и способу хозяйствования бестолковости, порожденной неуклонным следованием безапелляционным предписаниям.

Этический запрет на серьезное, в прямом смысле, использование анализируемого лозунга-слогана в поэтических контекстах, воспевающих труд шахтеров, остро ощущался как известными авторами: *И шуточку «Даешь стране угля!» / Мы чувствуем на собственных ладонях* (В. Высоцкий, «Черное золото»), так и анонимными: *Из множества профессий есть одна, / Что Родине богатство добывает, / И лозунг, мол, «Даешь стране угля!» / Здесь каждый без сарказма принимает* (Поздравление к Дню шахтера. URL: <http://www.srozhdeniem.ru/prazdniki/shahter.php>). Необходимы специальные модальные дескрипторы и дискурсивные маркеры (*шуточку, мол, без сарказма*), чтобы вернуть пафосной фразе первоначальный высокий смысл и обратить исполненную сарказма шуточку в идиому, отражающую реальное положение дел.

Так происходит поступательно-возвратное движение семантики концепта, включенного в структуру идеологического мифа, будь то миф об американской мечте или миф о стахановском движении. Институциональное официальное идеологически выверенное высокое значение сначала подвергается в коллективном языковом сознании диверсификации в форме профанизации и гротескового снижения, а затем требует для своего включения в тексты некомического, серьезного характера особых модальных маркеров эвиденциальности как показателей «эпистемического ручательства» [Шестухина, 2008, с. 184] за достоверность сказанного. Причем в последнем из приведенных контекстов ярко демонстрируется осознание автором нравственного императива невозможности прямого использования напыщенного и неискреннего советизма: ксенопоказатель *мол* ярко эксплицирует демонстративное отстранение субъекта речи от чуждого ему официального дискурса, в котором лозунг употребляется «без сарказма», в то время как только помещенная в контекст реального шахтерского труда избитая фальшивая фраза обретает несаркастический первоначальный смысл.

Следующей за профанизацией и осмеянием ступенью диверсификации идеологического мифа становится, как правило, порождаемая властью объективных социально-исторических обстоятельств, диктующих значимость и незыблемость фактора экономико-сырьевой зависимости, демонизация объекта этой зависимости. Так, публицист Дмитрий Данилов в очерке «Угольная депрессия» рисует inferнальную картину одного из кузбасских городов: *Это Сибирь, Кузбасс, Кемеровская область. Угледобывающий регион... Смысл существования города Прокопьевска практически пол-*

ностью заключается в угле. В городе много угольных шахт. Шахты выглядят страшно. Все шахтные строения – черные, рядом с наклонными галереями, по которым транспортируется уголь, – кучи угля, по ним ползает грязно-желтый бульдозер, пытаясь придать кучам требуемую форму. Вокруг шахты – уже не кучи, а огромные горы угля, присыпанные снегом (Русская жизнь, 2008, 15 февр.). С помощью парцелляции, глагольных форм т.н. настоящего репортажа, однозначных оценок (*страшно*), цветописи (*черные, грязно-желтый*), градации и гиперболизации (*кучи, огромные горы*) журналист рисует отталкивающий образ угля как мрачной потусторонней субстанции, всецело определяющей и ландшафт, и жизнедеятельность города.

Таким образом, экономико-сырьевые медиаконцепты обнаруживают тенденцию к включенности в структуру ключевых национальных идеологических мифов – неомифологем, детерминирующих общественное сознание на определенном этапе развития того или иного социума. Неомифологемы, в свою очередь, черпают интерпретационный ресурс, во-первых, в «вечных», архетипических мифологических и фольклорных сюжетах, а во-вторых, в герменевтической традиции толкования этих сюжетов в неоднозначных и амбивалентных границах воспеания-осмеяния, возвышения-низвержения, идеализации-профанации.

Кроме того, концепт *нефть* закономерно эксплуатирует узуальный инвариантный смысл своего относящегося к общеупотребительной лексике вербального прототипа в качестве константного фона собственной дискурсивно-стилистической эволюции и ассоциативно-смыслового развертывания. Так, в любом журналистском материале нефтяной тематики речь идет о некоем жидком полезном ископаемом, которое для большинства рядовых читателей, в отличие от другого символа экономического процветания – золота, никогда не было объектом их непосредственного эмпирического опыта. Однако узуальное значение имени концепта отодвигается на дальнюю периферию, в то время как символическое, причем зачастую зыбкое и неоднозначное, выходит на первый план: *Нефть – наше все. Раньше еще был хлеб* (Свободная пресса, 2010, 11 февр.); *Для Украины хлеб – все равно, что для Российской Федерации нефть* (УРА-Информ, 2008, 14 апр. URL: <http://ura-inform.com/politics/2008/04/14/hleb#>).

В данных примерах мы наблюдаем процесс наделения нефти разнополюсными символическими социальными смыслами: нефть, неизбежная эмблема современной России, противопоставляется традиционному органичному и естественному источнику жизненного благополучия, хлебу, и трактуется в первом случае в контексте идеализации прошлого, а во втором – в контексте сложности завязанных на нефтяном факторе российско-украинских отношений. Этический дискомфорт, испытываемый русской коллективной

языковой личностью от произошедшей смены концептов *хлеб* и *нефть*, ярко проявляется в современном фольклоре: *Мы века бывали сыты / Аржаным и белым ситным. / А сейчас питают нас / Нефть да газ, все нефть да газ!* (URL: http://vinodlya.narod.ru/new_page_28.htm).

Взаимодействие многополярных смыслов в интерпретационном фокусе анализируемого концепта порождает концептуальное напряжение такой силы, которая генерирует один из глобальных символов нашей эпохи.

Таким образом, культурный и вербальный прототипы формируют пресуппозиционную матрицу, некоторые прогностические контуры содержательного и аксиологического развертывания медиаконцепта. Обусловленная возникшими объективными социокультурными обстоятельствами дискурсивная востребованность того или иного смыслообраза стимулирует «реанимацию» и «всеобщую мобилизацию» информационно-интерпретационных ресурсов, аккумулированных в его вербальном и ментальном прообразах.

Глава 2. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта *нефть* в региональном медиадискурсе

2.1. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного концепта *нефть* в томской медиасфере

Особый вариант семантического развития получают медиаконцепты в региональном медиадискурсе. Думается, что миромоделирующий потенциал регионально маркированных концептов приобретает в местных инфосферах особые спецификации, влияющие на факторы формирования их миромоделирующего потенциала.

Значимость нефти для всех аспектов жизни Томской области трудно переоценить. Нефть занимает первое место в структуре экспорта региона, на предприятиях нефтяной отрасли трудится значительная часть жителей, нефть стала причиной и стимулом освоения северных труднодоступных территорий. Так, г. Стрежевой, расположенный за 63 градусом северной широты, *самим своим появлением обязан месторождениями нефти, составляющим главное богатство Томской области* (Официальный сайт Администрации Томской области. URL: <http://tomsk.gov.ru>).

Проведенный с помощью метода незаконченных предложений осенью 2010 г. в г. Стрежевом лингвистический эксперимент (респондентам предлагалось закончить фразы: *В газетах часто пишут, что нефть...; А мне кажется, что нефть...; Для моей семьи нефть...; Для моего региона нефть...; Для моей страны нефть...*) ярко показал «нефтецентризм» концептосферы жителей томского севера (см. об этом подробнее в параграфе 2.3). В 102 из 105 (97 %) анкет продемонстрировано четкое понимание стрежевчанами беспрецедентной важности нефти для благополучия не только всей страны и региона, но и личного, семейного. В 83 (79 %) анкетах фигурирует самый распространенный парафрастический «заместитель» слова *нефть* – публицистический штамп *черное золото*, наиболее емко фокусирующий семантику своего прототипического предшественника, концепта *золото* (см. об этом в параграфе 1.2).

Поскольку нефтяной фактор лежит в основе экономического благополучия региона, закономерно, что влияние его на все иные стороны жизни территориального сообщества исключительно велико и разновалентно. Соответственно, региональный медиадискурс, репрезентируя и конструируя общественное сознание, фокусирует и материализует в медиатекстах наиболее значимые для политико-экономической и социокультурной жизни реги-

она концепты во всей системе своеобразных созависимостей и коррелятивных соотношенностей, свойственных региональной картине мира.

Исследование специфики вербальной репрезентации медиаконцепта *нефть* как ключевой детерминанты общественного сознания жителей Томска и Томской области позволяет выявить миромоделирующий потенциал данного медиаконцепта на основе анализа текстов местных СМИ.

С целью описать разные фазы жизненного цикла медиаконцепта *нефть* в СМИ нефтедобывающего региона был проанализирован значительный фрагмент томского медиадискурса с 2002 г. по настоящее время. Было произведено сочетающее приемы контент-анализа, а также контекстологического, концептуального, лингвокультурологического анализа комплексное исследование более 30 000 текстов местной прессы, радио, телевидения, Интернета.

Для выявления и описания динамики дискурсивно-стилистической эволюции концепта был применен сравнительно-сопоставительный анализ медиасообщений разных лет, сопоставлен медийный нарратив релевантных для нашей тематики хронологически рекуррентных периодов (декабрь–январь разных лет как время подведения итогов года, сентябрь как время празднования Дня нефтяника и др.).

Считается, что импульс активной семантической жизни данный «экономико-сырьевой» медиаконцепт получил в начале 2000-х по объективным причинам социально-экономического характера, в том числе макроэкономическим и глобально-политическим. Именно в это время «цены на нефть выходят на устойчиво повышающуюся траекторию», «на мировом нефтяном рынке происходят тектонические сдвиги», США уступают России второе после Саудовской Аравии место по добыче этого углеводородного продукта [Симония, 2005].

До сих пор начало нового века прочно ассоциируется с актуализацией нефтяной тематики в общественном сознании россиян, актуализации столь яркой, что факт роста цен на нефть становится прецедентным, к нему апеллируют как к общеизвестной примете описываемого времени, некоему историческому индексу, избирают эталонным объектом сравнения в компаративных структурах: *Исчезновение домашних тараканов в начале 2000-х было стремительным. Стремительнее, наверное, росли только цены на нефть* (Новая газета, 2009, 7 сент.).

Однако семикратный рост мировых цен на нефть с начала 2002 г. по середину 2008 г., названный экономистами «нефтяным шоком» [Крейндель, 2009], уже к середине 2000-х начал осмысляться прессой нефтедобывающего региона и местным сообществом неоднородно: не только как сугубо позитивный фактор, обеспечивающий стабильность и процветание территории.

Если в 2003 г. томская пресса в основном освещала успешные социальные и экономические проекты крупнейшей в то время в России нефтяной компании, работавшей и на томской земле: *Вчера состоялось итоговое заседание оргкомитета конкурса «Человек года». Напомним, что с инициативой его проведения четыре года назад выступили нефтяная компания «ЮКОС» и администрация Томской области* (Томский вестник, 2003, 27 дек.); *26-27 сентября... состоялось очередное расширенное заседание правления НК «ЮКОС». Темой большого разговора нефтяников стало обсуждение задач компании в области технологического лидерства* (Томский вестник, 2003, 29 сент.), то уже в 2004 г., в том числе – по причине весьма травматичного для области банкротства «ЮКОСа», наряду с демонстрацией успеха: *Лидируем в нефтедобыче. В Томской области, несмотря на известную ситуацию вокруг компании «ЮКОС», добыча нефти растет* (Красное знамя, 2004, 03 дек.), звучат весьма значимые для динамики регионального самосознания импульсы сомнения и осторожного скепсиса. Поводом для развития данного ракурса нефтяной темы служат обоснованные и дальновидные, как показало время, опасения возможных последствий «головокружения от успехов». В медиаматериалах начинает актуализироваться семантика предела, некой крайней точки, пика, за которым неминуемо последует спад.

Это касается, во-первых, что закономерно, макроэкономического показателя цены на нефть, высокий уровень которой и обеспечивает относительное благоденствие: *Однако, по мнению этого авторитетного эксперта, укрепление рубля в первую очередь построено не на росте промышленных активов, а на нефтедолларах. В то же время сырьевой рынок нестабилен, настаивает наш источник, и строить государственную финансовую политику на нефтяных ценах опасно. Это грозит катастрофой, если нефтяные цены вдруг поползут вниз* (Томский вестник, 2004, 14 дек.); *В 2003 году мы выросли почти на 7 процентов не только потому, что у нас хорошая страна и хорошие работники, а прежде всего потому, что у нас хорошая нефть: не было бы таких хороших цен на нефть, мы выросли бы не на 7 процентов, а на 4–5, не более... Нефтяные цены – вещь непрогнозируемая... и цены будут снижаться. А это означает, что наша экономика не будет получать таких сверхвысоких доходов, и нельзя прогнозировать такой же благоприятной ситуации* (Красное знамя, 2004, 21 дек.).

В обоих контекстах надо отметить единодушие в выражении недоверия основной причине экономической стабильности, ярко проявленного в противительных конструкциях, где первая часть эксплицирует правильное и должное, а вторая – не вполне отвечающее адекватному представлению о порядке вещей (*не на росте промышленных активов, а на нефтедолларах; не только потому, что у нас хорошая страна и хорошие работники, а пре-*

жде всего потому, что у нас хорошая нефть). Позиция авторов конкретизируется в первом случае посредством использования приобретенного в медиадискурсе негативно-пренебрежительный оттенок композита *нефтедоллары*, а во втором – в смысловой игре с полисемантом *хороший*, актуальное значение которого в последних двух из четырех употреблений (*хорошая нефть; хороших цен на нефть*) иронически «перевернуто». В то же время надо отметить элементы коммуникативной некатегоричности и осторожности в подаче скептических оценок и прогнозов – ссылки на авторитеты, семы постепенности и процессуальности глагольного действия (*цены вдруг поползут вниз; цены будут снижаться*, а не свойственное медианарративу 2008 г. *обвал цен, цены рухнули*).

Во-вторых, смысл предела, превышения разумной нормы фигурирует и в материалах об объемах нефтедобычи: *...сможет ли Томская область удвоить валовой региональный продукт к 2010 году... При существующих темпах роста экономики получается, что можем. Но сейчас, когда львиную долю этого обеспечивают нефтяники, нужно думать о будущем, когда они выйдут на оптимальный уровень добычи и большего роста не будет. А по ощущениям В. Кресса, «на полку» нефтяники вышли уже в этом году* (Красное знамя, 2004, 06 янв.). Как видим, и здесь сильна количественная семантика, а нагнетание «размерных» лексем и идиом стимулирует смысл чреватой негативными последствиями чрезмерности: *удвоить, темпы роста, львиная доля, оптимальный уровень, выйти «на полку»*. Не случайно губернатор, демонстрируя, что он профессионально владеет ситуацией в самой важной для области промышленной сфере, использует жаргонизм нефтяников *выйти «на полку»*, определяющий предельный уровень нефтедобычи (Ср.: *Консорциум должен выйти «на полку» добычи в 170 тыс. баррелей в сутки в течение 6–7 лет* (ЦентрАзия, 2010, 06 авг. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1281041280>).

То, что анализируемый медиаконцепт стал активно эволюционировать, наращивая зоны и детализируя направления своего ассоциативно-смыслового развертывания, ярко проявляется в материалах иронического характера. Так, информационно-развлекательное издание «Буфф-Сад» публикует фельетон, высмеивающий актуальный для докризисных 2000-х новогодний штамп о кардинальном улучшении жизни россиян: *Экономика, как обычно по январям, дала невиданный надой, прирост и приплод. Особенно рьяно развивалась нефтяная отрасль, потому что нефтяники поняли – надо быстро все выкачивать и сваливать. Но качалки у них не могут все сразу, поэтому разгон происходит постепенно. Раз баррель, два баррель...* (Буфф-Сад, 2004, 15 янв.). Недоверие обывателя к обнадеживающей статистике и безрассудному оптимизму проявляется в иронических атрибутивах-

гиперболах (*невиданный, рьяно*), в восприятии самого труда нефтяников и их намерений как несерьезных, инфантильных и безответственных. Многозначность глагола в составе профессионализма *качать нефть* позволяет автору простроить развернутую метафору, связанную с семантикой детства и качания на качелях или в качалке, подкрепленную трансформой детской считалки, в которой в роли предмета счета выступает для рядового носителя языка десемантизированное заимствование *баррель*.

Итак, уже в прессе 2004 г. мы наблюдаем весьма неоднозначное и противоречивое отношение регионального сообщества к томской нефти. Благом или проклятьем предстает для жителей Томска и Томской области главный источник их экономической и социальной стабильности? Каковы основные траектории развития и ведущие грани медиаконцепта *нефть* в томских СМИ? В чем своеобразие фрагмента региональной картины мира, им сформированного? Попытаемся ответить на эти вопросы на основе анализа томских медиатекстов.

Для получения объективных верифицированных данных о частотности экспликации нефтяной тематики в томском медиaprостранстве нами был осуществлен количественный анализ выпусков газеты «Томский вестник» за 2005 г. Это областное ежедневное печатное издание, призванное освещать общественно-политическую, социальную, культурную жизнь Томской области, одно из самых популярных в регионе. Методом сплошной выборки из журналистских текстов 220 номеров этой газеты за 2005 год (именно в это время нефтяная тематика была особенно актуальна в связи с «делом Юкоса») нами были выявлены вербальные репрезентанты медиаконцепта *нефть*, имеющие в своем составе корень *нефт-* или содержащие этот компонент в свернутом виде (в аббревиатурах типа *ВНК – Восточная нефтяная компания*).

Количественные данные таковы: обнаружено 2181 лексическая единица, эксплицирующая данный концепт, т.е. в среднем в каждом из номеров газеты встречается примерно по 9 прямых репрезентантов анализируемого медиаконцепта. (Под прямыми репрезентантами имеются в виду узуальные репрезентанты концепта и слова, связанные с ними деривационными отношениями).

Как показало исследование, более половины из выявленных прямых лексических репрезентантов медиаконцепта *нефть* в рассматриваемом корпусе газетных текстов являются эргонимами – наименованиями деловых объединений людей (учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений) [Подольская, 1988, с. 151]. Так, композит *нефтехим* самостоятельно или в составе более сложных композитов (например, *Томскнефтехим*) либо дериватов (например, *нефтехимический комплекс*) встречается 528 раз, ком-

позит *томскнефть* – 515, *сибнефть* – 76, синлекс *нефтяная компания* – 68. Среди эргонимов – наименований предприятий в «нефтяных» районах области – встречаются такие многоэлементные образования, как *Сибдорнефтегаз*, *Нефтепромбурсервис*, *Сибнефтегазстрой*.

Поскольку имена собственные, в том числе и эргонимы, «составляют ономастическое пространство, определяемое моделью мира, существующей в когнитивном представлении народа, дающего имена», а «названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотношены друг с другом» [Исакова, 2008, с. 3], такое разнообразие «нефтяных» эргонимов и высокая степень их представленности на страницах областной газеты позволяют говорить об исключительной важности анализируемого концепта в региональной концептосфере вообще и медийной ее ипостаси в частности: нефть и все, что с нею связано, мыслится залогом социального благополучия т.н. сырьевого региона и страны в целом, а также основой стабильности позитивного имиджа территории (ср. заголовочные комплексы двух материалов газеты от 03 сент.: (1) *Нефть-кормилица. Без этой отрасли невозможно будущее Томской области* и (2) *Время нефти. Углеводородное сырье возродило Россию после дефолта*).

Исследователи городского ономастикона относят рассматриваемые урбанонимы-композиции к «техногенным» эргонимам [Яковлева, Емельянова, 2006, с. 86]. В самом этом атрибутивном терминологическом отражении «социоприродный трансформирующий характер при преобладании экономических и научно-технических доминант развития и рационализации, которые задают динамику происходящих изменений, направляют эволюцию человечества в мир искусственной, постбиосферной жизни» [Дергачева, 2009, с. 172 – 173].

Семантическая аура техногенности, неестественности, машинности, неминуемо сопровождающая функционирование нефтяных эргонимов в медиадискурсе, требует в целях их «социальной реабилитации» введения в контексты отприродных и архетипически позитивных нейтрализаторов таких тематических областей, как семья, детство, здоровье. Ведущей в материалах становится PR-функция создания положительного имиджа предприятий, позиционирования их как социально ответственных благотворителей, пекущихся об общем деле.

Показательно, что «нефтяные» эргонимы и образованные от них номинации на газетной полосе почти всегда служат актуализации наиболее социально значимых тем и контекстов, структурирующих локально окрашенные модусы самосознания и медиапрезентации регионального социума: предприятия нефтяной отрасли и его работники выступают в роли тех, кто приносит пользу обществу, в таких сферах, как благотворительность (*Каж-*

дому ребенку – по кусочку счастья. В областном Театре драмы прошла благотворительная елка для 850 ребятишек из 12 детских домов и интернатов. Ее организаторами и спонсорами стали Томский филиал КБ «Газпромбанк», ООО «Томсктрансгаз», ООО «Томскнефтехим» и ОАО «Востокгазпром» /06.01.05/; спорт и здоровье (Нефтехимовцы пинают и отбивают /13.01.05/; Хилых нефтехимиков не бывает /25.02.05/); рост и укрепление предприятия и его деловой репутации (Двери в будущее. Подзабытое слово «новоселье» нефтехимики вспомнят уже в ближайшее время /28.01.05/; Омский оптимизм для Томской области. Местные нефтегазостроители отстаивали свой авторитет /14.04.05/). Особо подчеркивается участие нефтяных структур и в масштабных городских социальных проектах (Отличается нефтехим и продуманной социальной политикой: поддерживает Томский шахматный клуб, реконструировал томский Буфф-сад, стал одним из главных спонсоров празднования 400-летия города), и во внутрикорпоративных (...на преимуществах и льготах, которые предоставляет нефтехим своим работникам. Например, предприятие реализует собственную жилищную программу, в рамках которой в ближайшем будущем начнется строительство собственных жилых домов /18.01.05/).

Доверие к нефтяной отрасли достигается и через описание индивидуальных судеб людей. Актуальной является тема «маленького человека», обычного труженика, с его незамысловатой историей успеха, коим он обязан и своим личным качествам, и родному предприятию. Утверждается идея семейной преемственности, успехи детей из северных районов области преподносятся как следствие рабочей доблести отцов: Юное дарование из Стрежевого. В каких семьях вырастают такие ребята? Мама, Светлана Васильевна, диспетчер на городском автобусном предприятии, отец, Андрей Валентинович, машинист спецтехники на нефтепромысле. Так что семья самая обычная, только с особым вниманием к жизни детей, поддержкой, созданием условий в надежном домашнем тылу /21.01.05/; Я выросла в деревне. Моя мама по образованию бухгалтер, а папа водитель в АТП, а еще у меня есть брат, который учится в политехническом техникуме на факультете разработки нефтяных месторождений. Вот такая моя семья! /27.01.05/.

Особо выделяется в нефтяном дискурсе «Томского вестника» благополучного в экономическом плане 2005 г. тема нефтяного образования, ставшего по понятным причинам крайне модным и престижным. Концептуальная спайка нефть – образование становится знаковой для региона, где оба члена коррелятивной пары являются локальными брендами: Вчера в резиденции посла Ее Величества королевы Великобритании в России прошла торжественная церемония. Выпускники центра профессиональной переподготовки специалистов нефтегазового дела Томского политехническо-

го университета получили дипломы международного образца из рук посла Ее Величества королевы Великобритании в России /29.01.05/; Передовые нефтегазовые компании вкладывают средства в обучение персонала. Сегодня необходимость подготовки современных кадров обусловлена тем, что нефтегазовое производство базируется на наукоемких технологиях, создаваемых на базе новейших знаний /03.02.05/; На нефтехиме дали старт подготовке элитных кадров. Подготовка «отборных» специалистов – тенденция сегодняшнего дня. Предприятию, желающему быть лидером, нужны молодые специалисты, нацеленные на успешную карьеру, и уже на студенческой скамье приобретающие именно те знания, которые нужны для решения производственных задач. В свою очередь такие специалисты становятся элитными и могут рассчитывать на успешную карьеру /18.01.05/. Данные контексты насыщены индексами престижности вплоть до тавтологических повторов: апелляциями к авторитету Европы и высоких должностных лиц (посла Ее Величества королевы Великобритании в России), атрибутивами новаторства (передовые, современные, наукоемкие, новейшие), «модными» прилагательными с семантикой исключительности (элитные, «отборные», успешные), номинациями нацеленной в будущее прогрессивной динамики (дали старт, тенденция, лидер, карьера).

Как видим, одной из ведущих функций эргонимов в качестве прямых репрезентантов медиаконцепта нефть в томской прессе является функция формирования позитивного социального имиджа нефтедобывающего региона в местном медийном коммуникативном пространстве.

Однако совершенно иное прочтение начинает получать нефтяная тематика с расширением интерпретационного контекста, с введением в медиаматериалы аналитического ракурса, связанного с осмыслением жизнедеятельности и путей развития Томской области как сырьевого региона.

Начнем с того, что информационными усилиями СМИ в последнее десятилетие такой специальный макроэкономический показатель, как стоимость нефти на мировом рынке, стал для массовой ментальности т.н. «приватизированным знанием», информацией константного фона общения. Яркое доказательство тому – включение топиков о цене нефти в повседневный дискурс, причем в качестве фатической вставки, некоей общей всем известной темы, посредством которой устанавливается доверительный контакт между собеседниками.

Так, журналистка, начиная интервью с известным рок-музыкантом Б. Гребенщиковым, выбирает стоимость нефти в качестве отправной точки коммуникации: Он уже снял свое красное пальто и очки с оранжевыми стеклами, сидит напротив за серым офисным столом, и все выглядит так, будто мы собрались обсудить, скажем, цены на нефть (Домовой, 2002, 04

апр.). То, что беседа предстоит отнюдь не с экономическим светилом, а с ярким представителем творческой элиты, только подчеркивает фатический и традиционный характер темы, подобный разговорам о погоде. Публицист Роман Лейбов в эссе «Разговоры о погоде» (Русский журнал, 2001, 29 авг.) замечает: *Это всегда – разговор о Роке*. Как все константные фоновые темы, сопровождающие бытовую неофициальную коммуникацию, как обсуждение состояния здоровья и погоды, стоимость нефти стала символизировать некую стабильную детерминанту повседневности. Ее смысловым модификациям стали присущи черты фатализма и предопределенности, свойственные любым упрощенным объяснительным моделям массового сознания, примитивизирующим базовые координаты быта и бытия.

В томской медиасфере колебаниями цены на нефть в рамках плоскостной аксиологической дихотомии *низкая цена – плохо, высокая – хорошо* объясняется общее благополучие / неблагополучие государства и региона в прошлом, настоящем и будущем: *Советского Союза не стало, нефть упала в цене, денег в государстве не стало* (РТР-Томск, 2009, 27 июня.); *Мы хорошо живем, пока хорошо с нефтью. Но когда падает, мы каждый раз утыкаемся в то, что внутренний спрос в стране плох* (Час Пик. Суббота, ТВ-2, 2009, 19 дек.); *При этом их решение поднять отпускные цены напрямую зависит от мирового рынка сырья, где нефть вновь растет* (Вести-Томск, Утро, РТР, 2009, 03 июня.); *По нефтяной отрасли иногда складывается впечатление, что начинаем подниматься, растет цена на нефть, потом опять снижение. Сейчас опять перевалила цена за 60 долл. за баррель. Это для территории, которая добывает нефть, хорошо* (ТВ-2, 2009, 28 мая). Как видим, медиатексты не демонстрируют в данном случае ни синонимического разнообразия, ни окказионально-экспрессивных новшеств, максимально схематизируя семантику прямой тотальной зависимости качества жизни от роста или падения стоимости углеводородного сырья.

Узловая метафора, описывающая колебания цены на нефть, – устойчивая и практически стершаяся языковая метафора движения по вертикали, в семантической структуре которой движение вверх, в том числе преодолевающее определенные рубежи и препоны, олицетворяет мелиоративно оцениваемое качество (*растет, подниматься, перевалила*), а движение вниз, в том числе резкое, стремительное, – пейоративно (*упала, падает, снижение*). При этом внимание привлекает лаконичность и некоторая вербальная примитивность в выражении оценок (*не стало, плохо, хорошо*), не предполагающем ни какой-либо детализирующей нюансировки, ни поясняющего комментария. Кроме того, во многих случаях мы наблюдаем эллиптический пропуск лексемы *цена* или *стоимость* (*нефть растет, нефть падает*), что демонстрирует типичность и самой вербальной модели, и лежащей в ее основе метафо-

ры, типичность, позволяющую автору сэкономить речевые усилия без ущерба для понимания сообщения.

Столь же однобоко и однообразно падение цен на нефть олицетворяет в медиатекстах некую рубежную темпоральную веху, отделяющую идеализируемое недавнее «докризисное» прошлое от неприглядного «кризисного» настоящего: *До кризиса там в основном использовали импортное электрооборудование, денег у нефтяников хватало* (Красное знамя, 2009, 2 янв.); *Сейчас нефть играет ключевую роль в судьбе российской экономики. Кризис восстановил давнюю зависимость российского рынка от цен на нефть* (Томский вестник, 2009, 22 мая). Протекание кризиса и колебания цены на нефть преподносятся как два неразрывно связанных взаимозависимых процесса: *...постепенное повышение цен на нефть и снижение инфляции могут создать более благоприятные условия во 2-м полугодии, в результате которых в 2010 году российская экономика сможет возобновить умеренный экономический рост* (Выходной, 2009, 04 июля).

Во многих материалах СМИ отражены внедряемые в массовое сознание интенции настороженности и негативных ожиданий, связанных с необъяснимостью и непредсказуемостью ценового поведения нефти – фактора, никоим образом не зависящего ни от поведения обычных граждан, ни от действий властей: *Рост цен на нефть не дает власти права успокаиваться и не выполнять антикризисные мероприятия* (Парламентская неделя, 2009, 31 мая); *И хотя сейчас курс рубля и цены на нефть стабилизируются, к осени ожидается вторая волна кризиса* (Формула закона, РТР-Томск, 2009, 30 мая). Поэтому, как в противодействии любым проявлениям фатальной стихии, оптимальным способом самосохранения становится рецепт не расслабляться, быть информированным, готовиться к худшему, «зашитый» в подтекст медиасообщений с помощью нагнетения негативной семантики противостояния посредством отрицательных частиц и приставок (*не, анти*) и противительных конструкций с союзом *хотя*.

Действительно, именно в период нефтяного бума и, тем более, в период кризиса цена на нефть стала олицетворять, с одной стороны, некий универсальный эталон, точку отсчета, а с другой – столь же универсальное оправдание собственной непопулярной ценовой политики для всех других экономических сфер, например, для строительной и риэлтерской (*Говоря о факторах, влияющих на динамику роста цен на рынке жилья, стоит отметить рост цен на нефть* (Деловой обзор, ТВЦ, 2007, 26 дек.)) и даже столь далеких от нефти, как косметическая (*Изменения спроса на рынке косметики не произошло... Сложно делать перспективные прогнозы, все зависит от макроэкономических показателей, это нефть* (Эхо Москвы в Томске, 2009, 08 июня.)).

Так цена нефти становится одним из мощных факторов, определяющих течение жизни, а ее рост – показателем стабильности, обычности, типичности этого течения, причем для обыденного сознания показателем отнюдь не оптимистическим. Симптоматично в данном случае появление сравнений с нефтью опять же далеких от нее реалий, стоимость которых интерпретируется с позиций коллективной этики как неоправданно завышенная: *Причина, по которой предприятия и организации не торопятся везти снег на официальные снегоотвалы, кроется в цене снега, которая год от года растет, словно нефть* (Вести-Томск. События недели, РТР, 2009, 13дек.); *Местность там красивая, поэтому участки под строительство будут стоить дорого. На их продаже можно навариться больше, чем на нефти* (Томская неделя, 2009, 03 июл.).

Итак, анализ текстов томских СМИ показывает, что смоделированный в медиапространстве ресурсодобывающего региона фрейм цены на нефть, даже когда она высока, не является однозначно позитивно оцениваемым региональным сообществом. Коллективная языковая личность, не владеющая специальными экономическими познаниями, склонна видеть в данном постоянно фигурирующем в СМИ макроэкономическом показателе феномен *deus ex machina*, которому приписывается большая объяснительная сила, способность адекватно обосновывать реальное положение дел. При этом сама цена на нефть как *deus ex machina* воспринимается как сугубо внешний, рационально необъяснимый и поведенчески непредсказуемый, но крайне сильный и объективный фактор влияния и фактор зависимости.

Так, представление о несоответствии труда нефтяника и его большой зарплаты, несоответствии вложенных усилий и астрономических доходов, получаемых нефтяной отраслью, коррелятивное соотношение нефти и богатства – один из устойчивых социальных неостереотипов.

В диссертационном исследовании О.В. Ильиной, посвященном изучению стереотипных представлений о богатых и бедных в социокультурном контексте современной прессы, доказывается, что, несмотря на «частичную дестереотипизацию представлений о богатых», «в обыденном сознании закреплены негативно окрашенные стереотипные представления о богатых. Ответственность за бедность и бедных перекладывается на государство. Бедный человек оценивается как честный труженик, обладающий высокими нравственными качествами. Богатый – как виновник бедности, а само богатство – как приобретенное нечестным путем и потому аморальное» [Ильина, 2008, с. 6]. Наряду с этим исследователь выделяет в структуре стереотипных представлений о богатых активизацию модуса долженствования (*богатые должны делиться с государством, богатые должны делиться с бедными*

и помогать им) и закрепление в обыденном сознании императива социальной и моральной ответственности имущих перед обществом [Там же, с. 16].

Все связанное с нефтью является символическим средоточием представлений о богатстве. Для нас крайне симптоматично то, что автор указанной выше работы среди пяти парадигм номинаций субъектов-носителей признака «богатый», регулярно получающих приращение «небедный, обладающий средствами, обеспечивающими высокий уровень жизни», отдельной строкой выделяет парадигму номинаций, объединенных смыслом «лицо, занятое в сфере нефтяной промышленности» (*нефтяник, нефтяной магнат, нефтяной король, нефтяной барон* и др.). Кроме того, описание парадигмы номинаций, объединенных смыслом «специалист по управлению» (*директор, гендиректор, начальник, топ-менеджер, босс, управленец* и др.), иллюстрируется цитатой именно «нефтяной тематики»: *Финансисты говорят, что любой гендиректор нефтяной компании гораздо богаче их* [Там же, с. 11–12]. В приведенном высказывании семантика богатства вдвойне усиливается за счет контекстуального партнерства двух ярких лексических маркеров данного признака *гендиректор + нефтяная компания*.

Как видим, толкование нефтяной тематики в контексте идеи социальной справедливости / несправедливости, трактующее нефтяное богатство как изначально несправедливое и предписывающее, чтобы восстановить «баланс справедливости», делиться с бедными и нести за них ответственность, становится общим местом в массмедийном нарративе.

Несколько иное звучание получают описанные смысловые модели в прессе нефтедобывающего региона. Тотальная экономическая и инфраструктурная зависимость от нефтяного фактора, большое количество занятых в нефтяном секторе жителей, имиджевые ориентиры, не позволяющие дискредитировать «кормящую» сферу, приводят к диссимуляции, намеренной маскировке репутационно невыгодных социальных интенций.

Так, при всей насыщенности регионального медиадискурса сообщениями об исключительной значимости нефтяного фактора для благополучия территории, прямых ассоциативно-вербальных соотношений *богатство – нефть* не так много, а те, что есть, имеют обобщающий, неконкретизированный характер, при этом обезличено и достаточно топорно воспроизводят «прописные истины» и расхожие штампы. Речь идет о России вообще, *стране богатой и стабильной, насыщенной нефтедолларами* («Умные люди», 2008, 29 дек.), о богатых как абстрактно-анонимной социальной страте: *Наступил момент, когда понятно: надо богатым помогать бедным* (Городская газета, 2009, 27 дек.).

Значительно трансформируется в медиапространстве нефтедобывающего региона такой типовой участок пропозиционной модели *богатство –*

нефть, как зарплата нефтяника, ставшая эталоном высоких доходов, достойного уровня жизни. На другом полюсе прототипической (по Э. Рош) дихотомии в общероссийской прессе находится зарплата учителя, в массовом сознании символизирующая вопиющее несоответствие количества и качества труда вознаграждению: *О средней зарплате. Тысяча долларов ежемесячно – это весьма неплохо (во всяком случае, с точки зрения сегодняшнего дня). Но за этой расчетной цифрой скрываются многократные различия между оплатой труда нефтяника и учителя* (Российская газета, 2007, 26 июня.).

В томских массмедиа столь откровенное противопоставление неприемлемо, поскольку черевато социальным негативизмом и ростом ксенофобии в области, бюджет которой до 80 % состоит из доходов от нефти. Поэтому, например, в докризисный экономически стабильный 2007 г. о высокой зарплате нефтяников говорят сами нефтяники в контексте их вклада в дело процветания региона и его жителей: *Мультипликативно «Томскнефть» дает до 80 % областного бюджета. Средняя зарплата нефтяника 50 тысяч рублей в месяц, а средняя зарплата без нефтянки по области 5 тысяч* (Вечерний Томск, 2007, 7 дек.), в контексте добросовестного исполнения налоговых обязательств: *Да, у нефтяников и газовиков зарплаты хорошие. Но каждый год мы перечисляем государству 10 млрд. рублей налога НДС* (Вечерний Томск, 2007, 7 дек.), в контексте повышения уровня жизни и социальной ответственности в форме спонсорства, благотворительности: *Средняя зарплата у нефтяников здесь порядка 33-35 тыс. руб. Люди много строят, покупают авто. Предприятия нефтяного и газового бизнеса – это социально ответственные предприятия. Они оказывают помощь детям, старикам. В 2007 г. 23 млн руб. пошли на спонсорскую помощь от нефтяников* (Государственное радио «Томск», 2007, 18 дек.).

В пик кризиса, когда острой темой становятся массовые увольнения, снижение и невыплата зарплат: *предприятия пошли на сокращенный рабочий день, на сокращенную рабочую неделю, снизился фонд оплаты труда, снизились средние зарплаты* (Эхо Москвы в Томске, 2008, 26 дек.), а в областной администрации создается рабочая группа по контролю за своевременностью выплаты зарплаты, модусы стабильности и позитивности нефтяной отрасли эксплицируются в сообщениях о том, что работников предприятий нефтяного комплекса общая беда обошла стороной: *все эти предприятия сокращения численности не собираются делать, не уменьшают зарплату* (Государственное радио «Томск», 2008, 25 дек.).

В 2009 г., не столь тяжелом, как предыдущий, но прошедшем все же под знаком кризиса и тревожных ожиданий, тема зарплаты нефтяников уходит в подтекст, приобретая характер случайных оговорок, фоновой, периферийной информации. Так, на реплику чиновника от медицины о повышении

усилиями администрации зарплаты представителям одной из ряда т.н. низкооплачиваемых профессий (*Что касается зарплаты, то средняя зарплата медицинских сестер по Томской области составила 12 тыс. 170 рублей*), корреспондент, применив коммуникативную тактику иронической провокации, замечает: *Это средняя зарплата. Если нефтяник получает 100, а я – 10, то мы с ним вдвоем неплохо живем на пару* (Государственное радио «Томск», 2009, 12 мая).

Однако, как всякая намеренно утаиваемая, латентная, но актуальная и экспрессивно заряженная информация, стереотипный фрейм *нефть – богатство*, как скрытый нарыв, проявляет себя в томском массмедийном нарративе косвенно, прежде всего в повышении «социально-оценочной» температуры контекстов, посвященных проблеме социальной ответственности нефтяного бизнеса за благополучие региона.

Весьма показательна в этом плане ситуация 2009 г., получившая широкое освещение в местных СМИ, – финансовый коллапс футбольного клуба «Томь», единственного на тот момент клуба премьер-лиги за Уралом. Медийный анализ чрезвычайно сложного положения, когда для «Томи» *вероятность летального исхода стала вполне реальна* (РИА Новости, 2009, 26 июня.), во многом строился на семантическом столкновении в текстовом пространстве двух социально значимых региональных брендов: бренда нефти и бренда футбола (*«Томь» – это бренд города* (Час Пик. Суббота, 2009, 27 июня.)).

Одной из главных причин сложившейся вокруг «Томи» критической ситуации, помимо общего экономического кризиса (*Футбольный бум в Томске приостановил кризис* (Эхо Москвы в Томске, 2009, 1 июля.)), стало прекращение оказания спонсорской помощи команде томскими бизнес-структурами, прежде всего – нефтяными.

Будучи ограниченными описанными выше причинами имиджевого характера, в большинстве случаев медиарайтеры прибегают к коммуникативным тактикам не прямого, а косвенного обвинения, избирая подчеркнuto нейтральный тон объективного освещения событий: *Спонсором «Томи» несколько лет была «Томскнефть», однако после смены владельцев она от клуба отказалась* (РИА Новости, 2009, 26 июня.); *Но большинству компаний в условиях кризиса не до футбола. Даже в прошлом, достаточно успешном в финансовом плане году из 124 млн руб., которые обещал клубу томский бизнес, мы в итоге получили только 74 млн руб.* (Томские новости, 2009, 02 июля.); *В. Кресс на вопрос о том, как идут переговоры, ответил прямо: «Плохо. Топ-менеджеры «Томскнефти» еще готовы поддержать клуб, но акционеры компании пока против. Причем если в «Газпромнефти» занима-*

ют более или менее конструктивную позицию, то с «Роснефтью» переговоры протекают крайне тяжело» (Вечерний Томск, 2009, 25 июня).

Вина за сложившееся положение дел не персонализирована и возлагается на абстрактный и всеобщий кризис, а аксиологические акценты по отношению к «виновникам» расставляются исключительно с помощью модальных операторов (*однако; даже; в итоге только; еще, но пока; если, то*).

Однако постепенно возмущение и негодование томской общественности, вызванные кризисной ситуацией с томским футболом, начинают «просачиваться» в медиатексты. Контекст решения локальной проблемы о финансировании футбольного клуба постепенно перерастает в обсуждение ключевого вопроса регионального самосознания – вопроса о взаимоотношениях региона и столицы, обязанностей центра и его несправедливого безразличия по отношению к ресурсодобывающему региону.

Особая линия развития описываемого футбольного сюжета – апелляции к центральной власти с императивным посылом разрешить сложившуюся ситуацию: *Министерство спорта, туризма и молодежной политики России ведет работу с акционерами ОАО «Томскнефть ВНК» по решению проблемы... Поскольку акционерами «Томскнефти» являются государственные компании «Роснефть» и «Газпромнефть», этот вопрос решается в самых верхах российской власти... никто в администрации Томской области и правительстве РФ не имеет намерений распрощаться с единственным за Уралом футбольным клубом* (Томский вестник. Буфф-сад, 2009, 01 июля). Здесь мы наблюдаем довольно распространенную в массмедиа коммуникативную уловку, называемую в теории аргументации подменой тезиса, в данном случае близкую к софизму: поскольку прямо возлагать ответственность на местную нефтяную компанию нельзя, ссылка на то, что владеют этой компанией госструктуры, позволяет перевести обращение к центральной власти из разряда «вассальского прошения» в разряд законного требования.

Введение в текст полных официальных номинаций (*Министерство спорта, туризма и молодежной политики России*), уравнивание в правах и статусе региона и центра через расположение их вербальных текстовых репрезентантов в позиции синтаксической однородности (*никто в администрации Томской области и правительстве РФ*), использование построенной на архетипической корреляции *верх – власть* идиомы в сочетании с интенсификатором *самых* и атрибутивом *российской* (*в самых верхах российской власти*) служат актуализации целого спектра связанных со стереотипом *власти центра и центральной власти* ассоциативных реакций. Это позволяет одновременно поднять рейтинг региона в глазах его жителей, повысить самооценку (частную и на фоне кризиса далеко не первостепенную региональную проблему решают на самом высоком уровне) и сохранить регио-

нальное достоинство за счет приведения не вполне правомерного аргумента о государственной ответственности не только за томскую нефть, но и за томский футбол, всецело зависящий от этой нефти.

Призывы к патроналистским интенциям звучат в традиционном для русского исторического сознания «обращении к царю-батюшке», который способен из благосклонности к просителю употребить свое личное влияние для решения проблемы: *За последний год руководство региона, озабоченное ситуацией, проделало огромную работу. В начале марта губернатор встречался с В. Путиным и получил у него определенные резолюции по поводу финансирования клуба. Письма с резолюциями были направлены в «Роснефть» и «Газпромнефть»... Обращения В. Кресса к премьеру и президенту по поводу ситуации и полученные резолюции о поддержке застряли в офисах «Роснефти» и «Газпромнефти»* (АиФ в Томске, 2009, 01 июля). Упоминание имен и должностей высших лиц государства и первого лица области, который ревностно печется о благе региона, специально встречаясь по футбольному вопросу с премьер-министром, служит подкреплению с помощью отсылок к персонализированным авторитетам тезиса о непреложности и неукоснительности исполнения нефтяной отраслью своих социальных обязательств. Не случайно в материале многократно употребляется лексема *резолюция* (поскольку контекст взят из качественной прессы, вряд ли повторы можно объяснить непрофессионализмом журналиста). Редупликация канцеляризма призвана максимально реализовать оба его общеизвестных значения: *решение, постановление съезда, комитета, собрания и надпись начальника на деловой бумаге, содержащая решение по затронутому в ней вопросу* [Новейший словарь иностранных слов, 2001, с. 690]. Таким образом многократно актуализируется пропагандируемый СМИ тезис о поддержке высшей властью неписаного закона, имеющего конвенциональную сущность: негласный общественный договор об этическом императиве ответственности богатых за социально значимые проекты на местах (*резолюция* в первом значении) кодифицируется и верифицируется главными персонами государства (*резолюция* во втором значении).

Тем не менее, мысль о неуместности предъявления столь категоричных требований к нефтяному бизнесу также находит отражение в медиапотоке: *Уже известно, что акционеры «Роснефть», на которых Путин дал наводку Крессу, не согласились с таким вымогательством и отказались давать деньги на «Томь»* (Час Пик. Суббота, ТВ-2, 2009, 27 июня). Прозвучавшее в одной из популярных телепередач мнение рядового томича показательно в плане лексического отбора. Респондент даже в условиях подразумеваемого самой коммуникативной ситуацией телеинтервью речевого контроля не стесняется в выражениях и употребляет по отношению к предста-

вителям власти, которых, кстати, достаточно резко и фамильярно называет по фамилиям, уголовно-арготическую идиому *дать наводку* (что спровоцировано, вероятно, общеизвестными прецедентами речевого поведения самого премьера) и экспрессивно заряженное слово *вымогательство*, обозначающее крайнюю степень противоправного поведения.

Однако смоделированный в медиапрезентации томского футбольного скандала своеобразный параллелизм территориальной (Томск – Москва), властной (местная власть – центральная власть) и нефтяной («Томскнефть» – «Роснефть») вертикалей оказался весьма созвучен общественному мнению и протестным настроениям. Так, возмущение жителей региона вызывает факт оказания томскими ресурсодобывающими компаниями, зависимыми от Москвы и управляемых ею, спонсорской помощи столичным территориям и общероссийским проектам в ущерб местным.

Градус протестного пафоса нарастает в зависимости от того, чье мнение отражается в конкретном материале, – индивидуальное или коллективное, официальное или неформальное, «народное». Например, достаточно сдержанное недоумение по поводу нелогичного поведения нефтяных структур выражает генеральный директор клуба «Томь» Ю. Степанов: *Клуб рассчитывал на поддержку нефтяных корпораций, которые из Москвы управляют нефтегазовыми ресурсами Томской области. Некоторые из них могли бы поддержать «Томь», но предпочитают вкладывать деньги в «Зенит», в сочинскую Олимпиаду. Их право – решать, сколько и на что тратить. Но все эти организации ведут бизнес на томской земле, и помощь крупнейшему футбольному клубу региона была бы логичной* (Эхо Москвы в Томске, 2009, 23 июн.). В другом интервью он же озвучивает общественное мнение: *Но вызывает протест Томичей, что крупные нефтяные компании, много лет черпающие из томской земли, материально поддерживают столичные клубы (АиФ в Томске), 2009, 01 июл.*

Как видим, в футбольно-нефтяной тематике ярко отразилась одна из «болевых точек» регионального самосознания, протестующего против экспансионистской политики центра по отношению к нефтедобывающим регионам. В частности, томские СМИ представляют мнение болельщиков «Томи», отразившееся как в коллективно-общественных акциях, таких как митинги и открытые письма, так и в частных суждениях. Говоря о целях митинга в поддержку команды, член инициативной группы болельщиков использует в качестве развернутой аргументации своей позиции описанную выше и многократно актуализированную в медиатекстах цепочку посессивности: *... митинг имеет своей целью показать людям, от которых зависит финансирование нашего клуба, что здесь живут люди, которые в большинстве своем работают на благополучие компаний, которые добывают из*

недр Томской области различные для себя блага и подчас забывают о том, что здесь есть люди, у которых есть свои интересы и, в частности, это ФК «Томь» (Русское радио Томск, 2009, 30 июн.).

С целью избежать конкретизированных и персонализированных обвинений автор прибегает к эффемизации и трижды использует абстрактно-обобщенное родовое понятие *люди*, конкретизируя каждое в придаточных конструкциях: *людям, от которых зависит финансирование нашего клуба; люди, которые в большинстве своем работают на благополучие компаний; люди, у которых есть свои интересы и, в частности, это ФК «Томь»*. Люди в первом перифрастическом описании противопоставлены людям во втором и третьем по признаку принадлежности и обладания. Очевидно, что сильным мира сего принадлежат компании, которые добывают из недр Томской области различные для себя блага, в то время как Томская область, в том числе и ее недра, принадлежат ее жителям, в большинстве работающих на те же компании, следовательно, ради сохранения благополучия (корень *благ-* не случайно повторяется, хотя штамп о благотворительности явно не эксплицирован) первые обязаны блюсти интересы вторых.

Интересно, что в открытом письме Д. Медведеву болельщики, разворачивая избранную аргументативную стратегию, также вынуждены прибегать к многочленным конструкциям с разными типами синтаксической зависимости: *Часть болельщиков трудятся на предприятиях, принадлежащих ресурсодобывающим структурам, руководство которых в Москве или Санкт-Петербурге, и похоже, не заинтересовано в поддержке клуба в регионе, с которого управляемые ими компании получают значительную часть доходов... Если вопрос с финансированием не решится, и мы потеряем одну из достопримечательностей и гордость нашего региона футбольный клуб «Томь» (поверьте, это именно так), то это, несомненно, будет иметь последствия. И в отношении к власти, не желающей прислушиваться к своим гражданам, и к вышеуказанным предприятиям, желающим только извлекать прибыль, используя ресурсы нашего края* (Эхо Москвы в Томске, 2009, 23 июн.).

Авторы письма пытаются передать свойственные провинциальной этике сложные посессивные и партитивные соотношения внутри различных моделей части и целого: часть жителей региона – работники ресурсодобывающих предприятий, часть работников ресурсодобывающих предприятий – болельщики, ресурсы принадлежат региону, регион – часть страны, его предприятия – части ресурсодобывающих структур, данными структурами владеет руководство, принадлежащее столичной социально-экономической сфере, но получающее значительную часть доходов с предприятий региона, которому принадлежит футбольный клуб, болельщиками которого являет-

ся часть работников ресурсодобывающих предприятий. Таким образом «за счет использования транзитивности отношений онтологической зависимости формируются достаточно длинные цепочки вывода» [Лукашевич, 2007] о возможных негативных социальных последствиях невнимания власти к *достопримечательности и гордости региона*.

В частных мнениях болельщиков протестный пафос передается намного более лаконично, доступно и открыто: *Нефтепользователи, которые работают на территории области, нам обязаны. Почему «Зенит» они спонсируют? Должны здесь оставлять они средства?* (Час Пик, ТВ-2, 2009, 19 июл.). Считая футбольный клуб одним из важных факторов региональной самоидентификации, а природные ресурсы – региональным достоянием, томичи полагают, что нефтяные компании *обязаны* тратить средства на благо региона.

Таким образом, локально маркированный медиаконцепт *нефть*, включаясь в разнообразные ассоциативно-смысловые взаимосвязи с иными актуальными как для общенациональной, так и для локальной медиасферы концептуальными доминантами (*нефть – богатство; нефть – власть; нефтедобывающий регион – живущий на доходы от нефти центр; нефть – футбол*), обнаруживает весьма сильный миромоделирующий потенциал и отражает в процессе своего дискурсивного развертывания специфику регионального самосознания и региональной культуры.

В настоящее время мы можем наблюдать все большую включенность нефтяной семантики в архитектуру регионального мифа. Становясь неомифологемой, *нефть* символизирует своеобразную точку отсчета, некий смысловой центр региональной картины мира.

2.2. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта *нефть* в районной прессе Томской области (на материале газеты «Нарымский вестник»)

Как показали наши наблюдения, изложенные в предыдущем параграфе, многие типовые модели семантического развертывания медиаконцепта *нефть*, наблюдаемые в центральных массмедиа, претерпевают в томской городской прессе специфические трансформации, обусловленные тотальной экономической и инфраструктурной зависимостью региона от нефтяного фактора, большим количеством занятых в нефтяном секторе жителей, имиджевыми ориентирами, не позволяющими дискредитировать «кормящую» сферу.

Еще большие миромоделирующие возможности демонстрируют регионально маркированные медиаконцепты в районной, т.н. «малой» прессе. Во многом это обусловлено субстанциональными особенностями районной печати, обеспечивающей массово-информационные нужды «общества, которое переживает период становления новых морально-этических отношений, соответствующих новым политико-экономическим и культурным реалиям» [Клушина, 2008, с. 13].

Дело в том, что, как отмечают исследователи, «районная пресса не изменила ареала распространения. Теми же, что и в советские годы, по сути, остались ценностные ориентиры аудитории», а «объективная историческая близость районной прессы к своей аудитории в постперестроечный период только усилилась благодаря влиянию новых экономических условий» [Кислая, 2008, с. 3]. Вследствие этого местная пресса пользуется неизмеримо большим доверием и авторитетом у читателя, нежели центральные СМИ. Такой своего рода подчеркнута конкретизированный, почти персонализированный адресат, а также четко очерченный территориальный ареал районной газеты делают целенаправленную ориентацию на ценностные установки, стереотипы, традиции местного населения необходимым условием деятельности издания. В то же время фактор «незаменимости, безальтернативности» районной прессы «как единственного источника получения местной информации» [Там же, с. 12] максимально усиливает ее роль «организатора социальных отношений в регионах – социальных пространств, объединенных информационным взаимодействием» [Радионцева, 2009, с. 8], многократно увеличивает силу ее формирующего и трансформирующего влияния на общественное сознание населения.

Создавая и корректируя картину мира регионального сообщества в соответствии с требованиями текущего момента, местные СМИ вынуждены считаться с «консерватизмом и традиционностью аудитории», приводящими «к тому, что любые изменения воспринимаются читателем негативно», а выполнение районной газетой важнейших социорегулирующих функций «закономерно приводит к доминированию положительной или нейтральной информации» [Кислая, 2008, с. 20].

Таким образом, гипертрофированный фактор адресата, особая близость с целевой аудиторией в ситуации локальной «информационной безальтернативности» в сочетании со своеобразным «табу на негатив» создают особые условия дискурсивно-стилистической эволюции регионально значимых медиаконцептов в районном медиадискурсе; условия, предполагающие повышенную степень детерминированности массовой коммуникации социокультурной спецификой данной территории.

Местная газета, будучи «одним из главных центров общественной и культурной жизни района, малого города, поселка, является, с одной стороны, создателем, распространителем духовных ценностей, с другой – сама оказывается продуктом культуры данной общности» [Там же, с. 6], культуры, которую культурологи называют провинциальной.

Современная провинциальная культура рассматривается «как феномен, представляющий формы народной (крестьянской) культуры, ассимилированной городским образом жизни. Провинциальная культура находится на месте встречи двух культурных потоков: один – из столицы и крупных центров, тесно связанный с массовой культурой, ее ценностями; другой – из деревни, села, воплощенный в традиционных формах народной культуры» [Купцова, 2009]. Ориентацией именно на такой тип культуры, на наш взгляд, характеризуется современная районная пресса, адаптирующая как центральные, так и региональные массово-идеологические тренды для восприятия их сознанием современного сельского или поселкового жителя, формирующимся на основе двух типов культур: сельской и городской, крестьянской и индустриальной, традиционной и современной, консервативной и прогрессивной. При этом новые ценности, аккумулируемые в новых медийных доминантных смыслах, как правило, пришли в нашу жизнь с зарождением информационного общества и тесно связаны с такими цивилизационными процессами, как глобализация, индустриализация и урбанизация.

Как уже отмечалось ранее, именно в начале 2000-х по объективным причинам социально-экономического характера, в том числе макроэкономическим и глобально-политическим, концепт *нефть* стал стремительно развиваться в отечественной медиасфере.

В качестве показательного примера медийной репрезентации анализируемого концепта на стадии его постинициального становления в местной районной прессе мы проанализировали газету «Нарымский вестник» за 2002 г. Данная газета издается в Парабельском районе, географически совпадающем с местами наиболее интенсивной нефтедобычи в Томской области. И хотя районному центру – селу Парабели – насчитывается более 400 лет, Нарымский край приобрел всероссийскую известность с XIX в. как «образцово-эталонное» место ссылки. Традиционными для жизненного уклада этой северной сибирской территории являются рыбный и пушной промыслы.

Однако, несмотря на богатую в культурном, этнографическом и даже политическом плане историю, именно нефть выступает в настоящее время визитной карточкой края. Так, раздел «История» на официальном сайте Парабельского района (URL: <http://www.parabel.tomsk.ru/history.html>) начинается отнюдь не с основания Парабели в 1600 году, а с позиционирования ресурсного потенциала территории: *Парабельский район... богат природны-*

ми ресурсами – нефтью, газом, лесом, торфом. Начиная с 1967 года в районе были открыты крупные газоконденсатные и нефтяные месторождения: Лугинецкое, Казанское, Урманское, Арчинское, Герасимовское и др. Открытие нефти выступает в имиджевом массмедийном контенте ключевым фактором созидательного обновления: В 1970–1980 гг. открылась новая страница в истории Нарыма: Парабельский район стал третьим нефтеносным в области. Эксплуатация месторождений изменила облик края. Как видим, связанные с нефтью события сравнительно недавнего исторического прошлого закладываются в основу неомифа об индустриальном преобразении облика края.

С наступлением нефтяной эпохи и приходом рыночных отношений важнейшая для местной газеты функция организатора социального пространства требует поиска способов внедрения новых прогрессивных ценностей в традиционную языковую картину мира сельского жителя Сибири, доминантным свойством которой является «ощущение единства человека со всеми формами природного макрокосма в его органических и неорганических проявлениях» [Иванцова, 2002, с. 255].

Перед местными СМИ стоит задача введения в традиционную аксиологическую матрицу сельского социума, «ощущающего себя единым языковым сообществом» и имеющего «общую ценностную картину мира, запечатленную в языке» [Там же, с. 287], не свойственных ей «экономико-сырьевых» концептов в статусе фундаментальных основ жизнедеятельности. По данным томских диалектологов (см. работы Е.В. Иванцовой, Л.Г. Гынгазовой и др.), подчеркивающих «прагматическую ориентированность языковой картины мира диалектоносителя» [Там же], в традиционном крестьянском сознании сибиряка приоритетное место занимали «источники поддержания жизненной энергии: хлеб, солнце, земля, корова, картошка» [Гынгазова, 2009, с. 121]. В настоящее время обусловленная объективными социально-экономическими обстоятельствами, проводимая посредством местных СМИ экспансия ценностей индустриально и урбанистски ориентированной массовой культуры нацелена на категориальную перестройку, своеобразное переосоздание микрокосма сельского жителя.

Анализ газетного гипертекста «Нарымского вестника» начала 2000-х гг. демонстрирует уже сложившуюся стабильную модель позитивного социального мифа о нефти как о «проекте счастья» на территории, где нефтепромысел является ведущим фактором региональной самоидентификации и залогом социального оптимизма.

Всякий позитивный социальный миф, реализующий стратегию обновления, требует обращения в прошлое, приобщения к легенде о начале кардинального преобразования на пути к лучшему будущему: *Освоение не-*

фтяных месторождений коренным образом изменило жизнь тихих сибирских сел. Среди тайги появились города нефтяников, вахтовые поселки у месторождений нефти; Именно первые нефтяные скважины на томском севере ознаменовали наступление новой эпохи.

Районная газета настойчиво фокусирует символические смыслы рождения нового посредством концентрации семантики активной преобразующей деятельности по сотворению иной, идеальной, реальности (*освоение месторождений, изменило, появились, первые, наступление, новой эпохи*). Но новая реальность видится не в форме постепенного преобразования старого, а в форме безапелляционного отказа от него. Необходимость *коренного изменения жизни тихих сибирских сел* в сторону урбанизации, индустриализации, технического и технологического прогресса как покорения неприступных таежных пространств преподносится как непреложная очевидность, не требующая доказательств аксиома.

Созидательное социальное строительство трактуется в соответствии с глобальной цивилизационной урбанистской установкой, кодифицирующей социальную градацию территориальных сообществ. Исследователи отмечают, что многие важнейшие параметры шкалы ценностей и социального статуса выражены в языке посредством градации *деревня – село – поселок – город* [Костюченкова, 2009, с. 12], а в масштабных социологических исследованиях, посвященных, например, структуре коррелятивных соотношений коллективного знания с коллективной памятью россиян (см.: [Шуман, Корнинг, 2005]), категория места жительства имеет четыре ступени градации (Москва, Санкт-Петербург, другие города, сельская местность).

Нефть, таким образом, обеспечивает жителям томского севера прорыв к благам цивилизации от традиционной, архаичной, медленной, скромной, а потому отсталой и консервативной *тихой* сельской жизни на лоне первозданной природы. К слову, в русской языковой картине мира словосочетание *тихая жизнь* прочно привязано именно к образу сельской идиллии, оторванной от идеи прогресса и активного жизнотворчества. А. Дельвиг в стихотворении «Тихая жизнь» (1816 г.) представляет ее таким образом: *Блажен, кто за рубеж наследственных полей / Ногою не шагнет, мечтой не унесется; // ...Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой / И мягкую волну с своих овец собирает*, а рекламные материалы агентства «Тихая жизнь» позиционируют услуги по *разработке колодцев на частных загородных участках* (URL: <http://agentstvo-tihaya-zhi.tiu.ru/>).

Контекстная антонимия *старая тихая сельская жизнь – новая прогрессивная эпоха жизни как в городе* проходит сквозным мотивом через многие номера районной газеты. Так, в период празднования «Дня нефтяника» публикуется материал «Это наша биография», в котором вербальные марке-

ры индустриализации и урбанизации сопровождают историю успеха района: *Строительство нефтепровода и сопутствующей ему инфраструктуры оказало сильнейшее влияние на социальное развитие района. История нефтепровода – это большая страница в истории района... На окраине Парабели вырос целый жилой городок нефтяников с торговым центром... Только ради большой нефти правительство СССР выделило средства на строительство ЛЭП, и Парабель получила государственную энергию.*

Данный контекст насыщен «лексикой престижа»: это термины и синлексы, призванные указывать на «продвинутость» нефтедобывающего района (*инфраструктуры, социальное развитие, с торговым центром, государственную энергию*), слова и выражения с семантикой силы, роста и увеличения (*оказало сильнейшее влияние, большая страница, вырос целый жилой городок, ради большой нефти*), индексы высокого пафоса и апелляции к значимым для сельского жителя ценностям (*социальное развитие, истории района, правительство СССР, государственную энергию*).

Транслируя и задавая представление о социальной иерархии, автор материала моделирует пространство. В контексте одной фразы (*На окраине Парабели вырос целый жилой городок нефтяников с торговым центром*) антонимическая оппозиция (*окраина – центр*) знаменует символическое преобразование, перевоплощение первого во второе посредством возведения городка нефтяников, а сочетание интенсификатора *целый* с субстантивом *городок*, в структуре которого уменьшительно-ласкательный суффикс актуализирует смыслы малого размера и интимности, и указание на наличие социально значимых для сельского жителя цивилизационных благ (*жилой городок с благоустроенным жильем; торговый центр*, а не село) подчеркивает ту ведущую роль, которую играют урбанистический образ жизни и городское устройство окружающего пространства как объекты идеализации, почитания. В основе пропагандируемой контентом местной газеты 2002 г. модели желаемого урбанистки ориентированного будущего лежит нефтяной фактор.

Высказывания жителей Парабели, собранные во время диалектологической экспедиции кафедры русского языка ТГУ в с. Парабель, осуществленной студентами филологического факультета под руководством Т.А. Демешкиной в 1985 г. (далее в работе приводятся фрагменты записей данной экспедиции), ярко демонстрируют осознание парабельцами прямой корреляции *приход нефти – повышение ранга территории, преобразование ее в город*: *В Пудино город новый строят. В Торговом центре нефтяники – там нефть ешь, перекачивают. Он сейчас то из Александрово идет, нефть-то. А потом будет Пудино, сейчас туда дорогу строят. В Пудино, там будет город. Как вот в Стрежеевом. Тоже ведь сделали, что нам нефть нашли – вот и город. А сейчас в Пудино нефть нашли. А может и в Парабели найдут,*

кто его знает. Где нефть, там будет город, строительство, дороги, торговый центр, клуб: *Раньше молодежь уезжала из деревни, теперь стала задерживаться. Нефтепровод здесь, газопровод, клубы начали строить. Есть чем заняться. А то ж было так, на улице поскакали – и домой.*

Нагляден категориальный контраст формируемого медиамифа о сотворении новой реальности и ее истоках с традиционными представлениями парабельцев о создании села и основании жизни на своей земле. Так, в материалах диалектологической экспедиции обнаруживаем следующую топонимическую легенду: *Пара и Бель были две реки, соединились – стало село. Обосновались тут, или два обоснователя были, сделали Парабель.*

Как видим, в роли ведущих креативных начал здесь выступают, во-первых, природные космогонические силы, а во-вторых, герои-основатели, деятели. Обнаруживаемые в сибирской легенде рефлекс «широко распространенных у русских дуалистических повествований о создании мира двумя творцами» [Русская мифология. Энциклопедия, 2005] свидетельствуют о сохранении в традиционном сознании сельского жителя свойственном мифам о первотворении ландшафтных объектов синкретизме антропологического и гидрологического (соотнесение воды и человеческой сущности наблюдается, например, в «архаическом мотиве возникновения рек из крови погибших богатырей» [Там же]). Символическое неразличение природного и человеческого в их креативном единстве (значимо, что предикат *обосновались* может быть в равной степени отнесен и к двум рекам, и к двум обоснователям, и к неконкретизированным первым жителям села) демонстрирует признание равновеликости их деятельностного, активного участия в акте сотворения села (*соединились – стало село; обосновались тут; сделали Парабель*).

Иницируемая массмедиа неомифология о начале новой нефтяной эпохи жизни села, с одной стороны, эксплуатирует некоторые элементы архаической ландшафтной мифосистемы, в том числе – представления о суровых и труднодоступных просторах тайги и севера (*среди тайги; на томском севере*), а с другой – максимально обезличивает акт творения, поскольку субъектами действия выступают не персонифицированные в виде наделенных именами собственными реки (*Пара и Бель*) или герои-основатели, а неодушевленные искусственно созданные артефакты – атрибуты нефтепромысла (*города нефтяников, вахтовые поселки у месторождений нефти, нефтяные скважины*). При этом «авторство» самих объектов нефтяной инфраструктуры трактуется в ключе коллективно-абстрактной обезличенности: это некие механистические объекты, которые не мыслятся как реальные и непосредственные результаты созидательного труда человека.

Вообще, как показывают наши наблюдения, ключевой для традиционной русской культуры концепт *труд* в новой, медийной, ипостаси претерпевает с наступлением нефтяной эпохи кардинальные сдвиги в своей категориальной структуре. Анализ контента «Нарымского вестника» за 2002 г. показывает, что образующаяся в районном медиадискурсе концептуальная связка *нефть – труд* приводит к постепенной значительной трансформации содержания фундаментальных кластеров концепта.

Концепт *труд* можно назвать одной из наиболее исследованных в отечественной лингвокультурологии единиц русской концептосферы (См.: [Токарев, 2003; Басова, 2004; Чернова, 2004] и др.). Большинство исследователей выделяет две тесно взаимосвязанные аксиологические доминанты этого концепта: представление о труде, во-первых, как об «общечеловеческой утилитарно-практической ценности», а во-вторых, как о безусловном нравственном императиве [Басова, 2004, с.12]. По словам Л.Г. Гынгазовой, труд – это для языковой личности диалектоносителя «в первую очередь необходимое условие жизнедеятельности, а уже потом главный нравственный долг человека» [Гынгазова, 2009, с. 121].

Базовый слой данного концепта «представлен в сознании носителей русского языка концептуальными признаками “усилие”, “напряжение”, “физическое мучение”» [Басова, 2004, с. 6], а актуализировавшийся в советский период идеологический слой связан прежде всего с героизацией «интенсивности трудового действия». Так, в газете советского времени «Магнитогорский рабочий» «критерием интенсивности труда служат идеологемы *трудоу подъем, трудовой энтузиазм, трудовой героизм, социалистическое соревнование, стахановец, ударник, темпы труда*» [Чернова, 2004, с. 14]. В советской идеосфере труд абстрагируется от конкретного частного человека, в ней нивелируется утилитарно-практический смысл непосредственного обеспечения жизни результатами труда и замещается абстрактно-идеологическим смыслом всеобщего коллективного социального блага.

Современный нефтяной районный медиадискурс, вынужденный дистанцироваться по объективно-экономическим причинам доминирования на территории промышленного производства от крестьянско-земледельческой парадигмы, а по идеологическим причинам провозглашенной демократизации – от советской, демонстрирует еще больший крен в сторону обезличенности процесса трудовой деятельности и ее результатов, эксплуатируя при этом семантико-аксиологические презумпции как первой парадигмы, так и второй, значительно их модифицируя.

Начнем с того, что безусловно положительно оцениваемое и в крестьянской (ср.: *Не от росы урожай, а от поту* [Токарев, 2003, с. 16]), и – в особенности – в советской системах координат качество интенсивности тру-

да аккумулируется в контенте «Нарымского вестника» исключительно в критерии количества добытой нефти и постулировании прямой и очевидной зависимости от этого критерия благополучия района в целом: *увеличение добычи нефти должно сопровождаться дальнейшим развитием территории; В этом году ЮКОС достиг наивысших темпов роста нефтедобычи, а это означает увеличение налогов для развития социальной сферы в целом; Нефтяная отрасль должна стать надежной основой для уверенного движения к благополучию; Вклад нефтяников в экономику района общеизвестен.* Как видим, в данных контекстах снята как свойственная советской патетике гипертрофированная героизация трудовых свершений (и вообще герой – ударник, стахановец – отсутствует), так и присущая традиционной ментальности привязка к человеческому фактору, фигуре активного деятеля, *работающего до седьмого пота*. Зато навязчиво и категорично, в том числе – с помощью клише и штампов советской эпохи (*темпы роста, вклад в экономику*), а также концентрации маркеров положительной динамики (*увеличение, развитие, достиг, наивысших, уверенного движения*), пропагандируется максимально позитивный социальный и экономический эффект деятельности нефтяной отрасли для региона.

Однако, как показывает анализ нашего материала, столь интенсивное, если не агрессивное, навязывание идеологической максимы «зависимости от нефти» в однозначно позитивном социально-оценочном ключе обуславливается чуждостью и неорганичностью этой максимы традиционному мировидению сельского жителя.

Ярким подтверждением этому служит наблюдаемый в текстах районной прессы практически полный отказ от «наиболее продуктивного в общенародной культуре антропоморфного культурного кода» интерпретации труда [Там же, с. 22]. В качестве примера доминирования антропоморфного интерпретативного кода в традиционной культуре приведем высказывание жителя Парабели о трубах нефтепровода: *Трубы туда больши – и везли. В ей человек сидя сидит* (записи диалектологической экспедиции в с. Парабели 1985 г.).

В текстах районной газеты лексема *работа* часто используется в конструкциях, имеющих неопределенно-личное значение (*Завершены последние работы на строящемся нефтепроводе; постоянно ведутся работы по увеличению перекачки нефти*), а в роли субъектов деятельности выступают обобщенно-безличные номинации нефтяной сферы («*Востокгазпром*» *продолжает работу; первая их этих компаний работает вдвое более рентабельно; безаварийная работа нефтепромысла; работают механизмы перекачки нефти*).

Думается, что примитивная и по-канцелярски клишированная стилистика приведенных контекстов, их подчеркнута официальный объективно-информативный тон обусловлены не только описанными в начале статьи факторами функционирования районных СМИ (запрет на негатив, консерватизм и традиционность целевой аудитории, установка на нейтральный и положительный ракурс подачи информации), но и осознанно или неосознанно приносимой в текст рефлексией местных журналистов, реализуемой посредством коннотаций чуждости, неестественности и сомнительности пропагандируемых «нефтяных идеалов».

Особенно ярко эти коннотации проявляются, на наш взгляд, в стилистически не вполне удачных журналистских материалах, в которых авторы пытаются преодолеть неорганичность и отчужденность нефтяной тематики с помощью традиционного антропоморфного кода (*Золотые руки нефтепроводчиков*) или оптимистично-лозунговой риторики (*Кто жизнь свою с нефтью навеки связал, Сибирь никогда не покинет!*). В семантическую структуру указанных заголовков включена имплицитная оксюморонность, стимулирующая комический эффект, ощущение нелепости и несуразности: идиома *золотые руки*, характеризующая искусно владеющих навыками ручного труда специалистов, не сочетается с образом нефтепроводчика, процесс и конкретные результаты профессиональной деятельности которого остаются terra incognita для непосвященных; Сибирь по определению никогда не станет благоприятным для проживания местом, и причастность к нефти как причина выбора жизни в Сибири прочитывается в приведенном по-советски звучащем лозунге исключительно в ироническом контексте личной материальной выгоды (об ассоциативной соотнесенности концептов *нефть* и *богатство* много сказано в предыдущем параграфе).

Зачастую желание автора материала «одомашнить», приблизить к читателю нефтяную тему, придав ей «человеческое лицо», вносит в текст интонацию детской наивности и совсем уж безыскусной простоты за счет использования прямых значений, однозначных оценок, общеизвестных штампов, простых синтаксических конструкций с предельно прозрачными семантическими связями: *Хорошее настроение нефтяникам создают работники общепита... Большие требования у нефтяников и к качеству блюд, поэтому продукты закупаются натуральные и свежие.*

Ограниченную приложимость к нефтяному топику районной газеты антропоморфного кода ярко демонстрирует стилистическая шероховатость материала, в котором автор чрезмерно эксплуатирует для описания специфики работы нефтепровода и его устройства телесную метафору кровеносной системы: «*Кровеносная система*» *ОАО «Сибнефтепровода» протянулась на сотни километров вглубь тайги... Долговечность новой нефтяной артерии,*

снабженной усиленной антикоррозийной обмоткой, рассчитана на 25 лет, именно таков предполагаемый период эксплуатации Южной группы месторождений. Уже сварено в «нитку» более 60-ти километров «стальной артерии» нового нефтепровода. *Нефтеперекачивающая станция* – это своего рода *сердце* всего сложного технического сооружения, включающего в себя и трубопроводы, и все подсобные службы.

Необходимо отметить, что ассоциативно-вербальная связь *нефть* – *кровь* отнюдь не нова (достаточно упомянуть, что авторство выражения «Нефть – кровь промышленности» приписывается Сталину, а «Нефть – кровь войны» – Гитлеру) и весьма частотна в современных медиа, ср. заголовки материалов: *Нефть, кровь, власть* (Московский Комсомолец, 2011, 16 февр.); *Нефть и кровь иракской революции* (Вокруг света, 2008, июл.); *Нефть – это кровь экономики* (Вести ФМ, 2011, 06 март.).

Нетрудно заметить, что в данных контекстах, во-первых, речь идет о глобальных и абстрактных социальных понятиях и процессах (*война, власть, революция, экономика, промышленность*), которые, скорее, не персонализируются, приобретая антропоморфные признаки, а наделяются таким семантическим признаком концепта *кровь*, как *источник, дающий силу жизни и энергию* [Тимченко, 2009, с. 71], в то время как признак *движение крови* [Там же, с. 77 – 80] ретуширован. Кроме того, даруемая нефтью жизненная сила, энергия мыслится как крайне мощная, но не однозначно созидательная, а, скорее, разрушительная, ведущая к социальным деструкциям (*власть, основанная на нефти и крови; революция; война*).

Если же говорить о сопоставлении в приведенном выше контексте нефтепровода с кровеносной системой, то заметим, что, по наблюдениям лингвистов, *кровь* и органы кровообращения – популярный «донор» для метафорического переноса в инженерно-технологических дискурсах. Так, изучающая архитектурную метафору М.А. Симоненко отмечает, что «в профессиональном дискурсе архитектора мы находим многочисленные примеры образных выражений, в основе которых – уподобление архитектурных сущностей телесным категориям: например, *тело города; дом – вторая кожа; ребро жесткости здания; сердце комплекса; лицо города; инженерная артерия*». Исследователь полагает, что переживанию архитектурной формы органично архаичное представление о человекоподобии мира [Симоненко, 2010].

В то же время типичен и обратный перенос, когда донором является техническая сфера, а мишенью – процесс кровообращения. Например, один из авторов Живого Журнала (URL: <http://ivanov-petrov.livejournal.com/1173871.html>) высказывает такое мнение о частотной в медицинском дискурсе метафоре сердца-насоса, впервые употребленной английским медиком У. Гарвеем в XVII в.: *Итак, Гарвей высказал совсем нетривиальную*

метафору, научную метафору с очень большой силой воздействия. Он имел в виду не просто маленький факт – он подразумевал целое мировоззрение. Сердце не следует рассматривать с помощью сонма отвлеченных понятий, вроде тех, что использовали алхимики, сердце – это просто насос, кровеносная система – это набор трубок разного диаметра, человек – весьма, но не чрезмерно сложная машина.

Для нашей работы в данном рассуждении важно подчеркнутое автором свойство описываемых нами «взаимобратных» переносов: перенося на те или иные системы организма свойства технических объектов, мы преследуем цель представить функционирование организма как технологически четкий механизированный процесс. Следовательно, усиленно разворачивая метафору кровообращения применительно к технологическим объектам, мы, наоборот, стремимся эти объекты уподобить человеку, максимально их «одушевить» и даже одухотворить. Именно поэтому текст, в котором автор описывает механизм перекачки и транспортировки нефти с помощью сквозной метафоры кровообращения, представляется стилистически несообразным, а пассаж *Нефтеперекачивающая станция – это своего рода сердце всего сложного технического сооружения* вызывает у читателя чувство коммуникативного дискомфорта, поскольку резко контрастирует с традиционным представлением о сердце в метафорическом употреблении как средоточии любви, веры, духовности (ср. высказывание В.А. Масловой: «...наш язык показывает, что сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и тела, ...центр сосредоточения всех эмоций и чувств, центр мышления и воли, ...сердце как бы абсолютный центр всего человеческого» [Маслова, 2007, с. 140]).

Итак, если антропоморфный код, как мы показали, не вполне применим к реализуемой в масштабах районной прессы малой нефтяной тематике, то – напротив – ей вполне органичен код механистический и индустриально-экономический. Тексты «Нарымского вестника» насыщены профессиональной инженерной лексикой, техническими и экономическими терминами, в том числе заимствованными. Ср. их использование в приведенном выше контексте: *усиленной антикоррозийной обмоткой; период эксплуатации; сварены в «нитку»; сложного технического сооружения*; в других материалах: *демонтированные трубы; рентабельно; инфраструктура; модернизация и техническое перевооружение; внедрение западного менеджмента; инвестиции; капиталовложения, акционерное общество* и др.

В некоторых статьях обнаруживаются даже узкоспециальные термины трубопроводных технологий: *Испытания показали надежность дупинга, теперь поступление нефти с месторождения в основную магистраль увеличивается* (по данным электронной энциклопедии «Википедия» (URL:

ru.wikipedia.org/wiki/Лупинг), лупинг (англ. looping; нем Loopingleitung; фр. looping; итал. looping) – это участок трубопровода, прокладываемый параллельно основному трубопроводу; подключается для увеличения пропускной способности последнего).

На наш взгляд, данная стилистическая особенность статей о нефтяной отрасли обусловлена двумя целевыми доминантами. Первая из них эксплицитная и очевидная; назовем ее *просветительско-популяризаторской*, поскольку введение в текст профессионализмов и терминов, значительно обогащающих лексикон и информационный тезаурус читателя, оправдано содержательно и тематически. Вторая – *латентная, имплицитная*, по сути – *концептуально-миромоделирующая*, направленная на структурно-содержательную перестройку двух обозначенных выше категориальных констант концепта *труд* как традиционной культурной универсалии: утилитарно-практической константы трудной, тяжелой работы для обеспечения жизни и нравственной константы высшего морального долга и духовного роста (ср.: «Труд необходим русскому человеку, с одной стороны, для того, чтобы существовать, с другой – для того, чтобы реализовать свой духовный потенциал» [Токарев, 2003, с. 16]).

Как мы уже отмечали, в советской прессе в матрице семантического кластера концепта, связанного со смыслом *трудной, тяжелой, напряженной работы*, произошло преобразование, обусловленное выдвиганием на первый план семантики *интенсивности труда* и ее *героизацией*, следовательно, – более тесным сближением, если не наложением утилитарно-практической и духовно-нравственной аксиологий труда. В постсоветское время «изменения прослеживаются в газетах конца XX – начала XXI веков: нет в них призывов относиться к труду как к нравственному подвигу, мало изречений, призывающих распределять материальные блага в соответствии с затраченным трудом» [Чернова, 2004, с. 17].

Наше исследование показывает дальнейшие эволюционные трансформации анализируемого фрагмента коллективной концептосферы: внедрение импульсов концепта *нефть* в семантическую структуру концепта *труд* ведет, во-первых, к замещению смыслов *трудности, тяжести* и *интенсивности* смыслами *технической сложности* и *научаемости*, а во-вторых, к подмене *этической оценки* труда как нравственного долга и морального императива *социальной оценкой* труда в нефтяной сфере и самой этой сферы как престижных, популярных, модных.

Будучи синонимами, толкуемые посредством друг друга в словарях (см., например: [Ожегов, Шведова, 1997, с. 731]), атрибутивы *трудный* и *сложный* регулярно маркируют различные объекты действительности, а «сопоставление сочетаемости прилагательных *трудный* и *сложный* позво-

ляет сказать, что прилагательное *сложный* не имеет значения «такой, к которому необходимо приложить усилия» и характеризует «сложность» предмета как соответствующую норме, не требующую исправлений, не причиняющую беспокойств» [Лысова, 2009].

Таким образом, характеризуя работу нефтяной отрасли как *сложный технологический процесс*, авторы материалов районной прессы минимизируют семантику больших усилий и интенсивности, актуализируя позитивную социальную оценку современной нормы высокотехнологичного «продвинутого» производства: *то, что происходит на нефтеперекачивающей станции, можно назвать технической революцией; за счет модернизации и технического перевооружения производств создать современное высокоэффективное предприятие*. Как видим, коннотации технической сложности и престижности накладываются друг на друга, в том числе – за счет использования доступной только образованному, эрудированному человеку специальной терминологии, многократно усиливая кумулятивный эффект воздействия на воспринимающее сознание.

Работа в нефтяной сфере по причине ее технологической насыщенности преподносится как высококвалифицированная и узкоспециализированная. Так, относительное прилагательное *специальный* приобретает качественные признаки престижности, авторитетности, избранности, элитарности: *Защитой объектов нефтепроводов сегодня занимается специально созданная служба безопасности; За всеми процессами, происходящими при транспортировке нефти, круглосуточно, ежеминутно следят специальные службы*. Абстрактно-отстраненная, административно-безличная номинация *службы* становится частотным представителем семантики средоточия компетенций и процедур, недоступных пониманию. *Службы* занимают особую важную, сложными, непостижимыми для непосвященных вещами: они *занимаются защитой объектов, следят за всеми процессами*, в них *стекается вся информация (В диспетчерскую службу стекается вся информация о ситуации на нефтепроводе и нефтеперекачивающих станциях области)*.

Концентрация заимствованной общенаучной терминологической лексики (*объектов, процессами, информация*), отмеченной коннотациями неформальности и неконкретности (неизвестно, что за *объекты*, что за *процессы*, какая *информация*), в сочетании с дейксисом всеобщности и неопределенности (*за всеми процессами, вся информация*), а также предикатами, в которых действия и процессы опять же не конкретизируются (непонятно, как *занимаются защитой, следят, стекается*) создают впечатлительные некой закрытой, сложноустроенной и недоступной простым смертным сферы.

Те, кто трудится в этой сфере, должны обладать выдающимися профессиональными познаниями, быть высокообразованными специалистами (*Диспетчер должен иметь высокий уровень знаний в области особенностей трубопровода, насосных агрегатов и опасных свойств нефти*), в руководящих структурах работают занимающиеся уже совершенно непостижимой сложности умственной деятельностью и принимающие важные решения эксперты – *нефтегазовые аналитики (Победителей конкурса определяли независимые эксперты, в число которых вошли нефтегазовые аналитики)*. Интересно, что присущая народному сознанию противопоставленность типажей специалиста и простого человека в русле оппозиции элитарности / обычности, избранности / типичности часто проявляется в различных речевых практиках и даже в научной речи: *В настоящее время рекламные тексты вызывают неподдельный интерес не только у специалистов, но и у простых людей* (из речи на защите дипломной работы студентки ТГПУ).

Нетрудно заметить, что в данных контекстах отражается отстраненное почтение и уважение к престижному и в глобальных государственных масштабах крайне значимому (*безаварийная работа нефтепроводов – дело большой государственной важности*), но непонятному и недоступному вследствие своей чрезмерной сложности труду, практический результат которого, как и нравственная сущность, оказываются вне ценностных ориентиров традиционной сельской культуры.

Дело в том, что, видимо, даже сверхстремительные темпы технического прогресса и глобализации конца XX – начала XXI вв. не смогли до основания разрушить традиционное недоверие сельского жителя к промышленному машинному труду. В.Г. Токарев, анализируя лингвокультурное наполнение концепта *труд*, приводит такую характеристику главного героя рассказа Г.И. Успенского «Петькина карьера» – выходца из крестьянской среды, который не сумел связать свою жизнь с земледельческим трудом: *«Он теперь, очевидно, навеки фабричный, машинный человек!»*. Далее исследователь подчеркивает, что «окказиональный синоним *машинный* указывает на обогащение смысла *работающий на фабрике* такими ментальными квантами, как *неживой, автомат, бездушный*, интенсификацию исходного смысла и его отрицательную оценку» [Токарев, 2003, с. 9].

Кроме того, в традиционной народной культуре отношение к ассоциирующимся с трудом в нефтяной сфере интеллектуальному знанию, учености, образованности неоднозначно. Доказательные подтверждения этому приводит в монографии «Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России» этнолог и фольклорист О.Б. Христофорова, рассматривающая веру в колдовство как социально-культурный феномен [Христофорова, 2010].

Представленные исследователем наблюдения о содержании концепта *знать* в народной культуре весьма актуальны для нашей работы по причине того, что эти наблюдения сделаны на основе, по сути, дискурсивного лингвокультурологического анализа не только русского паремического фонда, но и полевых материалов (высказываний информантов), собранных автором в нескольких регионах России в 1998 – 2008 гг.

Говоря о «многозначности глагола *знать* в данной культурной среде», антрополог замечает: «...спрашивая информанта, знает ли он такой-то обычай, я всегда имею в виду случаи из жизни, истории, которые помогли бы осветить семантику тех или иных явлений и глубже понять традицию. А информанты понимают это как просьбу научить». Иначе говоря, истинной, реальной и реализованной ценностью обладает знание, которому можно обучить в собственной среде, передав конкретные навыки, ведущие к конкретному и осязаемому результату, умению что-то делать. Абстрактное, не чреватое реальным результатом – умением что-то делать – знание о чем-либо, просто содержащееся в голове, не воспринимается как подлинное знание – о нем *слышал*, но в результате *дело не делал*: *Бог его знает, не знаю! Вот я век прожила и не знала это дело. Слышать – слышала, а вот знать – не знала. Сама это дело не делала*.

Далее автор говорит об укорененном в народной культуре стереотипе «опасности чрезмерной учености – как для самого субъекта, так и для общества» и опасливом отношении к «ученым», «специалистам» в сопряжении «с недоверием, подозрительностью, готовой в любой момент разрядиться в насмешку, чему есть множество примеров в этнографических описаниях и что отражено в паремиологическом фонде, например: *Ума много, да толку нет; Не нужен ученый, а нужен смысленный; Умная голова, да дураку досталась; Одно лишь название – специалист; Дело не в звании, а в знании; Ум без догадки гроша не стоит*».

Заметим, что данный стереотип исключительно устойчив: достаточно вспомнить мастерское его обыгрывание в рассказах В.М. Шукшина, а О.Б. Христофорова в названной работе [Христофорова, 2010] приводит следующие аргументирующие ссылки: В 1871 г. Ф.В. Селезнев отмечал: «Против грамотных [у крестьян] есть предубеждение, что грамотный скорее испортится в нравственном отношении». Ср. также высказывание вятских старообрядцев: *Люди пошли грамотнее, но бестолковее*. Ценным для нас оказывается и мнение О.Б. Христофоровой о резком контрасте оценки приобретенного путем интеллектуального образования профессионализма колдунов в деревне и в городе.

Если в сельской местности в «характерной для традиционной культуры оппозиции *природный / ученый* колдун первый признавался более силь-

ным», то в городских газетах, по наблюдениям Т.В. Цивьян, в рекламных объявлениях преобладал мотив профессионализма колдунов, «один из показателей которого – постоянное совершенствование профессиональных методов (разработка проектов, обмен опытом, чтение литературы)» [Цивьян, 2000, с. 183].

Интересно, что в высказываниях жителей с. Парбели (записи диалектологической экспедиции 1985 г.), в которых информанты описывают традиционные виды работ в сибирском селе (ловлю рыбы, заготовку сена и др.), мы обнаружили несколько контекстов, в которых ярко проявляется недоверчиво-настороженное отношение сельчан к профессиональной реализации в нефтяной отрасли: *На озерах рыбы много можно наловить. Сено косим, где повыше кочки – складешь – там и сохнет. Шшас нефтепровод идет. Зять наш непутный там работает. То гандрена у няво, то лень; Да, тридцать с лишним лет девушка, работает на нефтебазе, грамотная. Вот она сейчас, по-видимому, с каким-то стала ходить. Хороша девка, у матери спросишь: «А, говорит, – не идет, не идет замуж». За плохих она не идет, а за пьяницу не хочет.*

В первом контексте на нефтепроводе работает нравственно ущербный, непутный зять участницы опроса, выражающей явное осуждающе-пренебрежительное отношение к таким его качествам, как лень и ипохондрия. Во втором высказывании прослеживается сочувствие жительницы Парбели к незамужней тридцатилетней с лишним девушке. Г.В. Калиткина отмечает, что тот, кто давно достиг возраста, позволяющего вступить в брак, но в силу каких-то причин так и не создал свою семью, занимает в общине маргинальное положение: бобыль, холостяк – старая дева (девка) [Калиткина, 2003, с. 104].

Причина того неблагоприятного факта, что *хороша девка с каким-то стала ходить*, но никак не может выполнить считающееся в крестьянском социуме главным предназначение женщины – выйти замуж – кроется в ее грамотности, соответствующей работе на нефтебазе. В данном фрагменте возникает контекстная антонимия *грамотная – плохие и пьяницы*: образованной и «сделавшей карьеру» девушке уже не удастся вписаться в деревенский социум, у нее завышенные требования к возможным претендентам на руку и сердце. Как видим, оба персонажа, занятые в нефтяной отрасли, по разным причинам не вписываются в этические нормы традиционной крестьянской культуры, их образ жизни не оценивается как достойный и правильный.

Но как однозначно несправедное и безнравственное последствие прихода нефти на север Томской области оценивается диалектоносителями загрязнение главного богатства Нарымского края – реки. В высказываниях информантов эта оценка проявляется имплицитно, посредством приоритетной

для миропонимания деревенского жителя утилитарно-практической конкретики: *Раньше стерляди и осетра больше было, до нефтепровода; Раньше не было нефти на рике, а шас, видишь, всяка плывет, ана бывает не вкусна така, прамывать нада харашо; И рыба-то стала нефтью пахнуть. Теперь все – не то, и рыба не такая вкусная-то стала: то нефтью пахнет, то ли че ли. Не такая жирная стала, а раньше-то какая жирная была! А нефтью-то пахнет особливо стерлядь, ужасно. В прошлом годе что-то там прорвалось, погубило много.* В данных контекстах посредством описания реалий рыболовного промысла и гастрономических впечатлений отчетливо репрезентируется типичная для ориентирующегося на традицию «опрокинутого в прошлое» крестьянского миропонимания оппозиция *раньше – теперь*. Прошлое гиперболизированно идеализируется (*стерляди и осетра больше было; а раньше-то какая жирная была!*), а теперь все – не то, и вина за разрушение гармоничного течения жизни, ее неустроенность и неприглядность (*ана бывает не вкусна така, прамывать нада харашо; и рыба не такая вкусная-то стала: то нефтью пахнет, то ли че ли. Не такая жирная стала; А нефтью-то пахнет особливо стерлядь, ужасно; погубило много*) лежит на нефти (*до нефтепровода; раньше не было нефти на рике; в прошлом годе что-то там прорвалось*).

Однако контент районной газеты подает экологическую проблематику лишь в назидательно-дидактическом ключе: *Необходимо помнить: безаварийная работа нефтепроводов – это сохранение экологически чистой флоры и фауны. Повреждение объектов линейной части нефтепровода вызывает прекращение работы нефтепромыслов с остановкой заводов – потребителей, потерями нефти, значительным ущербом государству, приводит к экологическому бедствию района.* Как видим, и здесь автор говорит казенным абстрактным и наукообразным языком (не рек и лесов, рыбы и зверя, а флоры и фауны), а в перечне негативных последствий аварий на нефтепроводе *экологическое бедствие района* идет последним номером после перечисления последствий производственного и финансового характера.

Таким образом, медиаконцент *нефть* в коллективном языковом сознании жителей Нарымского края символизирует конфликт двух культур и конфликт двух систем нравственных ценностей, что обуславливает канцелярскую клишированность и идеологическую однобокость навязываемого местной прессой «благопристойного» образа нефти и настороженное неприятие этого образа традиционным социумом.

2.3. Аксиологический профиль концепта *нефть* в языковом сознании жителей города нефтяников (г. Стрежевого Томской области) и столицы нефти (г. Баку) (на материале лингвистических экспериментов)

В сентябре 2011 г. расположенный в самой северной точке Томской области город Стрежевой отметил 45-й день рождения. Так описывает процесс зарождения нового города корреспондент газеты «Томский вестник» (2011, 7 сент.): *Летом 1966 года на севере Томской области была добыта первая нефть. А в маленьком рабочем поселке неподалеку от месторождений закипела стройка. «За туманом и за запахом тайги» на Север стекались строители, работники нефтяной промышленности со всего Советского Союза. Они создавали крупнейшее нефтедобывающее предприятие. А вместе с ним – надежный тыл. Город-мечту. Нефтеград.*

Созданию приподнятой поздравительной тональности репортажа способствуют жизнеутверждающие клише советской прессы (*закипела стройка; стекались... со всего Советского Союза*) и дискурса шестидесятников («*За туманом и за запахом тайги*» – крылатая фраза из романтической песни барда Юрия Кукина), градация и парцелляция, провоцирующие усиление прямой позитивной оценочности в завершающих сверхфразовое единство коротких эллиптических конструкциях с акцентированным объектом (*создавали... надежный тыл. Город-мечту. Нефтеград*).

Соблюдая все этикетные нормы эпидейктической речи, достойно владея и словом, и жанром, журналист в небольшом абзаце четыре раза использует корень *нефт-*. В шестом выпуске литературно-художественного альманаха «Стрежевой», приуроченного к 40-летию города, опубликовано немало поэтических посвящений стрежевчан, в которых нефть также становится главным атрибутом региональной самоидентификации: *Отсюда начинался Нефтеград, / А нефти летопись ведут доньне, / Нефтяников бесчисленный отряд / Несет по Васюгану свое имя* (Алина Фатеева, «Мой Стрежевой»).

Для сравнения возьмем текст о Стрежевом совсем иного жанра – развернутый аналитический очерк Владислава Михайлова «Город-остров в океане нефти» из качественного делового издания «Эксперт Сибирь» (2011, № 4 – 6 /288/), очерк, в котором город представлен во всем многообразии его социальных и экономических проблем, достоинств и недостатков (полный текст статьи представлен в приложении 1). Большой по объему материал (3088 слов) содержит 69 лексем с корнем *нефт-*, что составляет беспрецедентную частотность – 2,2 %.

Воспользуемся экспериментальной методикой, представляющей собой модификацию трансформационного метода и метода стилистического эксперимента (см. о методах исследования текста: [Болотнова, 2006, с. 519 – 615]). Наш эксперимент будет заключаться в трансформации исходного ме-

диатекста (он представлен в Приложении 1) путем его сокращения, условием которого станет составление нового текста из фрагментов исходного, обязательно содержащих лексему с корнем *нефт-*.

Цель эксперимента – выяснить, является ли концепт *нефть* ядерным и системообразующим в смысловой структуре текста. Предполагая определенный изоморфизм представленного в тексте и наличествующего в сознании горожан образа города, мы считаем, что цельность, логичность, содержательная репрезентативность получившегося в результате редукции текста-концентрата может продемонстрировать объективный уровень сфокусированности коллективного языкового сознания жителей г. Стрежевого на категории нефти.

Город-остров в океане нефти

Нефтяному моногороду Стрежевому, в котором нефть – главный ресурс развития, диверсификация экономики не нужна. Если бы не разведанная в этих краях нефть, вряд ли можно было бы представить, что в 1966 году в таком месте появится рабочий поселок, а затем и 45-тысячный город.

По критериям Министерства регионального развития РФ, Стрежевой – типичный моногород, поскольку основная доля объема его промышленного производства приходится на нефтяные предприятия. Они платят налоги, большие зарплаты и в конечном итоге куют благополучие и достаток города, в котором главным праздником после Нового года является День нефтяника. На этот корпоративный, давно ставший общегородским праздник «Томскнефть» обычно выписывает звезд российской эстрады.

Здание градообразующего предприятия «Томскнефть» в Стрежевом, по сравнению с офисами сырьевых компаний в Томске, выглядит более чем скромно... Правда, внутри офис «Томскнефти» оказался реально современным. В Стрежевом нефть – это большой бизнес, а также основа жизнеобеспечения города.

В основном город нефтяников ассоциируется в головах обывателей с наркоманией. Хотя думается, что все больные где-то пристроены и не ходят с шапкой вокруг офиса «Томскнефти».

Нефтяная игла.

Социальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт – практически все зависит от нефтяной отрасли. Парадигма существования города проста – здесь работает ОАО «Томскнефть» ВНК (в настоящее время принадлежит в равных долях квазигосударственным компаниям «Роснефть» и «Газпром нефть»), которое определяет финансовую базу, рынок труда, сферу занятости и уровень жизни населения города. «Не важно, что ты живешь в Стрежевом, важно, что ты работаешь в «Томскнефти». И с этим в данном случае не приходится спорить, поскольку «Томскнефть» – основной работодатель в Стрежевом.

«Что такое «Томскнефть» сегодня? Нас немного – всего около четырех тысяч сотрудников, – говорит генеральный директор ОАО «Томскнефть» ВНК Владимир Пальцев. Таким образом, почти 70% экономически активного населения города работает на нефтяную отрасль, культ главенства нефтяной отрасли внушается здесь с детства. В спортивно-оздоровительном комплексе «Нефтяник», построенном по американскому проекту в 1996 году и являющемся самым крупным спортивным сооружением за Уралом, в вестибюле второго этажа есть скульптура. Называется «Руки нефтяника». Ничего особенного – две скрещенные ладони держат нефть. Нефтяники, кстати, помимо спорткомплекса, построили здесь много – центр дополнительного образования, интернет-кафе, музей нефти, учебный центр ОАО «Томскнефть», дом культуры. Нефтяники же покупают медицинское оборудование для больниц, выделяют средства на социальные проекты и поддерживают пенсионеров. Очередной проект – крытый ледовый каток – хотя и будет строиться за счет бюджета, косвенно все-таки на те же нефтяные деньги.

Среди мифов о «нефтяной игле» существует главный – достаточно устойчивый – о том, что Стрежевой живет на «нефтяные» налоги и не испытывает никаких проблем. В структуре налоговых доходов на первом месте НДФЛ – 87,6 %, и большую его часть отчисляют предприятия нефтедобычи. Спасает Стрежевой не только областная дотация, но и то, что доходы в нефтяной отрасли на самом деле довольно неплохие. Например, генеральный директор ООО «Стрежневской НПЗ» Геннадий Ковязин сообщил, что средняя заработная плата на нефтеперерабатывающем заводе составляет 36 тыс. рублей. «Но в нефтянке, конечно, зарплата выше», – отметил он. По данным статистики, в нефтяной отрасли средний показатель зашкаливает за 60 тыс. рублей...

«Нефтяная игла» для Стрежевого не пустое словосочетание. Святая святых города – система ЖКХ – работает на смеси попутного и природного газа, которую также поставляют нефтяники.

Когда мы вытъем всю нефть.

Дело в том, что доминирование в городской экономике нефтегазодобывающей отрасли привело к образованию в городе монопрофессиональной структуры населения. Так называемая экономическая основа города состоит из 20 предприятий, которые, чего греха таить, являются «дочками» «Томскнефти» и, несмотря на юридическую самостоятельность, остаются экономически зависимыми от материнской компании. Так что, как ни крути, все тут упирается в нефть. Но есть нефть, а значит, все не так плохо.

Как видим, получившийся в результате компрессии – свертывания текстовых структур вокруг вербальных репрезентантов концепта нефть – мы получили полноценный текст, обладающий признаками цельности, связ-

ности, логичности. Данный текст более чем в 5 раз короче исходного, в нем 557 слов, 45 из которых (более 8 %) – лексема нефть и ее дериваты.

Попробуем на основе моделирования ассоциативно-смыслового поля (АСП) концепта нефть (о понятии АСП и методике моделирования текстовых АСП см.: [Болотнова, 1998б, с. 242 – 247; Болотнова, 2006, с. 543 – 551; Орлова, 2004]) описать его (концепта) аксиологический профиль.

Аксиологический профиль концепта понимается нами как отраженная в текстовой ассоциативно-смысловой структуре уникальная вербализованная конфигурация его аксиологических значимостей, являющаяся результатом лингвокреативной деятельности автора и интерпретационной деятельности читателя.

Анализ показал, что концепт нефть является, условно выражаясь, в данном тексте «концептом-реакцией» на ключевой в тематическом отношении «концепт-стимул» город Стрежевой. Это диагностический признаковый концепт, «концепт-рема», «концепт-идея». Наиболее ярко способность концепта нефть быть глобальным ассоциативным детерминантом социально-экономического, культурного и даже ландшафтно-географического облика территории проявляется в тенденции включаться в устойчивые квазитопонимические перифразы. Необходимо отметить, что нефтяных городов и городов нефтяников на карте России и в ее медиaprостранстве обнаруживается довольно много (например, город Муравленко в Ямало-Ненецком автономном округе, город Отрадный в Самарской области и др.), а доминирующий тип промышленности и профессиональной деятельности в моногородах – востребованная журналистами по причине прозрачности внутренней формы семантическая основа для формирования искомой перифразы как синонимической замены официальному топониму (город ткачей, город металлургов и т.д.). (Здесь же уместно будет отметить факт зарождения и интенсивного развития социально значимого медиаконцепта моногород, вряд ли, однако, обещающего возможности актуальных эстетических и культурных смысловых приращений и дискурсивных миграций).

Расшифровываются квазитопонимические перифразы легко, выполняя, помимо «антитавтологиической» функции, функцию информационную – сообщения о единовластно главенствующем, явно преобладающем на территории типе экономической деятельности и профессиональной причастности населения. Данное обстоятельство определяет количественное и качественное преобладание в АСП концепта нефть в анализируемом тексте словных и сверхсловных репрезентантов тематической области «Нефть как профессиональная сфера и ее значимость для города».

Представим в виде таблицы фрагмент моделируемого АСП, условно распределив значимые контексты, включающие репрезентанты концепта, по оценочной шкале, чтобы выявить преобладающий аксиологический модуль данного тематического слоя текстового содержания (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент «Нефть как профессиональная сфера и ее значимость для города» АСП концепта нефть

Тип оценки	Иллюстративные контексты
Нейтральная оценка	<ol style="list-style-type: none"> 1. основная доля промышленного производства приходится на нефтяные предприятия 2. все зависит от нефтяной отрасли 3. парадигма существования города – здесь работает ОАО «Томскнефть» ВНК 4. «Томскнефть» – основной работодатель 5. почти 70 % населения города работает на нефтяную отрасль 6. Стрежевой живет на «нефтяные» налоги 7. большую его часть отчисляют предприятия нефтедобычи 8. система ЖКХ – нефтяники 9. 20 предприятий являются «дочками» «Томскнефти»
Позитивная оценка	<ol style="list-style-type: none"> 1. главным праздником является День нефтяника 2. здание градообразующего предприятия «Томскнефть» выглядит скромно, внутри офис «Томскнефти» оказался реально современным 4. «Не важно, что ты живешь в Стрежевом, важно, что ты работаешь в «Томскнефти» 5. спортивно-оздоровительном комплексе «Нефтяник», построенном по американскому проекту 6. скульптура «Руки нефтяника»: две скрещенные ладони держат нефть 7. нефтяники построили здесь много 8. нефтяники же покупают медицинское оборудование для больниц, выделяют средства на социальные проекты и поддерживают пенсионеров на те же нефтяные деньги 9. в нефтянке, конечно, зарплата выше 10. в нефтяной отрасли средний показатель зашкаливает за 60 тыс. рублей

Неоднозначная оценка	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Томскнефть» выписывает звезд российской эстрады 2. город нефтяников ассоциируется с наркоманией, хотя большие не ходят с шапкой вокруг офиса «Томскнефти» 3. доминирование нефтегазодобывающей отрасли привело к образованию монопрофессиональной структуры населения 4. культ главенства нефтяной отрасли внушается с детства
----------------------	--

Даже поверхностный анализ аксиологического контура фрагмента АСП концепта *нефть*, организованного смысловым признаком «Нефть как профессиональная сфера и ее значимость для города», демонстрирует явное – почти пятикратное – преобладание нейтральной и позитивной оценочной тональности даже не над негативной – поскольку однозначной отрицательной оценки мы в высказываниях, находящихся в радиусе ассоциативного взаимодействия с «нефтяной» лексикой, не обнаружили – а над неоднозначной оценкой с некоторой долей скепсиса. При этом индикаторы глобального доминирования (лексика главенства, количественного превосходства (*основной, главный, все, много, выше* и др.) встречаются на всех трех аксиологических уровнях, и плотность их в вербальной ткани текста велика: 8 единиц только в приведенных в таблице высказываниях.

Однако аксиологический профиль концепта *нефть* в ассоциативно-смысловой структуре текста наиболее интересен тем, что позитивная оценочность не просто превалирует, а играет еще и роль своеобразных ассоциативных «дрожджей» – катализаторов, служащих повышению градуса оценки аксиологически нейтральных и даже неоднозначных информем (об информемах и прагмемах как единицах организации текста см.: [Болотнова, 2008, с. 45, 160]). Ср.: нейтр. парадигма существования города – здесь работает ОАО «Томск**нефть**» ВНК / позит. «Не важно, что ты живешь в Стрежевом, важно, что ты работаешь в «Томск**нефти**»; неодн. культ главенства **нефтяной** отрасли внушается с детства / позит. скульптура «Руки **нефтяника**»: две скрещенные ладони держат **нефть**; неодн. доминирование **нефтегазодобывающей** отрасли привело к образованию монопрофессиональной структуры населения / позит. в **нефтянке**, конечно, зарплата выше. Даже однозначно негативно оцениваемое в обществе явление наркомании в городе нефтяников автор предпочитает нейтрализовать уступительным *хотя*.

Функцию своеобразных «аксиологических маячков» выполняют рассредоточенные по тексту и буквально обрамляющего его в ключевых позициях лид-абзаца и финала предложения дидактического характера, категорически констатирующие тотальную нефтезависимость и нефтеобусловленность быта и бытия города: *нефть – главный ресурс развития; если бы не нефть; нефть – это большой бизнес, а также основа жизнеобеспечения города; все тут упирается в нефть*. Две метафорические конструкции, играющие роль подзаголовков (в них обобщены распространенные в наше время негативные стереотипы зависимости от нефти и конца нефти: *нефтяная игла* и *когда мы выьем всю нефть*), провоцируют эффект обманутого ожидания: *нефтяная игла* оборачивается пассажем о собственном стрелевском бензине и обеспечении местной нефтью городского ЖКХ, а угроза конца нефти – заверениями в наличии ее больших запасов (*Но есть нефть, а значит, все не так плохо*).

Как уже говорилось в пояснительной записке к эксперименту, мы редуцировали исходный текст путем свертывания его вокруг репрезентантов концепта-ремы *нефть*, в то время как концепт *город* отражает тему текста. Поскольку коммуникативной интенцией медиарайтера было объективно и правдиво воссоздать образ города в его неоднозначности и разнообразии, аксиологический профиль концепта *город Стрелевской* имеет альтернативную структуру: как однозначно негативные описываются климатические и жилищные условия, как острые социальные проблемы – географическая отдаленность от областного центра (только самолетом можно долететь), алкоголизм и наркомания и др.

В то же время конфигурация аксиологических атрибуций концепта *нефть* – главной содержательной дескрипции концепта *город* – имеет, на первый взгляд, тенденциозный, гипертрофированно смещенный в сторону положительного оценочного полюса характер, что свидетельствует о комплиментарном аксиологическом профиле концепта. Однако объективный тон подачи ключевого тематического концепта текста позволяет сделать предположение об объективном же, обусловленном исключительно реальным положением дел и спецификой обстоятельств во внедискурсивной действительности конструировании в статье аксиологического профиля концепта *нефть*. При этом главный экстралингвистический фактор, обуславливающий всеобщее одобрение нефти в коллективном сознании стрелевчан, в отличие, например, от томичей и даже от парабельцев, предки которых жили и трудились на этой земле и до нефти, – осознание поистине тотальной зависимости от нефти и даже обреченности на нефть.

Мы уже говорили о беспрецедентной частотности лексемы *нефть* и ее дериватов в рассмотренном выше тексте о Стрелевском. Проведенный нами

количественный анализ полугодовой подшивки (первая половина 2010 г.) стрелевской газеты «Томская нефть» также показал очень высокую частотность «нефтяной» лексики: на 518 579 слов – 3 661 словоупотребления, что составляет 0,7 %.

Если сопоставить эти данные с полученной нами путем простейших арифметических действий среднестатистической частотностью, зарегистрированной в публицистических текстах «Новым частотным словарем русской лексики» [Ляшевская, Шаров, 2009] (см. о нем и приведенных в нем фактах о частотности интересующих нас лексем в текстах разной стилиевой приуроченности в следующем параграфе), то разница получается сверхвпечатляющая. Частотность «нефтяной» лексики в общем вербальном массиве русскоязычной публицистики немалая, она составляет 0,0164 % (для сравнения: слов с корнем *полит-* – 0,08 %). Однако в стрелевской прессе плотность лексики семантической сферы *нефть* превышает среднестатистическую в 42 раза, а в анализируемой нами статье о Стрелевском – в 134!

Этот количественный анализ языковой ткани медиатекстов подводит нас к тезису-гипотезе о «нефтецентризме» концептосферы жителей томского севера и специфичном в связи с этим – вынужденно комплиментарном – аксиологическом профиле изучаемого медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стрелевчан.

Чтобы проверить данную гипотезу, нами был проведен лингвистический эксперимент, нацеленный на выявление показаний языкового сознания жителей Стрелевского относительно рецепции ими концепта *нефть*.

В качестве ведущей методики проведения опроса нами была избрана модифицированная в соответствии с целями и задачами нашего исследования методика семантического дифференциала Ч. Осгуда (см. о плодотворности применения этой методики при изучении прагматики текста и его отдельных элементов: [Болотнова, 2006, с. 563 – 564]). Сама методика семантического дифференциала и способы ее применения в лингвистике и лингвоконцептологии достаточно хорошо описаны [Варфоломеев, 2000; Шмелев, 2002; Серкин, 2004; Петренко, 2005; Воейкова, 2009; Шелестюк, 2009 и др.]. Мы же модифицировали, во-первых, реестр признаков, включив в него те признаковые пары, которые оказались актуальными для изучаемого нами концепта при его развертывании в медиадискурсе. Во-вторых, мы предпочли пятибалльную шкалу, в которой первый и последний баллы характеризовали яркую ассоциативную соотношенность в сознании респондентов этого признака с одним из противоположных понятий, а срединная тройка обозначала невыраженность ассоциативной связи концепта с данной понятийной категорией (см. предложенную респондентам анкету в Приложении 1).

Опрос проводился осенью 2010 г., в нем приняли участие 90 жителей города Стрежевого разного возраста, пола и социального статуса (от старших школьников до пенсионеров).

Результаты эксперимента в самом общем виде могут быть представлены в виде следующей таблицы, где указаны антонимичные признаки с их наивысшим индексом (Признак 1 и Признак 5), процент респондентов, давших ту или иную оценку по данному признаку, а также средний балл данной признаковой пары (табл. 2).

Таблица 2

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрежевчан: результаты эксперимента

Признак 1	Признак 5	1 %	2 %	3 %	4 %	5 %	Средний балл
Бедный	Богатый	2,1	0	4,2	17	76,5	4,6
Отсталый	Прогрессивный	6,4	6,4	12,7	23,4	51	4,08
Зависимый	Независимый	46,8	21,2	17	8,5	6,4	2,06
Неважный	Важный	2,1	0	4,2	14,8	78,7	4,68
Непрестижный	Престижный	2,1	0	10,6	34	53,2	4,36
Неэффективный	Эффективный	2,1	4,2	10,6	27,6	57,4	4,17
Неактуальный	Актуальный	2,1	0	6,4	31,9	59,5	4,44
Традиционный	Новаторский	6,4	21,2	38,3	19,1	14,8	3,14
Безответственный	Ответственный	2,1	4,2	40,4	31,9	21,2	3,59
Временный	Вечный	23,4	17	31,9	12,7	14,8	2,78
Плохой	Хороший	2,1	6,4	34	34	23,4	3,7
Опасный	Безопасный	34	29,8	23,4	10,6	2,1	2,08
Мирный	Агрессивный	2,1	10,6	53,2	19,1	14,8	3,34
Ненужный	Нужный	0	4,2	2,1	17	76,5	4,65
Несвободный	Свободный	19,1	4,2	5,1	21,2	4,2	2,78
Непопулярный	Популярный	0	0	21,2	25,5	53,2	4,31
Вредный	Полезный	4,2	0	10,6	25,5	59,5	4,36
Пассивный	Активный	0	2,1	38,3	29,8	29,8	3,87
Безнравственный	Нравственный	8,5	6,4	63,8	14,8	6,4	3,04
Пустой	Наполненный	2,1	4,2	48,9	29,8	14,8	3,51
Простой	Сложный	8,5	2,1	31,9	34	23,4	3,61
Навязчивый	Деликатный	19,1	10,6	68,1	2,1	0	2,53
Злой	Добрый	2,1	8,5	61,7	14,8	12,7	3,27
Противный	Приятный	8,5	8,5	59,5	14,8	8,5	3,06
Естественный	Искусственный	42,5	19,1	31,9	2,1	4,2	2,06
Грязный	Чистый	25,5	31,9	25,5	8,5	8,5	2,42
Больной	Здоровый	19,1	14,8	53,2	8,5	4,2	2,63
Чужой	Свой	10,6	2,1	53,2	17	17	3,27
Ненавистный	Любимый	4,2	4,2	76,5	8,5	6,4	3,08
Мрачный	Светлый	19,1	6,4	57,4	14,8	17	3,48

В колонке, обозначенной цифрой 1, представлен процент испытуемых, отметивших первый признак как ярко выраженный, в колонке 2 – как просто характерный и т.д. – т.е., к примеру, 2,1 % опрошенных охарактеризо-

вали нефть как бедную, 0 % как скорее бедную, 4,2 % затруднились дать однозначный ответ, для 17 % она скорее богатая, и для 76,5 % она богатая однозначно. Соответственно, чем выше т.н. «средний балл», тем более ярко выражен, по мнению информантов, второй признак, и наоборот.

Для начала, думается, нагляднее всего будет сгруппировать полученные результаты по убыванию «среднего балла», чтобы увидеть, какие признаки представляются жителям г. Стрежевого наиболее актуальными для концепта *нефть*. Напомним, что эти признаки располагаются сверху и внизу таблицы (табл. 3).

Таблица 3

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрежевчан: результаты эксперимента, упорядоченные по убыванию «среднего балла»

Признак 1	Признак 5	1 %	2 %	3 %	4 %	5 %	Средний балл
Неважный	Важный	2,1	0	4,2	14,8	78,7	4,68
Ненужный	Нужный	0	4,2	2,1	17	76,5	4,65
Бедный	Богатый	2,1	0	4,2	17	76,5	4,6
Неактуальный	Актуальный	2,1	0	6,4	31,9	59,5	4,44
Непрестижный	Престижный	2,1	0	10,6	34	53,2	4,36
Вредный	Полезный	4,2	0	10,6	25,5	59,5	4,36
Непопулярный	Популярный	0	0	21,2	25,5	53,2	4,31
Неэффективный	Эффективный	2,1	4,2	10,6	27,6	57,4	4,17
Отсталый	Прогрессивный	6,4	6,4	12,7	23,4	51	4,08
Пассивный	Активный	0	2,1	38,3	29,8	29,8	3,87
Плохой	Хороший	2,1	6,4	34	34	23,4	3,7
Простой	Сложный	8,5	2,1	31,9	34	23,4	3,61
Безответственный	Ответственный	2,1	4,2	40,4	31,9	21,2	3,59
Пустой	Наполненный	2,1	4,2	48,9	29,8	14,8	3,51
Мрачный	Светлый	19,1	6,4	57,4	14,8	17	3,48
Мирный	Агрессивный	2,1	10,6	53,2	19,1	14,8	3,34
Злой	Добрый	2,1	8,5	61,7	14,8	12,7	3,27
Чужой	Свой	10,6	2,1	53,2	17	17	3,27
Традиционный	Новаторский	6,4	21,2	38,3	19,1	14,8	3,14
Ненавистный	Любимый	4,2	4,2	76,5	8,5	6,4	3,08
Противный	Приятный	8,5	8,5	59,5	14,8	8,5	3,06
Безнравственный	Нравственный	8,5	6,4	63,8	14,8	6,4	3,04
Временный	Вечный	23,4	17	31,9	12,7	14,8	2,78
Несвободный	Свободный	19,1	4,2	5,1	21,2	4,2	2,78
Больной	Здоровый	19,1	14,8	53,2	8,5	4,2	2,63
Навязчивый	Деликатный	19,1	10,6	68,1	2,1	0	2,53
Грязный	Чистый	25,5	31,9	25,5	8,5	8,5	2,42
Опасный	Безопасный	34	29,8	23,4	10,6	2,1	2,08
Зависимый	Независимый	46,8	21,2	17	8,5	6,4	2,06
Естественный	Искусственный	42,5	19,1	31,9	2,1	4,2	2,06

Как видим, на первом месте находятся признаки *важный, нужный, богатый*. Иными словами, в сознании стрележечан первостепенную значимость имеет понимание того, что нефть – не только основа благосостояния, но и основа жизни вообще, по крайней мере, жизни в данном регионе.

С другой стороны, большое число испытуемых охарактеризовали нефть как *естественную, зависимую, опасную*. Эти данные любопытно сопоставить с высказываниями жителей села Парабель, приведенными в предыдущей главе: *Раньше стерляди и осетра больше было, до нефтепровода; Раньше не было нефти на риве, а щас, видишь, всяка пльвет, ана бывает не вкусна така, прамывать нада харашо*. Как видим, с точки зрения сельских жителей, развитие нефтяного промысла было нарушением естественного хода вещей. Для современных стрележечан нефть скорее естественна, причем эта естественность тесно соседствует с зависимостью и опасностью. Интересно, что стрележечане, скорее всего, восприняли признак естественности отнюдь не в экологическом смысле, а в социальном – как непереносимое и естественное условие жизнеобеспечения.

Признаки зависимости и опасности – самоочевидные атрибуты нефти в любом нефтедобывающем регионе, где каждый осознает свою непосредственную связь с источником благосостояния, а огромная часть работающего в нефтяной отрасли населения не понаслышке знает об опасности работы на промыслах.

Заслуживающей внимания нам кажется следующая закономерность, а именно – отсутствие среднего балла меньше 2, что говорит о меньшей выраженности и меньшей категоричности в оценке первых признаков антонимических пар, по преимуществу представляющих пейоративный оценочный полюс, в то время как средний балл более 4 отмечается у девяти номинаций вторых признаков, по большей части положительного характера. Это служит ярким доказательством в целом позитивного отношения к нефти стрележечан.

Теперь представим результаты по убыванию процента респондентов, выделивших первый признак антонимической пары как значимый (табл. 4).

Таблица 4

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрележечан: результаты эксперимента, упорядоченные по убыванию процента респондентов, выделивших первый признак антонимической пары как значимый

Признак 1	Признак 5	1 %
Зависимый	Независимый	46,8
Естественный	Искусственный	42,5
Опасный	Безопасный	34
Грязный	Чистый	25,5
Временный	Вечный	23,4
Несвободный	Свободный	19,1
Навязчивый	Деликатный	19,1
Большой	Здоровый	19,1
Мрачный	Светлый	19,1
Чужой	Свой	10,6
Безнравственный	Нравственный	8,5
Простой	Сложный	8,5
Противный	Приятный	8,5
Отсталый	Прогрессивный	6,4
Традиционный	Новаторский	6,4
Вредный	Полезный	4,2
Ненавидный	Любимый	4,2
Бедный	Богатый	2,1
Неважный	Важный	2,1
Непрестижный	Престижный	2,1
Неэффективный	Эффективный	2,1
Неактуальный	Актуальный	2,1
Безответственный	Ответственный	2,1
Плохой	Хороший	2,1
Мирный	Агрессивный	2,1
Пустой	Наполненный	2,1
Злой	Добрый	2,1
Ненужный	Нужный	0
Непопулярный	Популярный	0
Пассивный	Активный	0

Во-первых, даже в самой сильной позиции (в паре *зависимый – независимый*) первый признак как ярко выраженный обозначили менее 50 % опрошенных. Никто из респондентов не посчитал нефть *ненужной, непопулярной и пассивной*, что говорит о нежелании стрележечан оценивать нефть в негативных координатах.

Если же результаты представить по убыванию процента респондентов, выделивших второй (в большинстве случаев положительный) признак антонимической пары как значимый, то таблица будет наглядно демонстрировать высокие проценты выбора: 9 верхних позиций – более 50 % участников опроса, 3 верхние позиции – более 75 % (табл. 8). Отметим также, что никто из респондентов не оценил нефть как *деликатную* – видимо, вследствие нерелевантности этого признака для исследуемого понятия.

Таблица 5

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрележчан: результаты эксперимента, упорядоченные по убыванию процента респондентов, выделивших второй признак антонимической пары как значимый

Признак 1	Признак 5	5 %
Неважный	Важный	78,7
Бедный	Богатый	76,5
Неужный	Нужный	76,5
Неактуальный	Актуальный	59,5
Вредный	Полезный	59,5
Неэффективный	Эффективный	57,4
Непрестижный	Престижный	53,2
Непопулярный	Популярный	53,2
Отсталый	Прогрессивный	51
Пассивный	Активный	29,8
Плохой	Хороший	23,4
Простой	Сложный	23,4
Безответственный	Ответственный	21,2
Чужой	Свой	17
Мрачный	Светлый	17
Традиционный	Новаторский	14,8
Временный	Вечный	14,8
Мирный	Агрессивный	14,8
Пустой	Наполненный	14,8
Злой	Добрый	12,7
Противный	Приятный	8,5
Грязный	Чистый	8,5
Зависимый	Независимый	6,4
Безнравственный	Нравственный	6,4
Ненавидный	Любимый	6,4
Несвободный	Свободный	4,2
Естественный	Искусственный	4,2
Больной	Здоровый	4,2
Опасный	Безопасный	2,1
Навязчивый	Деликатный	0

Интересные данные отражены и в колонке под цифрой 3, в которой указан процент респондентов, не считающих значимой по отношению к нефти разницу между двумя противоположными признаками. Расположим эти данные также по убыванию (табл. 6).

Таблица 6

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрележчан: результаты эксперимента, упорядоченные по убыванию процента респондентов, оценивших предложенные признаковые оппозиции как нерелевантные по отношению к нефти

Признак 1	Признак 5	3 %
Ненавидный	Любимый	76,5
Навязчивый	Деликатный	68,1
Безнравственный	Нравственный	63,8

Злой	Добрый	61,7
Противный	Приятный	59,5
Мрачный	Светлый	57,4
Мирный	Агрессивный	53,2
Больной	Здоровый	53,2
Чужой	Свой	53,2
Несвободный	Свободный	51
Пустой	Наполненный	48,9
Безответственный	Ответственный	40,4
Традиционный	Новаторский	38,3
Пассивный	Активный	38,3
Плохой	Хороший	34
Временный	Вечный	31,9
Простой	Сложный	31,9
Естественный	Искусственный	31,9
Грязный	Чистый	25,5
Опасный	Безопасный	23,4
Непопулярный	Популярный	21,2
Зависимый	Независимый	17
Отсталый	Прогрессивный	12,7
Непрестижный	Престижный	10,6
Неэффективный	Эффективный	10,6
Вредный	Полезный	10,6
Неактуальный	Актуальный	6,4
Бедный	Богатый	4,2
Неважный	Важный	4,2
Неужный	Нужный	2,1

Самая недифференцированная, индифферентная к оценке пара – *ненавидный – любимый*: по этой дихотомии испытуемые отказались оценивать нефть. В близком положении оказались пары *навязчивый – деликатный*, *безнравственный – нравственный*, *злой – добрый*, *приятный – противный*, *мрачный – светлый*.

Данная респондентами этим признакам оценка 3 – это уход от поляризации суждения о данном дескрипторе, признание его нерелевантности для рефлексии над понятием-стимулом.

И наоборот, наиболее значимой для однозначной оценки, причем в положительную сторону, явилась пара *неужный – нужный*, за ней следуют *неважный – важный*, *бедный – богатый*, *неактуальный – актуальный*, *вредный – полезный*, *неэффективный – эффективный*, *непрестижный – престижный*, *отсталый – прогрессивный*.

Подведем итоги. С точки зрения общественной пользы нефть в сознании информантов фигурирует как актуальная и эффективная. Другими словами, нефть отвечает требованиям настоящего момента, объективно обеспечивая развитие социальной жизни.

Нефть олицетворяет для стрележчан богатство, престиж, популярность, прогрессивность. Она приносит материальное благосостояние, уважение в обществе, двигает само общество вперед. Стихия эта однозначно характеризуется как *нужная, важная и полезная*, однако однозначно, без ого-

ворок назвать ее *хорошей* и тем более *доброй* информанты все же не могут. А оценивать ее с позиции *ненавистный – любимый* они фактически отказываются. Вместе с тем довольно четко информанты обозначают зависимость от этой стихии.

Итак, нефть для жителей г. Стрежевого – это, в первую очередь, нечто социально и экономически важное и нужное. С большим желанием и единодушно респонденты говорят о том, что хорошего она им дает: материальный достаток (*богатый*), социальный статус (*престижный, популярный*), некую обобщенную пользу (*полезный, эффективный*), задел для дальнейшего развития общества (*актуальный, прогрессивный*). Однако когда вопрос ставится не в виде «что нефть дает мне / нам», а в виде более абстрактного «что есть нефть как таковая», однозначности становится меньше, повышается процент ответов «не знаю», так что в итоге *наполненной, активной, агрессивной* нефть признается не потому, что большинство информантов назвали ее таковой, а потому, что почти никто не утверждал обратного. Наконец, когда речь заходит о личном отношении жителей нефтяного города к нефти (*ненавистный – любимый, приятный – противный*), давать однозначную оценку не хочет уже почти никто. Нефть оказывается внеположенной этическим и эмоциональным категориям нравственности, добра и зла, любви и ненависти. Но эта внеположенность стржежевчанами (в отличие, например, от жителей ПарABELI) эмоционально не оценивается вследствие безальтернативности на этой территории нефти как единственного источника благосостояния, понимания собственной обреченности на нее и зависимости от нее.

Здесь же вспомним, что из первых элементов оценочных оппозиций самые высокие баллы получили признаки *зависимый и естественный*. Зависимость от нефти воспринимается жителями Стрежевого как часть естественного хода вещей. И у большинства это не вызывает ни позитивных, ни негативных эмоций.

Таким образом, результаты двух проведенных нами экспериментов показали объективность тезиса о «нефтецентризме» концептосферы жителей томского севера и специфичном в связи с этим – вынужденно комплиментарном – аксиологическом профиле изучаемого медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стржежевчан.

Ниже приведен опубликованный в литературно-художественного альманахе «Стрежевой» (Стрежевой: Литературно-художественный альманах. 2006. Вып. 6. С. 135) рисунок шестилетней девочки под названием «Капля нефти волшебная» (рис. 2).

Рис. 2. Пятакова Настя, 6 лет. «Капля нефти волшебная»

Этот рисунок – емкая и яркая иллюстрация гипертрофированного нефтецентризма коллективного сознания жителей нефтяного моногорода: антроповидная капля нефти в ботинках-вездеходах на ногах и с нефтяными вышками в руках держит, как атлант, на голове город, и самое главное – является космогоническим истоком, из которого произрастают деревья и в котором размещается солнце, месяц, дома, автомобили – все мироздание.

Чтобы ответить на вопрос о том, всегда ли нефтяная основа экономики однозначно ведет к формированию «нефтецентристской» концептосферы региона, мы провели аналогичный эксперимент в столице Азербайджана г. Баку, который с начала XX столетия называют нефтяной столицей мира (по данным электронной энциклопедии «Википедия», углеводороды составляют около 88,2 % всего экспорта Азербайджана (URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Азербайджана)). Опрос проводился осенью 2012 г., в нем приняли участие 90 студентов рацных курсов и факультетов Бакинского славянского университета.

Представим полученные результаты в виде сопоставительной сводной таблицы: в первом столбце представлены признаки медиаконцепта *нефть* в алфавитном порядке по первому члену антонимической пары, далее – количество респондентов в процентах, выставивших ту или иную оценку признакам, в последнем столбце – средние баллы по всем признакам, выставленным двумя группами респондентов (стрежвечанами и бакинцами).

Таблица 7

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрежвечан и бакинцев: количество респондентов, выставивших соответствующую оценку по признакам и средний балл

ПРИЗНАКИ	Количество респондентов (в процентах), выставивших соответствующую оценку данным признакам										Средний балл	
	Шкала оценок											
	1		2		3		4		5			
	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр	Баку	Стр
Бедный Богатый	0	2,1	0	0	4,4	4,2	20	17	75,6	76,5	4,7	4,6
Безнравственный Нравственный	0	8,5	0	6,4	23,3	63,8	42,2	14,8	34,4	6,4	4,1	3,04
Безответственный Ответственный	0	2,1	0	4,2	12,2	40,4	32,2	31,9	55,6	21,2	4,43	3,59
Большой Здоровый	5,5	19,1	3,3	14,8	42,2	53,2	22,2	8,5	26,6	4,2	3,27	2,63
Вредный Полезный	3,3	4,2	1,1	0	24,4	10,6	20	25,5	51,1	59,5	4,14	4,36
Временный Вечный	1,1	23,4	14,4	17	21,1	31,9	28,9	12,7	34,4	14,8	3,8	2,78
Грязный Чистый	17,8	25,5	18,9	31,9	20	25,5	22,2	8,5	21,1	8,5	3,08	2,42
Естественный Искусственный	5,5	42,5	8,8	19,1	24,4	31,9	25,5	2,1	35,5	4,2	2,67	2,06
Зависимый Независимый	0	46,8	3,3	21,2	16,6	17	31,1	8,5	48,8	6,4	4,25	2,06

Злой Добрый	0	2,1	0	8,5	25,5	61,7	25,5	14,8	49	12,7	4,23	3,27
Мирный Агрессивный	17,8	2,1	13,3	10,6	32,2	53,2	23,3	19,1	13,3	14,8	3	3,34
Мрачный Светлый	10	19,1	14,4	6,4	21,1	57,4	17,7	14,8	36,6	17	3,56	3,48
Навязчивый Деликатный	0	19,1	2,2	10,6	37,8	68,1	31,1	2,1	28,9	0	3,86	2,53
Неактуальный Актуальный	0	2,1	1,1	0	10	6,4	32,2	31,9	56,6	59,5	4,4	4,44
Неважный Важный	0	2,1	1,1	0	16,6	4,2	31,1	14,8	48,8	78,7	4,5	4,68
Ненавистный Любимый	1,1	4,2	1,1	4,2	26,6	76,5	12,2	8,5	58,9	6,4	4,26	3,08
Ненужный Нужный	15,5	0	2,2	4,2	6,6	2,1	28,8	17	61,1	76,5	4,45	4,65
Непопулярный Популярный	0	0	3,3	0	10	21,2	22,2	25,5	64,4	53,2	3,67	4,31
Непрестижный Престижный	0	2,1	0	0	7,7	10,6	35,5	34	56,6	53,2	4,48	4,36
Несвободный Свободный	3,3	19,1	1,1	4,2	24,4	51	20	21,2	50	4,2	4,1	2,78
Неэффективный Эффективный	0	2,1	3,3	4,2	7,7	10,6	34,4	27,6	54,4	57,4	4,4	4,17
Опасный Безопасный	0	34	5,6	29,8	34,4	23,4	31	10,6	31,1	2,1	3,8	2,08
Отсталый Прогрессивный	0	6,4	0	6,4	10	12,7	31,1	23,4	59	51	4,5	4,08
Пассивный Активный	1,1	0	1,1	2,1	20	38,3	34,4	29,8	43,3	29,8	4,17	3,87
Плохой Хороший	0	2,1	4,4	6,4	10	34	27,8	34	57,8	23,4	4,4	3,7
Простой Сложный	3,3	8,5	7,8	2,1	18,9	31,9	34,4	34	35,5	23,4	3,9	3,61
Противный Приятный	5,5	8,5	8,8	8,5	24,4	59,5	25,5	14,8	35,5	8,5	3,56	3,06
Пустой Наполненный	1,1	2,1	2,2	4,2	24,4	48,9	40	29,8	32,2	14,8	4	3,51
Традиционный Новаторский	5,5	6,4	2,2	21,2	33,3	38,3	33,4	19,1	24,4	14,8	3,7	3,14
Чужой Свой	0	10,6	1,1	2,1	13,3	53,2	14,4	17	71,1	17	4,55	3,27

В таблице 8 представлены все признаки в алфавитном порядке первого компонента антонимической пары, средние баллы оценок, выставленных информантами, и оценка, выставленная каждой паре признаков большинством респондентов из Баку и Стрежевого.

Таблица 8

Характеристики концепта нефть в языковом сознании стрележчан и бакинцев: средний балл по каждой паре признаков и оценка, выставленная по каждой паре признаков паре признаков большинством респондентов

№	Признак 1	Признак 2	Средний балл по паре признаков		Оценка, выставленная паре признаков большинством респондентов	
			Баку	Стрежевой	Баку	Стрежевой
1.	Бедный	Богатый	4,7	4,6	5	5
2.	Безнравственный	Нравственный	4,1	3,04	4	3
3.	Безответственный	Ответственный	4,43	3,59	5	3
4.	Больной	Здоровый	3,27	2,63	3	3
5.	Вредный	Полезный	4,14	4,36	5	5
6.	Временный	Вечный	3,8	2,78	5	3
7.	Грязный	Чистый	3,08	2,42	4	2
8.	Естественный	Искусственный	2,67	2,06	5	1
9.	Зависимый	Независимый	4,25	2,06	5	1
10.	Злой	Добрый	4,23	3,27	5	3
11.	Мирный	Агрессивный	3	3,34	3	3
12.	Мрачный	Светлый	3,56	3,48	5	3
13.	Навязчивый	Деликатный	3,86	2,53	3	3
14.	Неактуальный	Актуальный	4,4	4,44	5	5
15.	Неважный	Важный	4,5	4,68	5	5
16.	Ненавидный	Любимый	4,26	3,08	5	3
17.	Ненужный	Нужный	4,45	4,65	5	5
18.	Непопулярный	Популярный	3,67	4,31	5	5
19.	Непрестижный	Престижный	4,48	4,36	5	5
20.	Несвободный	Свободный	4,1	2,78	5	3
21.	Неэффективный	Эффективный	4,4	4,17	5	5
22.	Опасный	Безопасный	3,8	2,08	3	2
23.	Отсталый	Прогрессивный	4,5	4,08	5	5
24.	Пассивный	Активный	4,17	3,87	5	3
25.	Плохой	Хороший	4,4	3,7	5	3 или 4
26.	Простой	Сложный	3,9	3,61	5	4
27.	Противный	Пряжный	3,56	3,06	5	3
28.	Пустой	Наполненный	4	3,51	5	3
29.	Традиционный	Новаторский	3,7	3,14	3 или 4	3
30.	Чужой	Свой	4,55	3,27	5	3

В чем совпадают и чем различаются представления о нефти жителей двух нефтяных регионов?

Очевидно полное совпадение (при разнице оценок не более чем в одну десятую балла) по признакам: *бедный – богатый* (при общем доминировании признака *богатый*), *неактуальный – актуальный* (доминирует признак актуальности). Почти полное совпадение (при расхождении оценок в две десятых балла) отмечено по признакам: *мрачный – светлый* (при средней оценке в 3,5 балла, что означает отказ информантов от оценивания понятия по данным признакам), *неважный – важный* (преобладает признак *важный*), *непрестижный – престижный* (доминирует признак *престижный*).

Полярные оценки (при расхождении оценок более чем в 2 единицы) были выставлены признакам: *зависимый – независимый* (признак независимости актуален для информантов из Баку, а признак зависимости – для жителей Стрежевого). Несколько меньшие, но статистически существенные колебания оценок (примерно в 2 единицы) продемонстрировали признаки: *навязчивый – деликатный* (признак деликатности оказался актуален для респондентов из Азербайджана, а признак навязчивости – из Стрежевого), *несвободный – свободный* (*несвободный* – Стрежевой, а *свободный* – Баку), *опасный – безопасный* (*опасный* – для Стрежевого, скорее *безопасный*, чем *опасный* – Баку).

Весьма показательны результаты, фиксирующие процент опрошенных, отметивших тот или иной признак медиаконцепта *нефть* как максимально проявленный. Жители Стрежевого были категоричны в своих оценках и значительно чаще выставляли в ответах оценку «1». Например, признаки *зависимый*, *естественный* и *опасный* оказались максимально значимыми для 35 – 47 % опрошенных. Чуть менее существенными (от 25 до 19% опрошенных) стали признаки *грязный*, *временный*, *несвободный*, *навязчивый*, *больной*, *мрачный*. Неактуальными для стрележчан (0%) стали признаки *ненужный*, *непопулярный*, *пассивный*.

Для жителей Баку первые, как правило негативно оцениваемые, признаки в парах-противопоставлениях оказались незначимыми: 13 из 30 признаков не выбрал ни один из 90 информантов, 11 первых в паре признаков отметили как существенные от 1 до 5 % информантов (1,1 – 5,5%), а признаки *грязный*, *ненужный* стали существенными лишь для 15,5 – 17,8% опрошенных.

По целому ряду признаков очевидно существенное расхождение в оценках двух групп респондентов из разных регионов. Например, жители Стрежевого сочли значимыми следующие признаки медиаконцепта: *естественный*, *зависимый*, *опасный* (от 34 до 47%), тогда как для жителей Баку именно эти признаки оказались неактуальными (от 0 до 5,5 %). Несколько

меньшее, но статистически значимое расхождение в оценках получили некоторые другие признаки: *временный, навязчивый, несвободный* значимы для стрележчан, а *ненужный* и *мирный* – для бакинцев. В одинаковой степени незначимыми оказались для обеих групп респондентов признаки, дающие негативную эмоциональную характеристику медиаконцепту: *бедный, безответственный, злой, неактуальный, неважный, непопулярный, непрестижный, неэффективный, пассивный, плохой, пустой*.

Сопоставим далее максимальные оценки информантов по вторым компонентам дихотомий. Любопытно, что практически полное совпадение высоких оценок продемонстрировал признак богатства, высокую степень корреляции – признаки престижности и эффективности, несколько менее соотносимы оценки по признакам прогрессивности, популярности, нужности, актуальности и полезности, т.е. высокую оценку у всех информантов получили признаки с положительной коннотацией. Существенные расхождения оценок (от 50 и более %) в двух группах опрошенных также очень показательны: подавляющее большинство респондентов из Баку дали высокую оценку медиаконцепту по признакам *свой* и *любимый*, соответственно лишь для единичных информантов из Стрележова именно эти признаки оказались актуальными.

Для более 60% респондентов из Баку признак *любимый* оказался максимально значимым. Тогда как именно этот компонент дихотомии *нелюбимый – любимый* получил высокую оценку лишь у 6 % стрележчан. Поляризация оценок (расхождение оценок в 30 – 40 %) очевидна по признакам: *опасный – безопасный, свободный – несвободный, зависимый – независимый, злой – добрый* и *естественный – искусственный*. Эти различия были отмечены нами при рассмотрении средних баллов по признакам, но не все нюансы оценок респондентов были учтены, т.к. некоторые особенности при вычислении среднего балла оценки нивелируются и уплощаются. Необходимо отметить, что признак безопасности получил максимальную оценку лишь у 2 из 90 опрошенных стрележчан, признаки *свободный* и *здоровый* – у 4, признаки *любимый, нравственный* и *независимый* – у 6, а признак *деликатный* не получил ни одной высокой оценки. В целом респонденты из Баку более охотно выставляли высокие баллы вторым членам дихотомий.

Не менее информативны данные по проценту опрошенных, выставивших 3 балла по различным признакам. Оценка 3 означает, как уже было сказано выше, фактический отказ от оценивания данных признаков, их аксиологическую ничтожность для респондента. Для большинства (более 50%) опрошенных стрележчан неактуальными оказались следующие пары этически обусловленных признаков медиаконцепта нефть: *безнравственный – нравственный* (63,8%), *больной – здоровый* (53,2 %), *злой – добрый* (61%),

мирный – агрессивный (53,2 %), *навязчивый – деликатный* (68,1%), *ненавистный – любимый* (76,5%), *противный – приятный* (59,5%), *чужой – свой* (53,2%), *несвободный – свободный* (51%). Самый высокий процент отказов от оценивания получили признаки любви и навязчивости. И наоборот, самыми важными признаками, оцененными на 3 лишь единичными информантами, стали прагматически окрашенные признаки: *бедный – богатый* (4,2%), *неактуальный – актуальный* (6,4%), *неважный – важный* (4,2%) и *ненужный – нужный* (2,1%). Очевидно, что стрележчане крайне прагматично относятся к рассматриваемому феномену, отказываясь оценивать его с этической точки зрения.

В оценках респондентов из Баку прослеживается иная тенденция аксиологического восприятия концепта *нефть*. Выраженного большинством респондентов отказа от оценивания тех или иных признаков не зафиксировано, но от 30 до 40 % информантов поставили 3 балла признакам, получившим такую оценку и у стрележчан: *больной – здоровый* (42,2%), *мирный – агрессивный* (32,2%), *навязчивый – деликатный* (37,8). Кроме того, признаки *опасный – безопасный* (34,4%) и *традиционный – новаторский* (33,3%) также получили относительно высокий процент отказа от оценивания. Прагматически окрашенные признаки *бедный – богатый* (4,4%), *ненужный – нужный* (6,6%), *непрестижный – престижный* (7,7%), *неэффективный – эффективный* (7,7 %) наоборот легко оцениваются бакинцами, лишь единицы бакинцев выставили этим признакам оценку 3.

Итак, наш эксперимент показал, что бакинцы воспринимают нефть как положительно окрашенный феномен, поскольку в их ответах было очевидно тяготение к правым компонентам антонимических пар, об этом свидетельствует явное преобладание оценки 5 у бакинцев в отличие от стрележчан, чаще выставлявших оценку 3, т.е. отказывавшихся от этической характеристики данного феномена.

Глубокое исследование аксиологического профиля медиаконцепта нефть в СМИ Азербайджана – в перспективе. Однако на данном этапе выскажем гипотезу о целенаправленно формируемой медиасредствами этого государства политике восприятия нефтяного фактора как основы интеллектуального и культурного развития общества, оцениваемого безусловно позитивно. Ср.: *Развитие в Азербайджане образования, обеспечение детей и молодежи образованием, соответствующим мировым стандартам, а также подготовка высококвалифицированных кадров, составляют главную часть стратегии президента страны по преобразованию нефтяного капитала в развитие интеллектуального общества, кадровой политики и профессионализма* (Образовательные реформы в Азербайджане URL: http://www.azerbaijans.com/content_1729_ru.html); *Азербайджан превращает нефтяные доходы*

в интеллектуальный капитал и продолжит усилия в данном направлении (АМИ Trend, 2010, 02 дек. URL: <http://www.trend.az/news/politics/1791087.html>); Поэтому мы в Азербайджане составили программы по преобразованию наших природных ресурсов, прежде всего в интеллектуальный потенциал, и провозглашенный нами в свое время принцип – «превратить «черное золото» в человеческий капитал» – сегодня уже работает (Информационное агентство «The First News», 2012, 05 окт. URL: <http://www.1news.az/chronicle/20121005011323381.html>).

Вследствие многократно актуализированного в медиасфере Азербайджана тренда преобразования нефти в прогрессивные духовно-нравственные блага (интеллект, образование, культуру, профессионализм) языковое сознание бакинцев не обнаруживает подчеркнутого нефтецентризма, а сам фактор нефти оценивается положительно не только с утилитарно-прагматической точки зрения, но и с этической.

Подведем итоги. В данной главе мы описали специфику миромоделирующего потенциала медиаконцепта *нефть* как регионально маркированного концепта в его трех вариантах: в региональных городских томских СМИ, в дискурсе районной газеты сельской территории, ставшей нефтедобывающей, и в языковом коллективном сознании жителей города нефтяников на фоне коллективных представлений о нефти жителей Баку.

Рассматривая ассоциативно-смысловое развертывание концепта *нефть* в томском медиапоточе 2000-х гг., можно наблюдать значительную трансформацию идентификационных структур концепта, обеспечивающих целостность и диалектическую амбивалентность регионального самосознания, поиск оптимальных для томской семиосферы способов ментальной самоидентификации. И если на одном полюсе региональной саморефлексии лежит по-советски гипертрофированный оптимистический пафос, то на другом – близкий к пессимистическому скепсис по поводу будущности «сырьевого придатка», а между этими полюсами находится целый спектр аксиологически и мотивационно разновалентных позиций.

Репрезентируемый в местных СМИ локально маркированный медиаконцепт *нефть* обнаруживает наиболее сильный миромоделирующий потенциал в нефтедобывающих районах, в которых исконной культурой была традиционная крестьянская культура. Каковы механизмы, лежащие в основе миромоделирующих возможностей анализируемого концепта?

В первую очередь воздействующей силе транслируемых районной газетой информационно-идеологических трендов весьма способствуют социокоммуникативная природа «малой» прессы: ее консерватизм, особая близость к читателю, авторитетность, безальтернативность, позитивный агитационно-пропагандистский модус подачи материала. Все это способ-

ствует эффективной пропаганде крайне значимых для социального и экономического благополучия района «нефтяных» ценностей.

Однако, пропагандируя новые прогрессивные ценности массовой индустриальной культуры, дискурс районной прессы вынужден искать оптимальные пути адаптации этих ценностей в сознании сельского жителя Сибири, исповедующего до сих пор, как показало наше исследование, идеалы традиционной крестьянской земледельческой культуры.

Одним из таких путей является твердое категоричное противостояние сложившемуся общественному мнению. Оно проявляется в абсолютном превалировании аргументов своей стороны и полном игнорировании, тотальном замалчивании аргументов коллективного оппонента, как в случае со злободневной для нефтяной тематики экологической проблемой или агрессивным навязыванием урбанистских индустриально-цивилизационных социальных установок.

Но намного более изощренным в тактико-коммуникативном и семантическом отношении, а потому наиболее эффективным путем воздействия на социальное сознание читателя является манипулятивный путь последовательной трансформации коренных ценностей крестьянской культуры с опорой на аксиологическую структуру этих ценностей. Так, при внедрении «нефтяных» идеалов в ассоциативно-смысловое развертывание текстов районной газеты происходят напоминающие мимикрию процессы преобразований в семантической матрице фундаментальных культурных констант, таких как концепт *труд* или концепт *богатство*.

Исследование показало, что «мутируют» за счет подмены исконных семантических признаков подобными, но принципиально иными, базисные кластеры концепта *труд*: утилитарно-практический кластер, ранее аккумулирующий аксиологию трудности и интенсивности усилий, замещается аксиологией технической сложности и производственной наукоемкости; духовно-нравственный кластер, раннее фокусирующий императив этического долга, замещается аксиологией моды, популярности, элитарности, социального престижа.

Некоторые из таких «попыток мимикрии» в дискурсе малой прессы оказываются не вполне удачными в коммуникативном и стилистическом отношении далеко не случайно. Вследствие чуждости и неестественности для деревенского мировидения промышленной механизированной нефтяной сферы антропоморфный код интерпретации оказывается неорганичным для нефтяной тематики. Абстрактность и недоступность для понимания рядовым сельским жителем специфики организации труда в нефтяной отрасли и, главное, неконкретность и «виртуальность» эмпирических результатов этого труда, требующего в то же время от работающего специальных знаний

интеллектуального характера и высокого уровня образованности, с одной стороны, заставляют журналистов писать абстрактным наукообразным «заштампованным» языком, с другой – делают нефтяную проблематику «трудноусваиваемой», определенным образом внеположенной этическим нормам традиционной сельской культуры, а потому чуждой, вызывающей недоверие и настороженность.

Таким образом, в основе движущей силы миромоделирующего потенциала медиаконцепта *нефть* в районной прессе нефтедобывающего региона лежат несколько иные стимулы, нежели в прессе центральной и даже городской. В субдискурсе массмедийного мейнстрима рост концептуального напряжения обуславливается собственно интрадискурсивной конфликтностью, наличием полярных разновалентных оценок нефтяного фактора в самих медиатекстах, представляющих весь спектр общественного мнения. В по преимуществу аксиологически одноцветном субдискурсе районной газеты мы наблюдаем конфликтность иного рода, проявляющуюся в имплицитной оппозиции традиционных консервативных крестьянских ценностей и навязываемых нефтью цивилизационных урбанистских установок.

Несколько иное решение получает концепт *нефть* в медиасфере и коллективном сознании жителей г. Стрежевого – нефтяного моногорода на севере Томской области. Проведенные эксперименты (стилистический эксперимент на основе трансформации исходного медиатекста и лингвистический эксперимент с использованием модифицированной методики семантического дифференциала Ч. Осгуда) подтвердили гипотезу о «нефтецентризме» концептосферы жителей томского севера и специфичном в связи с этим – вынужденно комплиментарном, гипертрофированно позитивном, смещенном – аксиологическом профиле изучаемого медиаконцепта, сложившемся в языковом сознании стржевчан. Однако проведенный опрос выявил и признаки нравственно-этической фрустрации по поводу нефти, а именно – категорическое признание собственной тотальной зависимости от нефти, обреченности на нефть и практически полный отказ оценивать нефть в категориях этики, эстетики и чувственного восприятия, что говорит о безусловном признании утилитарной и социально-экономической ценности нефти при далеко неочевидной ее значимости в человеческой духовности и культуре. В то же время, вероятно, вследствие сознательно формируемой медиаполитики Азербайджана, где нефть выступает основой прогрессивных гуманистических преобразований, коллективное сознание бакинцев отражает восприятие нефти как, в том числе, и этически положительно оцениваемого фактора.

Глава 3. *Вечность пахнет нефтью* как прецедентный текст современной культуры

Далее в фокусе нашего внимания будет находиться прецедентный феномен, приобретший статус текста влияния в результате роста социокультурной актуальности медиаконцепта *нефть* и получивший мощную интерпретационно-рефлексивную поддержку в сетевом дискурсе.

Для человека, включенного в литературный, культурный и духовный контекст современности, образ нефти корреспондирует с фразой, в 1989 г. прозвучавшей в известной песне лидера русского панк-рока Егора Летова «Русское поле экспериментов», а затем неоднократно обыгранной мастером постмодернистской прозы Виктором Пелевиным: в культовом романе «Generation П» (1999 г.) и в эпиграфе к повести «Македонская критика французской мысли» (2003 г.). Речь идет об идиоме *Вечность пахнет нефтью* и ее модификациях *Вселенная пахнет нефтью* и *Повсюду пахнет нефтью*.

И тот, и другой источник обладают сильнейшим культурным зарядом, обеспечиваемым несомненным литературным талантом и яркой творческой индивидуальностью их авторов, по-разному отвечающих на главные вопросы эпохи и обретших в наше «нечитающее» время своего многочисленного читателя и слушателя.

На поисковый запрос *пахнет нефтью* (инвариантный сегмент анализируемого высказывания) система Google выдает 1 700 000 позиций. Попытавшись разобраться с данным технологически сконструированным корпусом текстов, объединенных единственным идентификационным параметром – наличием в их структуре искомой коллокации, мы проанализировали «вручную», открывая каждую из предложенных ссылок, первые 100 позиций (в дальнейшем для анализа будут привлекаться и другие единицы электронного корпуса). Все эти тексты, как мы полагаем и предполагаем, имеют в качестве прототекста наш прецедент.

Модус предположения связан с гипотетической возможностью «непрецедентного» или «инопрецедентного» происхождения многочисленных перефразировок, образованных по модели *что-то пахнет нефтью*: *Политика <...> пахнет нефтью, а нефть – политикой* (URL: <http://invest-life.ru/articles.html?id=591>); *Рост пахнет нефтью* (о росте курса валют) (URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-34943.htm>); *Сальдо пахнет нефтью* (URL: <http://www.eg-online.ru/article/100768/>); *Мясо пахнет нефтью* (о зависимости цены на мясо от стоимости нефти) (URL: <http://www.rg.ru/2010/12/09/ceny-site.html>); *Кровь ливийца пахнет нефтью* (URL: <http://www.proza.ru/2011/03/02/1551>); *Экстремизм пахнет нефтью* (URL: <http://www.cacompro.com>); *На Соловках пахнет нефтью* (об утечке ди-

зельного топлива на Соловецких островах) (URL: <http://www.pravdasevera.ru/?id=1051781724>); *Суверенитет Татарстана пахнет нефтью?* (URL: <http://mediart.ru/blog/gid-po-godam/1454-1-suverenitet-tatarstana-pahnet-neftu.html>); *Геополитика пахнет нефтью* (URL: http://www.eurasia.org.ru/archive/archives/july/M16_090898.html); *Будущее пахнет нефтью* (название вечеринки в ночном клубе г. Томска «Театро») (URL: <http://afisha.westsib.ru/action/view/opinion/9914>); *Когда море пахнет нефтью* (об утечке нефти в морские воды) (URL: http://www.worldenergy.ru/doc_20_56_2942.html); *Коррупция пахнет нефтью* (URL: http://www.neg.by/publication/2004_10_26_4682.html); *Искусство пахнет нефтью* (о выставке «Три огня. Баку в изобразительном искусстве») (URL: <http://kommersant.ru/doc/156749>) – вплоть до немотивированных окказионализмов абсурдистского свойства, например, *Чернослив пахнет нефтью* (на поэтическом портале) (URL: <http://www.stihi.ru/2005/01/30-131>).

Если говорить об «инопрецедентном» происхождении, то в русском фонде устойчивых выражений с одорической семантикой («понятие «одорический» образовано от слова *odog* (запах)» [Куликова, 2010, с. 4]) мы можем обнаружить по крайней мере три формулы, способные быть предтечами приведенных конструкций: структурно более отдаленное *Деньги не пахнут* и изоморфное по структуре *Дело пахнет керосином*.

Ассоциативная связь с первым выражением, весьма частотным в речевой практике и с общеизвестной историей появления, основывается на соотнесении образов денег и нефти с семантикой обогащения, зачастую бесстыдного и безнравственного. Вторая конструкция интересна по причине того, что она сама, вероятно, стала трансформой первого зафиксированного медийного употребления коллокации *пахнет нефтью*.

В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. Серов, как и авторы книги «Крылатые слова» Н.С. Ашукин и М.Г. Ашуклина [Ашукин, Ашуклина, 1966], утверждает, что авторство фразы *Дело пахнет керосином* принадлежит известному советскому журналисту 1920-х гг. Михаилу Ефимовичу Кольцову: «Из фельетона «Все в порядке» (Правда. 1924. 22 апр.) Он написал о крупной афере с концессиями на добычу нефти в штате Калифорния (США), в которой, как показало расследование, оказались замешаны высокопоставленные американские чиновники, что заставило скомпрометированного министра юстиции США уйти в отставку (об этом «Правда» сообщила 30 марта 1924 г.). В фельетоне М.Е. Кольцов писал: «Американцы подозрительно потянули носом: из Белого дома явственно пахло чем-то горючим. Нефть – не нефть, а что-то вроде очищенного бензина чувствуется... Кое-кто и из судебных следователей оказался не без греха. У одного несколько нефтяных акцишек завалилось на самом дне кармана. Другой

еще совсем недавно получил за прекращение нефтяного дела взятку выше средних размеров, крепко и убедительно пахнувшую керосином» (цит. по: [Серов, 2003]).

Одна из корреспонденток домена Mail.ru выражает несогласие с данным мнением: «Кольцов в мелкой газетной заметке 1924 г. говорил лишь про взятку нефтяных компаний, «крепко и убедительно пахшую керосином» – и форма выражения, и контекст явно не те. <...> Фраза, гораздо более близкая к каноническому варианту: «Дело пахнет нефтью и частной собственностью» – встречалась годом раньше («Правда», 9 мая 1923). Но этот оборот означал «пахнет крупной наживой», а не «дела плохи». 7 лет спустя «пахнувшими нефтью» были названы выступления архиепископа Кентерберийского о преследовании церкви в СССР («Известия», 16.02.1930)» (URL: <http://otvet.mail.ru/question/8505350/>) Хотя существует совсем не литературная и более утилитарная версия пользователей в русле народной этимологии: «От примусов или от керогазов. Они были взрывоопасны. И если пахло керосином, то дело пахнет неприятностями» (URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/16858-otkuda-vzjalos-vyrazhenie-delo-pahnet-kerosinom.html>).

Для нас в обоих этих наблюдениях важен очевидный «нефтяной след». Во-первых, в выражении *Дело пахнет керосином* актуализированы смыслы опасности легкого воспламенения (ср.: *пахнет жареным*; *пахнет порохом*) и затушеван модус несправедливого обогащения, ядерный для политико-экономического прочтения темы нефти. Однако семантика тревожных или негативных ожиданий, предчувствия деструктивного и неприглядного, предположения если не о противозаконном, то о противонравственном объединяет оба варианта, тем паче что, как известно, керосин – продукт нефтепереработки, по сути – та же нефть. А во-вторых, появление в культурно-речевой практике 1990-х – 2000-х гг. эстетически нагруженных образов пахнувшей нефти (тексты Летова и Пелевина), хронологически и идеологически совпавшее с периодом инициации и интенсивной эволюции одноименного медиа-концепта, инкорпорировало анализируемый прецедентный феномен в ядро коллективной когнитивной базы (термин В.В. Красных), в то время как берущие начало в советской публицистике его аналоги остались на периферии.

Если же предположить, что выражения типа *экстремизм / политика / коррупция пахнет нефтью* возникли стихийно по воле авторов без какой-либо интертекстуальной «подложки» (весьма маловероятный сценарий с точки зрения теории языкового существования и речевых фрагментов Б.М. Гаспарова [Гаспаров, 1996]), приоритет негативной семантики и аксиологии в них явственно сохраняется, а словосочетание *пахнет нефтью* создает эффект мерцания смыслов: за прямым значением упрямо встает метафорическое.

Но все же, по нашему глубокому убеждению, именно текст культовой песни Е. Летова стал исходным посылом бурного интертекстуального развития описываемого прецедентного феномена и в медиасфере, и для художественных интерпретаций в текстах В. Пелевина.

Вернемся к тем 100 единицам электронного корпуса текстов, которые были обработаны вручную с помощью приема сплошной выборки и проанализированы в русле представленных выше соображений по поводу трансформации ключевых признаков прецедентности в киберпространстве.

Исследование показало, что примерно в 45 – 50 % случаев мы имеем дело с пассивной редупликацией (здесь надо учитывать свойственный электронным поисковым системам эффект прогрессивного роста рекуррентности по мере демонстрации результатов поиска от первых к последним). В основном это тиражирование текстов Е. Летова, В. Пелевина и других произведений (например, клипа «Здесь пахнет нефтью и рэпом» сургутской хип-хоп группы «РАШ») или зеркальные дубликаты сайтов и постов (в интернет-жаргоне есть термин *перепостить* – разместить на собственных ресурсах уже имеющуюся в Сети информацию без каких-либо изменений).

Несмотря на то, что описываемое явление простой редупликации сообщения в коммуникативном сетевом пространстве интерпретируется нами как пассивная повторяемость, оно исключительно значимо в процессе развития прецедента по причине очевидной вероятности перехода количества в качество, пассивной повторяемости в активную, поскольку практически неограниченная возможность комментирования стимулирует интерпретационную и аналитическую деятельность пользователей.

Примерно половина Интернет-текстов, содержащих рассматриваемый прецедентный феномен, представляют собой факты активной его повторяемости, когда наблюдается интерпретационная и рефлексивная активность автора по поводу используемого им прецедента. Все они могут быть весьма условно дифференцированы по идеографическому критерию на: (1) денотативно ориентированные; (2) ориентированные на источник; (3) собственно рефлексивные; (4) эстетические; (5) научные. На размытой, диффузной и плавающей границе между вторым и третьим членами данной типологии происходит переход от активной повторяемости первого порядка (включения прецедентного высказывания в собственный текст) к активной повторяемости второго порядка (вербализации мировидческой, эстетической или научной рефлексии по поводу прецедентного высказывания). Впрочем, как мы покажем позже, и денотативно ориентированные тексты могут при определенных условиях демонстрировать рефлексивно-интерпретационную активность их авторов.

Денотативно ориентированные тексты так или иначе задействуют прямое первичное значение лексических составляющих прецедента (обязательно – семантической доминанты *нефтью*, факультативно – предиката *пахнет*). К таковым относятся все приведенные выше образованные по модели *что-то пахнет нефтью* конструкции. В них в большей или меньшей степени *нефть* фигурирует в своей исходной семантической роли жидкого полезного ископаемого.

Есть тексты, в которых явно доминирует денотативная семантика: *На Соловках пахнет нефтью* (об утечке дизельного топлива на Соловецких островах); *Когда море пахнет нефтью* (о разливе нефти в морских водах). Есть тексты, в которых денотат и референт практически равнозначны, например, общественно-политической и экономической тематики, в которых важность нефти как сырьевого ресурса стимулирует ее метафорическое осмысление в категориях богатства, власти, насилия: *Политика пахнет нефтью*; *Кровь ливийца пахнет нефтью*; *Суверенитет Татарстана пахнет нефтью*. А в некоторых текстах денотативный компонент редуцируется до едва заметной единственной семы, как в выражении *Чернослив пахнет нефтью*, в котором актуализирована колористическая сема.

Тексты, в которые прецедентное высказывание включается в немодифицированном виде, демонстрируют прямую и однозначную ситуативно-тематическую приуроченность – их содержание тем или иным, иногда весьма замысловатым, образом касается нефти.

Использовать прецедентную формулу, на первый взгляд, тематически соотносящуюся с предметом описания, – непреодолимый соблазн для авторов, с помощью манипулятивных приемов пытающихся эксплуатировать культурный заряд прецедента, как в случае, когда высказывание выносится в заголовок коммерческого объявления: *Вечность пахнет нефтью. Приветствую уважаемое сообщество! Нашу компанию NMS Consulting Group интересуют поставки нефти и нефтепродуктов из Казахстана* (URL: <http://pautina.kz/blogs/entry/--2010-03-19-0>).

На сайте strana.ru, представляющем собой путеводитель по России, анализируемый прецедент используется при описании нефтяной столицы Севера: *Гуляя по Сургуту – крупнейшему городу Югры – хорошо понимаешь, что значит известная фраза «Вечность пахнет нефтью!»*. И хотя автор материала попытался обыграть семантику фразы, представив *вечность* как стрелу времени (от *ровесника Тобольска* до *буйства новых построек*), таящийся в прецедентном высказывании пейоративный импликационал мешает сообщению выполнять его непосредственное рекламно-агитационное предназначение.

Еще больший семантико-аксиологический контраст текста-реципиента и прецедента наблюдаем на новостной ленте информационного портала Nunta.info, посвященного организации свадебных и других торжественных мероприятий: *Парфюм для шейхов и олигархов. «Вечность пахнет нефтью»*, – *пелось некогда российской группой «Гражданская Оборона». Парфюмеры Comme des Garçons, похоже, вдохновились этими строками и решили представить Synthetic, самую необычную линию сезона из 5 ароматов. Первый из них – Garage – «сочетание запахов нефти, грязи и резины»*. Кроме аксиологического конфликта, а также конфликта денотата и референта, здесь налицо конфликт культурный. «Гражданская Оборона» олицетворяет панк-культуру, отличающуюся радикализмом, нонконформизмом, непримиримым социальным и экзистенциальным протестом, трагическим мировидением. Гламурно-глянцева тональность материала о духах, которые в прямом смысле пахнут нефтью, совершенно несопоставима с символическим наполнением исполненной драматизма летовской строчки.

Соблюдение максимы гармоничного соответствия прецедентного феномена и текста-реципиента (ср. с законом гармонического соответствия текстовой синтагматики и парадигматики [Болотнова, 1994]), напротив, влечет за собой идиоматический эффект смысловых приращений, когда смысл текста-источника обогащает семантику нового контента. То, что пост о войне в Ливии (*Ничего не скажу о войне в Ливии, все и так понятно*) начинается с фразы *Во всей вселенной пахнет нефтью*, свидетельствует об антивоенных убеждениях автора (URL: http://talizen.blogspot.com/2011/03/blog-post_21.html). Заголовок *Вселенная пахнет нефтью* материала о фильме «Нефть» – биографической драме о роковой роли нефти в судьбе американского нефтепромышленника-мультимиллиардера – сигнализирует о предстоящем серьезном разговоре с читателем, способствует реализации замысла автора рецензии (URL: <http://ko.ru/articles/18292>).

Не удивительно, что тема серьезного искусства, осмысляющего сложную диалектику материального и духовного в несправедливо политически и экономически устроенном мире, наиболее гармонично резонирует с эстетической и философской гранями исследуемого прецедента. Критик Павел Руднев пишет о спектакле Петра Фоменко «Безумная из Шайо» (*Сюжет антифашиста Жироду элементарен, как лозунг: финансовые магнаты Парижа мечтают снести квартал Шайо, под которым один авантюрист обнаружил нефть. Несколько полоумных старух завлекают толстопузых аристократов к себе в подвалы и хоронят их в смрадной канализации. Революция зарождается «снизу», а общество гниет «сверху»*), предвывая рецензию нетривиальной аналогией: *Вечность пахнет нефтью. Случилось так, что режиссер Петр Фоменко, режиссер тонкий и ранимый, в своей «Безумной из*

Шайо» оказался солидарен с лидером русского панка, поэтом-экстремистом Егором Летовым, чьи слова вынесены в заголовок текста. Социальный театр, как и социальный рок, сегодня не в чести (URL: <http://fomenko.theatre.ru/press/articles/3752/>). Несмотря на то, что автор называет Летова *поэтом-экстремистом*, выражая тем самым свое по большому счету неблагоприятное отношение к социально-политическим воззрениям рок-лидера, он признает необходимость постановки крайних и болезненных проблем современного общества в искусстве.

Анализ примеров реализации принципа гармонического соответствия текста-реципиента и прецедента позволяет говорить о неоднозначном и промежуточном положении их в нашей классификации. Свойственная им прямая денотативная соотнесенность (наличие сюжета нефти как сырьевого ресурса) не доминирует, а стимулирует аналитические рефлексии их создателей, что позволяет отнести данные тексты к категории собственно рефлексивных.

Тексты, ориентированные на источник, содержательно и тематически обращены к автору текста-донора и к самому этому тексту. Они составляют примерно половину всех представителей критерия активной повторяемости. Причина этого, на наш взгляд, не только в том, что имя автора и названия произведений сами являются типичными прецедентами (о прецедентных именах имеется обширная литература [Гридина, 1996; Гудков, 1999; Ворожцова, Зайцева, 2006; Нахимова, 2007 и др.]), но и в том, что имя автора – одно из сильнейших регулятивных средств (см. о них: [Болотнова, 1998а]), играющее исключительную роль в обеспечении «регулятивности как системного качества текста, отражающего его способность, воздействуя на читателя, направлять его интерпретационную деятельность» [Болотнова, 2011, с. 34]. Особая значимость имени автора и связанного с ним ассоциативного комплекса в процессе восприятия смысла произведения неоднократно подтверждалась экспериментально [Болотнова, 2001; Болотнова, 2008, с. 560 – 561].

Несмотря на провозглашенную Р. Бартом смерть автора, до сих пор имя создателя текста и его личность вызывают непосредственный интерес читателя; знания, пусть дискретные и обрывочные, об авторе, его эпохе и творческом методе входят в пресуппозиционный фонд, обеспечивающий органичное и комфортное приобщение к смыслу текста. Крылатые выражения и их создатели – излюбленный сюжет журналистского зачина, введения в тему, стимулирующий и направляющий интерпретационную деятельность адресата: *О том, что «вечность пахнет нефтью» нам говорили Бертран Рассел, Егор Летов, Виктор Пелевин, а теперь вот и режиссер Пол Томас*

Андерсон, снявший масштабную драму о вечной ценности – о нефти (URL: <http://kino.km.ru>).

Одна из главных причин того, что тексты, в том числе рекламные, читаются, – т.н. «информационный инстинкт (инстинкт обучения, информационный голод, знаниевый инстинкт) – стремление homo sapiens к усвоению информации» [Орлова, 2006, с. 132]. Изучающий эволюцию интеллектуальных систем А.Л. Еремин говорит об «информационном инстинкте как обусловленном врожденными механизмами наследуемом побуждении к совершению целесообразных действий (по поиску, восприятию, потреблению, хранению, производству, распространению информации), имеющим жизненное значение» [Еремин, 2005, с. 79 – 80].

В терминосистеме текстовой деятельности одной из базисных предпосылок процесса реализации информационного инстинкта является презумпция содержательности текста (термин О.Л. Каменской [Каменская, 1990]) – презумпция того, что в тексте априори обязательно объективировано некоторое знание, информация, которая может оказаться нужной, полезной, интересной. Имя автора, если речь идет о художественном прецеденте, на наш взгляд, является одной из ключевых детерминант презумпции текстуальности, а ощущение дискомфорта, связанного с отсутствием информации о личности создателя, ведет к реализации желания восполнить лауну.

Вот типичное обсуждение интересующего пользователя вопроса на специальном сайте otvet.mail.ru (URL: <http://otvet.mail.ru/question/12027753>):

Просветленный Кто сказал: «Вечность пахнет нефтью»?

Мастер Фраза «Вечность пахнет нефтью» принадлежит не Летову (хотя от него она более известна). Принадлежит она британскому не очень известному писателю Д. Брауну.

Гуру Новалис, кажется...

Оракул Гражданская оборона.

Просветленный Егор

Как видим, даже ники (псевдонимы пользователей) указывают на самопрезентацию участников дискуссии как образованных, интеллектуально продвинутых, стремящихся к духовному знанию. Первый же ответ эвристически значим для нас, поскольку ярко демонстрирует, что мнение об индифферентности современника к знаниям о культурно-исторических источниках прецедентных феноменов не является истиной в последней инстанции.

Л.Ю. Федорова в работе «Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи» утверждает: «Данные эмпирических исследований показывают, что из выделяемых учеными прецедентных феноменов (прецедентные тексты, ситуации, имена, высказывания) наиболее

часто в студенческой субкультуре используются прецедентные высказывания. Однако молодые люди не могут в большинстве случаев сопоставить предъявленные высказывания с источниками их происхождения, с прецедентными именами – их авторами. В частности, такие прецедентные высказывания, как «От радости в зобу дыханье сперло», «В человеке должно быть все прекрасно», «Свежо предание, да верится с трудом», «Что наша жизнь? – игра», «Ну как не порадовать родному человечку» и ряд других, предположительно известные каждому нормативному носителю русского языка, оказались неизвестными в общей сложности 41 % респондентов; из 59 %, которым эти высказывания были знакомы, правильно указать источник происхождения смогли лишь 17 % респондентов» [Федорова, 2008, с. 20]. На наш взгляд, описанное исследование показало столь плачевные результаты вследствие нерелевантности избранных в качестве материала эксперимента высказываний современной социокультурной и идеологической (в широком смысле слова) ситуации, их постепенного вытеснения из ядерной зоны текстов влияния.

Анализируемый нами прецедентный феномен, напротив, демонстрирует завидную познавательную активность по поводу своего генезиса, а следовательно, свое соответствие мировидческим запросам текущего момента. Причем первый же ответ приведенного выше полилога, на первый взгляд, парадоксален и коммуникативно нерелевантен, поскольку его автор представляет факт принадлежности обсуждаемой фразы Е. Летову как общеизвестный, не требующий комментариев, априори входящий в культурный тезаурус собеседника, как и имя рок-певца. И оказывается прав, что ярко и выпукло демонстрирует следующая за подтверждающим авторство Е. Летова (лидера группы «Гражданская Оборона», автора исполняемых ею песен) суждением **Оракула** вторая реплика инициатора беседы **Просветленного**: *Егор*. Артикуляция антропонима свидетельствует, во-первых, о безусловной прецедентности имени поэта для определенной культурной ниши, а во-вторых, об эмоционально окрашенном интимно-субъективном отношении говорящего к личности и творчеству художника, одного имени которого – без фамилии и иных комментариев – достаточно для идентификации.

Однако информационный инстинкт стимулирует пользователей к поиску истинного, настоящего первоисточника. Что касается версии **Мастера**, то она весьма сомнительна, за исключением, как мы покажем далее, ее англоязычных аллюзий. По нашим данным, среди англоязычных писателей, кроме известного американца, автора «Кода да Винчи», Дэна Брауна, эту фамилию носил Джон Браун, английский священник и писатель XVIII в., известный своим «Рассуждением о происхождении, единстве и силе поэзии и музыки» (URL: [ru.wikipedia.org/wiki/Браун,_Джон_\(английский_писатель\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Браун,_Джон_(английский_писатель))).

Версия о Новалисе, немецком романтике, жившем в том же XVIII столетии, также не выдерживает критики. Единственное наше предположение о причине появления этих вариантов «наивной этимологии» связано с тем, что совершенно невосприимчивые к семантике и руководствующиеся исключительно формальным принципом совместной встречаемости лексем электронные поисковые системы показывают, что произведения обоих писателей размещены в библиотеке мировоззренческого портала «Вечность пахнет нефтью», содержащего «информацию о религии, философии, искусстве» (URL: <http://vpn.int.ru>).

Рождение сетевых литературно-исторических мифов, слухов, мистификаций – тема отдельного исследования. Здесь же заметим, что в подвижной интернет-среде процесс их появления и распространения отличается исключительными стремительностью и вирулентностью: прозвучавшая в анализируемом полилоге бездоказательная информация неоднократно всплывает в сетевом пространстве (*Искусственный Интеллект* «Вечность пахнет нефтью». Д. Браун (не американский, британский) и Е. Летов (URL: <http://otvet.mail.ru/question/33993334/?ref=stat>); *chegor* «Вечность пахнет нефтью» – цитата из Егора Летова? *b0ris* именно *arteume* Сорри, не знаю. Я эту надпись увидел в тамбуре вагона поезда «Лена – Москва» в феврале 1994 г. из Братска в Москву. Очень может быть, что это цитата. <http://otvet.mail.ru/question/12027753/> – вот здесь есть несколько версий, среди которых Новалис и Ден Браун;))) (URL: <http://arteume.livejournal.com/19504.html>).

Наше исследование показало, что коммуникативное развитие прецедентных текстов в сетевом общении часто реализуется посредством жанрового формата автороведческого расследования. Так, последний приведенный диалог, убедительно подтверждающий прецедентный статус анализируемого высказывания фактом его фиксации в виде тамбурного граффити, продолжается следующим образом:

chegor оч. интересно... наиболее внушающую доверия информацию нашел про то что эта фраза изначально принадлежит Уильяму Джеймсу
chegor откопал таки источник:

Я убежден, что такие переживания необходимы для хорошей творческой работы, но их одних недостаточно. В самом деле, субъективная уверенность, которую они дают, может роковым образом ввести в заблуждение. Уильям Джеймс описывает человека, который испытал действие веселящего газа; всякий раз, когда он находился под воздействием этого газа, он знал тайну Вселенной, но когда приходил в себя, то забывал ее. Наконец ему удалось путем огромного усилия записать эту тайну до того, как видение исчезло. Совершенно очнувшись, он бросился посмотреть то, что записал.

Это было: «Повсюду пахнет нефтью». То, что кажется внезапным проникновением, может вводить в заблуждение, и его необходимо трезво проверить, когда пройдет божественное опьянение.

Бертран Рассел «История Западной философии»

arteume Любопытно. Но обнаруженный мною Новалис, как аутентичный автор подходит лучше, т.к. жил раньше Джеймса, ЕМНИП, конечно;)

calabaxa Вот оригинал, если интересно: *A smell of petroleum prevails throughout*

arteume Спасибо!

Несмотря на приведенные *chegor* доказательства своих разысканий – прямую цитату из первоисточника – имеющаяся в сети ссылка на Новалиса позволяет *arteume*, соблюдая максимум вежливости посредством вводного ЕМНИП (аббревиатура выражения *если мне не изменяет память*), придерживаться мнения об аутентичности Новалиса по праву хронологического первенства. Однако пользователь *calabaxa* разрешает спорную ситуацию, приводя оригинальную цитату из Рассела на английском, рассеивая сомнения и заслуживая благодарность *arteume*.

Ситуация автороведческого расследования сильно осложняется тем, что, во-первых, самого первоисточника – искомой фразы в переведенных на русский язык текстах американского философа Уильяма Джеймса (1842 – 1910 гг.) не обнаруживается, ссылка на него имеется только в упомянутой популярной и доступной в Сети «Истории западной философии» Бертрана Рассела (URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/rassb01/index.htm>), во-вторых, спустя десятилетие после написания Е. Летовым песни «Русское поле экспериментов», где наше выражение звучит рефреном, выходят сначала роман, а затем еще через несколько лет повесть В. Пелевина, к тому времени уже считающегося культовым писателем и имеющего большую читательскую аудиторию.

Эта неоднозначная ситуация неоднократно обсуждается на многих интернет-ресурсах. Сам Летов в ответах на вопросы посетителей официального сайта «Гражданской Обороны» (URL: <http://gr-obogona.ru>) 26 июня 2005 г. выражается предельно ясно и лаконично:

Igor Tsykunov У тебя есть фраза: «вечность пахнет нефтью», у Пелевина в «Generation П» есть фраза: «во всей вселенной пахнет нефтью». Это: 1. Совпадение. 2. Пелевин процитировал тебя. 3. Вы оба процитировали кого-то третьего (кого?)

– Бертрана Рассела.

А в интервью журналу «FUZZ» в июне 1997 г. (оно также размещено на официальном сайте группы) на вопрос журналиста: *В одной из песен ты только что спел: «вечность пахнет нефтью», такой геополитический образ... Чем тебя лично интересует нефть?* – Летов отвечает: *А знаете, чьи это слова? Бертрана Рассела. Россия сейчас скатывается к положению сырьевого придатка Запада. Процессы в геополитике и геофизике происходят столь стремительно и непредсказуемо, что говорить о том, что произойдет через год, просто невозможно.*

Поэт, давая в масс-медиа наиболее очевидное и социально отмеченное объяснение своим словам, еще раз подчеркивает первоисточник своей знаменитой строчки, тем самым очерчивая философско-интеллектуальный контекст своего творчества, его мировидческие корни.

Возникшую путаницу с «авторскими правами» пользователи пытаются разрешить путем многошаговых логических комбинаций по аналогии с доказательством теоремы (URL: <http://general-kollaps.livejournal.com/7543.html?thread=45431>):

Дано: знаменитая фраза «Во всей Вселенной пахнет нефтью» (в альтернативной трактовке «Повсюду пахнет нефтью») регулярно приписывается разным людям. Пруфлинков (Пруфлинк (англ. proof link) – подтверждающая ссылка, ссылка на доказательство – О.О.) до фига и больше, особенно в ЖЖ (Живом журнале – О.О.).

Пытаемся разобраться.

Шаг Первый:

*Известный (в широких кругах) английский математик и философ Бертран Рассел в книге «История Западной Философии» пишет: (приводится цитата из «Истории западной философии» Б. Рассела, которую мы уже приводили выше в составе реплики пользователя **chegor** – О.О.).*

Шаг Второй:

Известный (в узких кругах) американский философ и психолог Уильям (Вильям) Джеймс в книге «Многообразии Религиозного Опыта» отчасти подтверждает эти слова Рассела и пишет:

«Эфир и в особенности окись азота, в известной дозе примешанные к воздуху, являются также могучими стимулами к пробуждению мистического сознания. Перед вдыхающим их, точно разверзаются бездны истины одна за другою. Когда человек приходит в нормальное состояние, истина от него ускользает, и если остается от нее какая-нибудь формула, для нормального рассудка она оказывается бессмыслицей. Тем не менее, у человека остается чувство, что эта формула полна глубокого значения. Я лично знаю многих людей, которые убеждены, что в транс, вызванном окисью азота, возможны настоящие метафизические откровения» (Вильям Джеймс).

Искать сообщения Уильяма Джеймса, появившиеся в печати более 100 лет назад, мне слегка лень. Но я, признаться, не считаю, что Рассел всю эту историю выдумал, поэтому из имеющихся данных авторство фразы однозначно устанавливаю за Вильямом не нашим Джеймсом.

В песне 1989 года группы Гражданская оборона «Русское Поле Экспериментов» с одноименного альбома рефреном повторяется фраза «Вечность пахнет нефтью». Большинство фанатов Летова считают, что именно Летов ее и придумал. Егора, к которому я отношусь очень хорошо и положительно, искренне жаль в такой ситуации.

Вот тут в коментах предлагают Синявского, но это вообще не вариант, а тупой плагиат, имхо.

У Пелевина все куда как обширнее, а, главное, сразу с правильными ссылками.

В «Generation П» сирруф объясняет Татарскому: «Насколько я знаю, самое глубокое откровение, которое когда-либо посещало человека под влиянием наркотиков, было вызвано критической дозой эфира. Получатель нашел в себе силы записать его, хотя это было крайне сложно. Запись выглядела так: «Во всей вселенной пахнет нефтью».

Наконец, в качестве эпиграфа к «Македонской Критике Французской Мысли», прямо так оно и фигурирует.

Ну вот, собственно, вроде и все.

Вывод: фраза «Повсюду пахнет нефтью» (как пишут в комментариях, оригинальная «A smell of petroleum prevails throughout») с очень большой вероятностью принадлежит Уильяму Джеймсу, о чем тщательно сообщают как Бертран Рассел, так и Виктор Пелевин.

Данное автороведческое расследование – одно из самых подробных и доказательных, однако в нем на первый план выходит наркотический контекст, актуализированный у Джеймса и Пелевина, но не являющийся определяющим у Рассела и Летова. В другом комментарии подчеркивается семантическая непрозрачность фразы («Вечность пахнет нефтью» – *эта более чем странная фраза...*), а ссылка на Рассела и его работу, впервые опубликованную в 1945 г., приводится как доказательство того, что *вероятность плагиата (видимо, плагиата Пелевина у Летова – О.О.) исключалась изначально, а независимое озвучивание подобной мысли, даже двумя гениями, представлялось маловероятным* (URL: <http://vk.com/notes22284>). Ср. с замечанием участника другой дискуссии: *Пелевин, наверное, не родился еще, когда Летов это спел :)* (URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/3997567.html>).

Приобщение к различным версиям возникновения прецедента в большинстве случаев ведет к интерпретационным шифтингам в структуре сете-

вого гипертекста. В своем блоге пользователь Живого Журнала *rachun* 16 июня 2011 г. открывает отдельную ветку *Вечность пахнет нефтью*, где в развернутом лид-посте реализует собственные рефлексии философского и даже литературоведческого плана (URL: <http://rachun.livejournal.com/19512.html>):

Это пронзительный рефрен из песни Егора Летова «Русское поле экспериментов» с одноименного альбома 1989 года. Есть в этой фразе что-то апокалиптическое, мистическое, отстраненно-грозное. Фраза многолика, символична, будоражаща, глубока и многодонна. Многие, заблуждаясь, приписывают ее авторство Егору Летову.

Но это не так. Фраза эта достаточно известна. После Летова на нее ссылались Виктор Пелевин в «Generation P», где она звучала как «Во всей вселенной пахнет нефтью». До Летова широкой публике фразу представил Бертран Рассел в книге «История западной философии». Рассел приписывает фразу философу Уильяму Джеймсу. Она упоминается в контексте опытов с эфиром и звучит как «Повсюду пахнет нефтью».

Однозначно, что Пелевин знал, кому принадлежит цитируемая фраза. Уильям Джеймс упоминается в диалогах его героев прямым текстом. Несомненно, что знал об авторстве фразы и Егор. Его культурный багаж был колоссален. Просто для творчества Егора свойственно цитирование. Но это не цитирование в подтверждение собственных мыслей, как в школьном реферате. Это цитирование в контексте. Так христианство обошлось с наследием античности и эллинизма – взяло только то, что было необходимо, органично вплело в канву и тем создало новое и прекрасное учение.

И то, что народ упорно приписывает авторство фразы Егору – неоспоримое доказательство новизны и актуальности его творчества. Цитировать ведь и на заборе можно, хотя и без толку. А вечность действительно пахнет нефтью. Чем дальше, тем резче.

Данный пост, выражаясь языком его создателя, не похож на школьный реферат, в нем, в отличие от приводимых ранее интернет-контекстов, чужие слова и мысли не цитируются, а раскрываются в авторском истолковании. Перед нами полноценное эссе, в котором мастерски используется семантический и экспрессивный потенциал синонимов (*апокалиптическое, мистическое, отстраненно-грозное; многолика, символична, будоражаща, глубока и многодонна*), точность и образность эпитетов (*Его культурный багаж был колоссален*), эвристическая плодотворность аналогии (*Так христианство обошлось с наследием античности и эллинизма*). И еще в нем звучат неподдельное уважение к личности *двух гениев* современной литературы, глубокое знание их творчества, особенно – Е. Летова, а также важная для нас мысль о

том, что подлинным текстом влияния в нашу постмодернистскую эпоху цитатного письма зачастую становится отнюдь не оригинальный первоисточник, а тот, которому *народ упорно приписывает авторство фразы*, чье творчество отличается *новизной и актуальностью*.

Так, высказывание Б. Рассела про У. Джеймса и его наркотические эксперименты вне пелевинско-летовского контекста обсуждается лишь однажды в дискуссии на тему *Как объяснить этот мир?* (URL: <http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=5f8630683a483257>):

История скорее про то, что не все, кажущееся разумным и преисполненным глубокого смысла, является на деле таковым, но можно ее истолковать и несколько иначе. Что если в этом измененном состоянии сознания мозг человека действительно каким-то таинственным образом постигал «тайну Вселенной»? Вполне логично было бы тогда предположить, что при возвращении в свое нормальное состояние он ее забывал или переставал быть способным ее осознать. Возможно, ему действительно удалось ее записать? Все гениальное, как известно, просто, отчего бы тайне Вселенной не формулироваться в трех словах? Но что толку от этих слов, если мы не способны их понять?

В данном развернутом экзистенциальном монологе автор ставит самые серьезные вопросы о семантической эволюции прецедента. Во времена Б. Рассела (напомним, что «Историю западной философии он пишет в первой половине 1940-х гг.) рассматриваемое «нефтяное откровение» и впрямь являлось ярким примером волапюка, бессмыслицы, абракадабры, порожденных затуманенным наркотиками сознанием, поэтому философ назидательно предостерегает читателя: *То, что кажется внезапным проникновением, может вводить в заблуждение* [Рассел, 2001]. Ср. с высказыванием одного из пользователей: *Видимо, смысл выражения состоит в том (если несколько опошлить, говоря простыми словами), что субъективное состояние «понимания смысла всего» не выдерживает критики трезвого разума – возможно, здесь кроется даже нападка на «мистическое познание мира»* (URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/3997567.html>).

В конце XX столетия и начале XXI мощное, стимулированное социально-экономическими факторами развитие нефтяного тренда в медиакультуре, войдя в резонансное взаимодействие с творческими интуициями двух культовых художников, породило совершенно иное прочтение прецедентной фразы, воспринимаемой теперь как провидческое пророчество и мистическое откровение: *Это аллегория, очень глубокая по смыслу. При попытке ее объяснить я лично на минут 20 ударяюсь в метафизику:)* В общем на самом

деле гениальная фраза. Заставляет думать (URL: <http://www.ljpoisk.ru/archive/3997567.html>).

Интересно, что два последних процитированных контекста взяты из довольно обширной дискуссии на тему *Что значит выражение Бертра-на Рассела «Во всей вселенной пахнет нефтью»?* Однако первая же реплика *Где? Не припоминаю* обнаруживает отсутствие в информационном тезау-ресе пользователя ассоциативной связи цитаты с употребившим ее филосо-фом, а вторая реплика сразу же начинается с имени Летова.

Думается, что в данном случае мы имеем дело с довольно редким в современной культуре органическим единением автора и текста, когда вы-сказывание становится не просто визитной карточкой творчества автора, но ощущается читателями (именно ощущается, поскольку выражается это не рационально, а крайне эмоционально) некой смысловой квинтэссенцией все-го макрокосма художника. После ухода Егора Летова в феврале 2008 г. прак-тически каждый исполненный надрывной болью комментарий-некролог на сайте группы (URL: <http://www.gr-oborona.ru>) включал в себя не прямые по-этические номинации смерти, коих так много в поэзии Летова (см.: [Лурье, 2001]), и даже не пророческое «Без меня» (*На рассвете – без меня / На кас-сете – без меня...*): *Небо ему пухом!!! Егор остался в наших сердцах как боец с системой, образец борьбы и просто творческий человек!!!! Вечность пах-нет нефтью!!!! Вечность пахнет нефтью... Для Егора она будет другой. Должна быть какой-то другой; Я скорблю. Но я знаю, что сейчас у меня играет «Русское поле экспериментов». И чувство утраты... «Вечность пахнет нефтью».*

Как ни странно (сравнивать количество поклонников двух писателей – дело неблагодарное, как и говорить о большей или меньшей их культурной значимости), именно летовский контекст обсуждается наиболее бурно, часто – не в пользу Пелевина: *Пелевин просто получается эту фразу и контекст содрал, а Летов ее сделал просто гениальной. «Вечность пахнет нефтью». Сколько одновременно смысла и бессмыслия. Читатели пишут о том, что вос-требованная Пелевиным ситуация наркотического опьянения элиминирует метафизический смысл высказывания, переводит в его в игровую несерьез-ную тональность: Сама фраза не имеет отношения к наркотикам. Просто она очень глубокомысленна и аллегорична, вот Пелевин и решил приколоть-ся; вообще-то, вкус эфира во рту очень даже похож на нечто нефтяное) поэтому в Пелевине эта фраза понятна.*

Однако постепенно обсуждение отрывается от персоналий и сводит-ся к толкованию фразы. Вызывает удивление относительно небольшое коли-чество объяснений в духе утилитарного социологизма, наподобие: *Лично я*

воспринимаю эту фразу так, все на данный момент все зависит от нефти, она нужна всем и еще долго так будет.

В то же время смысл высказывания о вселенной толкуется разноо-бразно и нетривиально с позиций астрофизики (*Нефть – это углеводоро-ды. Водород и углерод одни из самых распространенных веществ во вселен-ной. Молекулы углеводородов находят не только на планетах солнечной си-стемы, но и в удаленных туманностях – по спектральным линиям излучения. Так что в каком-то смысле это правда*) и уфологии (*Человек думает, что так как живет он, так же живут и другие. Т.е. если на Земле очень остро стоит вопрос нефти, то, соответственно так же остро, стоит этот же вопрос и на других планетах*).

В основе философских рассуждений о вечности лежит гипотеза орга-нического происхождения нефти, которая, к слову, является основой разви-тия сюжета повести Пелевина «Македонская критика французской мысли». Главный герой повести приходит к выводу о том, что после смерти души лю-дей обращаются в деньги (подобно тому, как умершие доисторические орга-низмы превратились в нефть).

Метафизический, мистически-эсхатологический смысловой план прецедента связан с традиционной архетипической соотнесенностью вечно-сти и смерти: *Нефть продукт органики – миллионов тонн живых существ. Нефть – это братская могила; Все живое рано или поздно умирает и ста-новится органическим удобрением для будущего поколения, условно гово-ря «нефтью». Энергией которого пользуются потомки, дабы потом самим стать удобрением для следующего поколения. И так до бесконечности. Веч-ность пахнет нефтью; Ну я то считаю по простому – вечное существова-ние доступно каждому, хотя бы и в виде нефти) цикличность тут ни при чем; Ну, это очень просто. Я в свое время воспринял это как метафору, та-кую всеобъемлющую метафору о жизни человеческой. Как известно, нефть – это то, во что превратились доисторические леса, всякая органика, и в том числе, наверное, и люди, и животные. И все это было очень давно. А по-сему, фактически, и наше время также уйдет восвояси, а нефть останет-ся. Таким образом, все становится ясно* (последний комментарий взят с сай-та «Гражданской Обороны» (URL: <http://gr-oborona.ru>)).

Приметы риторической манеры объяснения: дефиниционные конструкции-тождества, эксплицитно выраженные причинно-следственные связи, дейкисис обобщения и всеобщности, логизирующие вводные, научная и абстрактная лексика – способствуют претворению текстов, ориентирован-ных на источник, в тексты собственно рефлексивного характера.

Собственно рефлексивных текстов в изученном нами корпусе оказалось сравнительно немного, но и среди них можно выделить тексты, характеризующиеся имплицитной или эксплицитной рефлексивностью.

Имплицитная рефлексивность свойственна текстам, в которых прецедентное высказывание не соотносено ни с денотатом, ни с источником, а служит целям позиционирования и самоидентификации. Например, ряд пользователей разных интернет-ресурсов выбирают прецедентное выражение в качестве ориджина, или подписи, – интересной с точки зрения пользователя фразы (афоризма, крылатого выражения и т.п.), автоматически сопровождающей все сообщения виртуальной языковой личности и служащей, наряду с ником (псевдонимом) и аватаркой (изображением), главными средствами самопрезентации в Сети [Лутовинова, 2009, с. 13–14].

Выбор ориджина – важное коммуникативное действие виртуальной языковой личности: в качестве подписи должно фигурировать выражение, во-первых, привлекающее внимание собеседников своей оригинальностью и смысловой значимостью, а во-вторых, характеризующее персону автора как особенную, интересную, отличную от других. Неоднократный выбор разными пользователями той или иной подписи свидетельствует о соответствии фразы мировидческим и коммуникативным запросам современников, их представлениям о собственной сущности как сложной, глубокой и неоднозначной.

Например, пользователь *koala* (аватара дублирует и обогащает смысловое наполнение ника, это картинка с коалой на фоне небоскребов) в своем профиле называет себя *адвокатом Дворников*, а место своего нахождения – *Из глубин подсознания* (URL: <http://forum.visp.ru/viewtopic.php?id=3766>). Сопровождающая каждое сообщение подпись *Вечность пахнет нефтью* органично дополняет образ особенной, избранной и противопоставляющей себя социальному мейнстриму личности: *коала* – редкое сумчатое, обитающее в эвкалиптовых лесах Австралии и исчезающее по причине жестокости и равнодушия урбанистической цивилизации; *адвокат Дворников* – по-видимому, намек на культивируемую в альтернативной и неформальной культуре маргинальность (ср. *поколение дворников и сторожей* у Б. Гребенщикова); *из глубин подсознания* – указание на богатый внутренний мир пользователя, ее высокие интеллектуальные и медитативные способности, умение видеть тайное и неочевидное.

Исследование выявило 12 пользователей Сети, избравших наш прецедент в качестве ориджина.

Отдельно необходимо отметить факт выступления анализируемого прецедента в роли названия достаточно крупного и популярного порта-

ла (URL: <http://vpn.int.ru/forum/index.php>), характеризуемого пользователями таким образом (URL: <http://www.tavi.ws/fm/index.php?showtopic=1147>):

Вечность пахнет нефтью. Приглашение к диалогу.

Новый сайт, посвященный мировоззренческим вопросам – философия, психология, политика, искусство. Неплохая библиотека. Что интересно – администрация предлагает участие в диалоге представителям ЛЮБЫХ мировоззрений, религий, взглядов, при условии соблюдения вежливости и взаимоуважения, предоставляя возможность ознакомления, обмена мнениями и идеями между оппонентами, поиска новых точек зрения на старые проблемы. Атеисты приглашают верующих, мистики – материалистов, сатанисты – христиан для диалога и изучения позиций друг друга.

Выбор фразы в качестве общего наименования, являющегося, аналогично заглавию журналистского или художественного произведения, крайне сильным регулятивным средством, сигнализирует о не нацеленной на ценности массовой или поп-культуры информационной политике создателей сайта, об идентификации ими своей целевой аудитории как образованной, читающей, интересующейся вопросами духовности и высокой культуры.

Текстов с эксплицитной рефлексивностью среди собственно рефлексивных обнаружено всего несколько, что объясняется переходным и контаминационным положением данной позиции нашей классификации относительно других. Мы уже описывали случаи, когда денотативно ориентированные тексты обнаруживали сильный рефлексивный уклон. Еще один пример того же рода, еще более осложненный, поскольку текст с успехом можно отнести и к ориентированным на источник, – аналитическая статья «Убить трех зайцев» известного публициста Бориса Парамонова (URL: <http://www.svobodanews.ru>).

Развертывание сюжета статьи о т.н. *нефтяном проклятье*, о том, как *Запад своим бездумным потреблением нефти создал проблемы не только у себя, но и, можно сказать, везде*, автор начинает с уже известной нам истории наркотических опытов У. Джеймса. Довольно обширное, составляющее пятую часть всей работы, описание эксперимента по постижению тайны бытия в наркотическом трансе позволяет журналисту противопоставить свой материал сухой политико-экономической аналитике, придать ему ракурс серьезного прогноза, даже пророчества (при размещении статьи на своем блоге один из пользователей охарактеризовал ее так: *Совершенно гениальная аналитическая и предвидческая статья. Рассылаю мыслящим людям*) (URL: http://world.lib.ru/l/litinskij_w_a/mikhail.shtml).

Для нас же в анализируемом материале особенно важен кумулятивный эффект помноженных друг на друга миромоделирующих возможностей

прецедентного текста и медиаконцепта, задействованного в этом тексте: *Опыт повторяли несколько раз, и однажды, напрягшись, он сумел записать эту тайну. Это оказались слова: все пахнет нефтью. Теперь мы можем сказать даже без помощи наркотиков, что так оно и есть. Если не тайна бытия, но болезненный узел всех нынешних проблем – это зависимость человечества от нефти.* С помощью обыгрывания прецедентной истории и ее включения в современный контекст (то таинственное и скрытое, что раньше приоткрывалось лишь измененному наркотиками сознанию, теперь становится наглядным и очевидным) автор стимулирует развитие одного из ключевых векторов ассоциативно-смыслового развертывания медиаконцепта *нефть* – вектора нефтяной аддикции.

Если говорить о семантике, объединяющей разного рода текстовые рефлексии по поводу рассматриваемого прецедента, то это, кроме различных локусов деструкции (социальной, политической, экономической, экзистенциальной, метафизической), коннотации тотальности и глобальности, идущие от субъекта, который пахнет, в любой из своих вербальных ипостасей (*вселенная, вечность, все, повсюду, мир*) представляющего собой мироздание во всей его недискретной всеобщности: *Мир пахнет нефтью – точно так же, как и война. Этот запах невозможно ничем перебить – ни навязчивым, как синтетические добавки, ароматом выборов, ни бьющим по всем рецепторам коктейлем уличных демонстраций. Этот запах повсюду: в заголовках утренних газет, в сводках новостей, в колебаниях курсов валют. И даже в каждом пороховом зале очередной революции слышится именно он – тягучий, тяжелый, равнодушный запах нефти* (URL: <http://nvrsk.org/fogum>). В данном тексте, написанном в эссеистической манере, коннотации тотальности и глобальности эксплицируются с помощью маркеров исчерпывающей всеобщности (*ничем, повсюду, в каждом*), усилительных перечислений, сравнений, метафор, эпитетов. Несомненное писательское мастерство нарратора, талантливо использующего незаурядный арсенал образных средств, позволяет говорить об определенном не только экспрессивном, но и эстетическом эффекте текста.

В очевидной интертекстуальной связи с рассматриваемым прецедентом в интернет-пространстве находится ряд паралитературных текстов, которые по выполняемой ими (эффективно или нет – отдельный вопрос) функции могут позиционироваться как **эстетические**. Думается, что относительно новый термин *паралитература* следует понимать не только в качестве синонима массовой литературе – развлекательной повествовательности, увлечение которой носит массовый характер [Козлов, 2009]. Греческая приставка *para* (возле, рядом, около) подразумевает включение в сферу данного феномена и произведений наивного литературного творчества (любительскую

поэзию и прозу, образцы графоманства и лингвокреативного процесса) и литературы – произведений, «для которых Интернет является не дополнительной возможностью размещения, а основной средой существования» [Лутовинова, 2008, с. 132].

Если говорить хотя бы об условной художественно-эстетической ценности текста, то в качестве примера можно привести текст композиции «Здесь пахнет нефтью и рэпом» весьма популярной в определенной субкультуре сургутской хип-хоп группы «РАШ», в которой рэперы патристически воспевают урбанистически-технологические достижения «нефтяной Венеции», которая *дарит* героям *адреналин* (URL: www.youtube.com/watch?v=tF3Lt5ks9dM).

Оба обнаруженных нами любительских поэтических опыта восходят к тексту Е. Летова. Один из них – искренняя эпитафия, написанная в традиции панегирических стихов «На смерть поэта», передает глубину переживания потери духовного лидера поколения (URL: <http://www.gr-obogona.ru>):

*Он был так молод.
Столько сделал,
Выстрадал,
Сумел.
Воспитал в духе
Правды, веры, свободы
Не одно поколение Тех,
Кто не променял
Листок с аккордами на жвачку
С апельсиновым вкусом резины.
Тех, кто наизусть знает
«Русское Поле Экспериментов».
Тех, кто на коже почувствовали,
Что Вечность пахнет нефтью.*

Тема наставничества, трансляции идеалов и ценностей последователям и ученикам, современникам и потомкам связана с известными строчками поэта даже не на уровне когниции (их *знают наизусть*), а на уровне синестезии, сплава самых глубинных и нерационализованных ощущений – тактильных (*на коже почувствовали*) и обонятельных (*Вечность пахнет нефтью*).

Второй лирический сюжет вторит, по меткому выражению одного из поклонников, летовской поэтике «надрыва от желания и невозможности прозреть тайну пути в небытие» (URL: <http://www.gr-obogona.ru>): *туда где вечность пахнет нефтью / идти по скошенной траве / и справа пропасть*

в бесконечность / а слева пропасть в небеса (URL: <http://www.perashki.ru/pigo/15098/>).

Явным заимствованием расселовского сюжета о наркотических откровениях в сочетании с устойчивой русской эпистолярно-дневниковой литературной традицией «Записок сумасшедшего» отличается любопытный рассказ «Повсюду пахнет нефтью», размещенный на сайте психиатрической клиники «Квазар» (URL: <http://idiotpost.ru>). Одним из способов терапии в клинике является «прозаическая психирургия», результаты которой представлены на сайте в виде дневника пациента, пишущего под псевдонимом Георгий Семечкин. Его перу и принадлежит рассказ, представляющий собой поток сознания героя, сотканный из причудливых ассоциаций и немотивированных тематических переключек:

Сегодня утром, во время выковыривания зерен истины из ткани бытия, меня осенило: повсюду пахнет нефтью! И еще я хочу почистить зубы. Но не буду отвлекаться. Где я сейчас нахожусь мне неизвестно, но это только обостряет мой ум и ускоряет мысли. Вокруг меня только стены. Есть еще кровать и больше ничего. Не могу понять куда подевалась моя палата и вообще вся психбольница. Но надеюсь мне удастся достать хотя бы одну почтовую крысу. Дорогой Лаврентий Аркадьевич, мир пропитан нефтью насквозь она течет в жилах человечества и никто не обращает на это внимания. Люди привыкли дышать ею, она словно пустое место, но это обман. Всех нас обманывают. Даже почтовые крысы, которые приносят вам мои бесценные письма, вовлечены в глобальный нефтяной заговор.

Приведенного выше первого абзаца рассказа вполне достаточно для адекватного представления как о манере письма автора, так и об эксплуатации им типичных нефтяных вербально-ментальных клише: стереотипа глобального нефтяного заговора и расхожей метафоры, соотносящей нефть с кровью. Однако необходимо отметить, что кроме присущих многим толкованиям анализируемого прецедента смыслов тотальности и глобальности (ср. лексемы *бытие, повсюду, мир, насквозь, человечество, всех, глобальный*), в данном тексте на первый план явно выдвигается суггестивность, свойственная образно-метафорическому прочтению фразы. Суггестивность задействует воображение читателя посредством ярких эмоциональных переживаний и открытия новых иррациональных граней миропонимания, причем в данном случае – суггестивность стереотипно-архетипического свойства: *мир пропитан нефтью насквозь она течет в жилах человечества* (ср. в одном из приведенных выше примеров суггестивность синестетической природы: *тягучий, тяжелый, равнодушный запах нефти*).

Наиболее полно обе указанные нами тенденции в эстетически отмеченных интерпретациях анализируемого прецедента – тенденция к тотальности и глобализму в сочетании с тенденцией к нерационализируемой суггестивности – реализуется в обнаруженном нами образце литературы фанфикшн. Речь идет о комплексном фанфике «Вечность пахнет нефтью» интпретативного сообщества толкинистов, расположенном на сайте Tolkien.ru. Фанфикшн – «литературное творчество поклонников произведений популярной культуры, создаваемое на основе этих произведений в рамках интерпретативного сообщества (фандома)», фанфик – «конкретный текст, относящийся к литературе фанфикшн» [Прасолова, 2009, с. 6, 17].

В нашем случае мы наблюдаем литературную игру любителей фэнтези, участники которой пишут продолжение рассказа использующего персонажей А. Милна (*Винни Пуха, Пятачка* и др.) сетевого автора Максима Кича «На опушке бетонного леса» (URL: http://gondola.zamok.net/065/65kich_1.html). Рассказ, как заявлено в паратексте, надо *перед началом игры обязательно прочитать*. Паратекст – это предвещающее чтение произведения договор между автором и читателем, в нашем случае – между ведущим модератором и участниками-фикрайтерами, играющий «ключевую роль в формировании как индивидуального референтного поля для конкретного произведения, так и в оформлении целого ряда интерпретативных предустановок» [Там же, с. 173].

Изложенные в паратексте к фанфику правила таковы:

Действие происходит в мире после ВСПЫШКИ – апокалипсиса, третьей мировой, падения баши – литературного фоллаута (духовного и физического) который полностью уничтожил мир людей (и самих людей тоже). В живых остались только обломки человеческих фантазий, которые бродят по сваленным в кучу не-вполне-реальным развалинам физического мира и своих собственных миров, постепенно вымирая...

Уточнение: ВСПЫШКА – это не просто ядерная война. Просто в некоторых мирах она приняла форму ядерной войны. ВСПЫШКА – это гораздо хуже...

В качестве персонажей можно выбирать только персонажей сказок, детских и юношеских произведений. <...>

Задачи персонажей:

- 1. Выжить в мире после ВСПЫШКИ.*
- 2. Найти убежище, какое-нибудь стабильное место в разлагающейся вселенной, в котором они смогут жить. Такое место ЕСТЬ.*
- 3. Понять, что случилось с миром. Возможно, попытаться его исправить...*

4. Понять, что значит фраза «ВЕЧНОСТЬ ПАХНЕТ НЕФТЬЮ», которую они все слышат во сне.

Как видим, уже в паратексте отчетливо проявляются предпосланные коннотативной аурой заглавия фанфика мотивы глобальной катастрофы, техногенного апокалипсиса (фоллаут – культовая компьютерная ролевая игра, действие которой происходит в мире после ядерной войны (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Fallout>)) и его причин, невнятное и неоформленное знание которых приходит к героям из иллюзорного, темного, подсознательного пространства сна.

Устойчивые образы, сопровождающие художественные субверсии нашего выражения в текстах фикрайтеров, – образы смерти, тотальной и фатальной: – *Кай умер... – шептала старая атаманиша. – Герда умерла... Финка умерла, Лапландка тоже умерла... Ицхак Рабин умер, Роланд Дезчайн умер, и Снусмумрик умер, весь мир умер... Все миры... О Дискордия, вечность пахнет нефтью... Они все умерли...*

Намеренное, диктуемое форматом жанра темного фэнтези отсутствие в семантической структуре текстов эксплицитно выраженной рациональной связи между последствиями глобальной вселенской катастрофы и нефтью стимулирует фикрайтеров к созданию психоделических, поддающихся лишь ассоциативному декодированию текстов-нонсенсов (см. о них и методике их анализа: [Болотнова, 2004]). Так, в приводимом ниже подобии белого стиха мы обнаруживаем смутный намек на произошедшую по вине нефти экологическую катастрофу, намек, пунктирно обозначенный в тексте игрой контрастных колористических прилагательных:

...Белое безумие – белое спокойствие – белая вьюга...

...только искра света вьется рядом, в окружающих вихрях – и тоже бела душа ее...

...она обрела вечность, потеряв Кая...

...но теперь ее вечность пахнет нефтью...

...морозный воздух не чист, как должно быть...

...ветры с юга принесли погибель всему ее королевству...

...и с юга пришли отравленные черным воды...

Некоторые субверсии отличаются крайне мрачной гнетущей атмосферой ужаса и зла, в них нефть и смерть одноприродны, нефть становится иррациональной причиной не только смерти, но и патологического насилия: – *Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... А от тебя я не ушел, и ты от меня не уйдешь. А все остальные – не уйдут от нас. Съешь их, Лиса, съешь*

их всех. И тебе станет хорошо. Потому что вся вселенная пахнет Колобком, а Колобок пахнет нефтью. Убей их всех!!!

В данном контексте автор добивается максимального суггестивного эффекта, используя прием шокирующего семантического диссонанса, представив героя одной из самых древних народных сказок, ставшего жертвой лисьей хитрости, маньяком-психопатом. Речь Колобка, сначала привычно повторяя сказочный рефрен, постепенно, имитируя ритмику заговора, сплетаясь из местоименных чередований и глагольных повторов, превращается в последовательность страшных приказов, выраженных императивами-деструктивами. Нефть, пропитавшая Колобка (поскольку он ею пахнет), превращает его в кровавого монстра, вездесущего во вселенной (поскольку вселенная им пахнет, а запах – субстанция, передающаяся при непосредственном контакте с его носителем).

Думается, что мрачная эсхатологичность приведенного отрывка весьма созвучна и стилистической тональности, и мортальной образности первоисточника – текста песни Е. Летова «Русское поле экспериментов». Приведем в качестве показательного примера отрывка первого куплета:

Трогательным ножичком пытать свою плоть,

До крови прищемить добровольные пальцы,

<...>

Покончив с собой, уничтожить весь мир!

...вечность пахнет нефтью...

На самом деле семантика катастрофы и обреченности, пустоты и безыллюзорности, доминирование темы смерти и тотального разрушения, поэтика ирреального и потустороннего, философичность и эпичность творчества не раз отмечались исследователями как Е. Летова, так и В. Пелевина. Так, отнюдь не случайным совпадением представляется нам появление двух рецензий на книги писателей в одной подборке журнала «Новое литературное обозрение» за 2003 г. [Давыдов, 2003; Кошель, Кукулин, 2003].

В обеих рецензиях объектом внимания критиков стали книги, в которых фигурирует описанный нами прецедентный феномен: «ДПП (NN). Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения» В. Пелевина, в которой опубликована повесть «Македонская критика французской мысли», и самое обширное и солидное московское издание стихотворений и текстов песен Егора Летова.

Однако ни в этих материалах, ни в иных критических и научных работах (на официальном сайте В. Пелевина (URL: <http://pelevin.nov.ru>) представлено более 40 критических статей и более 10 собственно научных трудов, посвященных его творчеству; поэзия Е. Летова также удостоивается внима-

ния серьезных исследователей [Губайдуллина, 2004; Лурье, 2001 и др.]) мы не обнаружили анализа связавшего двух писателей прецедента со сложной и неоднозначной дискурсивной историей.

Надеемся, что данный раздел, посвященный интертекстуальному и интердискурсивному существованию прецедентного выражения *Вечность пахнет нефтью* в интернет-пространстве, станет не последним **научным текстом** о данной символической фразе. Так, отдельного изучения требует аккумулированная в ней ольфакторная семантика, поскольку феномен запаха – самая семантически текучая и неуловимая смысловая сфера, использующая модусы чувственного восприятия – все чаще становится объектом серьезных научных изысканий [Риндисбахер, 2000; Рогачева, 2011 и др.]. Также ждут своего осмысления роль и место рассматриваемого прецедентного феномена в гипертекстах творчества востребовавших их художников.

Подведем итоги. Медиаконцепты, обладающие сильным миромоделирующим потенциалом, такие как концепт *нефть*, способны не только внедряться в структуру уже существующих прецедентных текстов, но и инициировать собственные. Наиболее органичная дискурсивная среда порожденного медиаконцептом прецедента – интерактивная, свободная, мобильная и медианасыщенная среда сети Интернет. Постепенный переход от пассивной повторяемости к активной, от денотативно ориентированной рефлексии – к эстетической и научной, знаменует возрастание степени культурной маркированности прецедента и инкорпорированного в его семантическую структуру медиаконцепта. Таким образом, востребованность и рефлексивная рекуррентность прецедентного текста в медиасфере становится одним из ярких свидетельств процесса культурной стабилизации медийной доминанты и превращения ее в константу культуры.

Глава 4. Концепт *нефть* в русском поэтическом дискурсе

4.1. К истокам «нефтяного» контекста русской поэзии

Погружаясь в историко-литературный контекст эстетизации и инкультурации образа нефти в русской литературе XIX – XX вв. («домедийного», до 1990-х гг., периода), следует обратиться к немногочисленным, но, тем не менее, значимым фактам претворения лексемы *нефть* и ее дериватов в самовитое, в понимании В.В. Хлебникова и В.П. Григорьева [Григорьев, 1994], слово.

Действительно, если мы обратимся к материалам Национального корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>) и созданного на его основе Нового частотного словаря русской лексики [Ляшевская, Шаров, 2009], то увидим, что лексем *нефть* и *нефтяной* нет ни в частотном словаре художественной литературы, ни в частотном словаре живой устной речи (в список включены 5000 самых частотных лемм этих подкорпусов), что означает их низкую частотность в текстах данных стилей. Напротив, вполне репрезентативное представительство данных лексем наблюдается в текстах публицистических. Так, ipm (instances per million words) – число употреблений на миллион слов корпуса – лексемы *нефть* в публицистике составляет 101,9; лексемы *нефтяной* – 62,1, следовательно, их совокупный ipm – 164, 0. Для сравнения: совокупный ipm лексем *богатый* и *богатство* составляет 155,8; совокупный ipm лексем *православный* и *православие* – 125,4.

Общий частотный список лемм словаря свидетельствует, что из 20 004 позиций, последние из которых демонстрируют ipm ниже 3,0, *нефть* занимает 1935, а *нефтяной* – 3264 места с ipm 62,3 и 33,6 соответственно. Все это говорит о наличии данных слов в активной зоне лексического тезауруса современника. Кроме того, частотный список лемм Нового частотного словаря русской лексики (словарь основан на выборке текстов Национального корпуса русского языка, представляющей современный русский язык периода 1950 – 2007 гг., объем выборки составляет около 100 млн словоупотреблений) позволяет проследить динамику того или иного словоупотребления в художественной литературе и публицистике 1950 – 1960-х, 1970 – 1980-х и 1990 – 2000-х гг. Если в художественной литературе интересующие нас лексемы имеют довольно низкий совокупный ipm, слегка возрастающий к периоду 1990 – 2000-х, то в публицистике мы видим резкое – более чем в 3 раза! – возрастание частотности от 1970 – 1980-х к 1990 – 2000-м (см. рис. 3). Это более чем убедительное доказательство нашей теории о медийной при-

роде концепта *нефть*, получившего столь бурное, взрывоподобное развитие именно с началом формирования информационного общества в 1990-е.

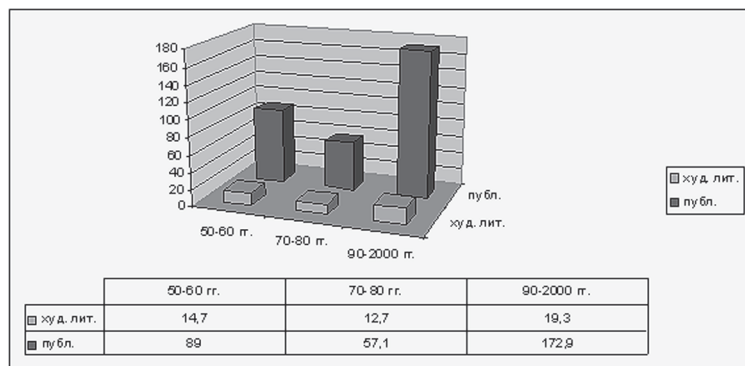

Рис. 3. Динамика частотности лексем нефть и нефтяной в художественной литературе и публицистике 1950-х – 2000-х гг.

Кроме того, приведенные объективные данные достоверно свидетельствуют еще о нескольких требующих объяснения фактах. Во-первых, о том, что интересующие нас единицы не вошли в частотный словарь художественной литературы, но все же наличествовали в текстах эстетической природы. Во-вторых, о том, что в более ранний и более наглядно – по сравнению со временем застоя 70-х – 80-х – воплощающий идеологические и культурные догматы советской эпохи период 50 – 60-х гг. нефтяная тематика также обладала определенной актуальностью. Думается, основная причина тому – «завязанная» в том числе и на нефти советская неомифология индустриально-покорения природы новым человеком труда. Постараемся объективно рассмотреть эти факты, опираясь на богатейшие ресурсы Национального корпуса русского языка, охватывающего период от середины XVIII до начала XXI вв.

Поиск в Поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка дает весьма интересные результаты поэтического словоупотребления лексем *нефть* и *нефтяной* в русской литературе XIX – XX вв. Первые включения анализируемого образа в лексическую структуру лирического произведения наблюдаются в творчестве двух второстепенных поэтов-романтиков пушкинской поры В.Н. Олина и А.И. Подолинского. Оба художника исполь-

зуют представление о горючести нефти: *О, каждая слеза твоя, / Как капля нефти воспаленной <...> / Мне в сердце падала и сердце страшно жгла!* (В.Н. Олин, «Слезы», 1827); *И кровь ее, как нефти жаркий ключ, / Огнем из ран пылающих струится* (А.И. Подолинский, «Смерть Пери», 1834 – 1836). Удивительное смысловое и даже структурное (в обоих случаях использованы сравнения с союзом *как*) сходство приведенных строк двух авторов-современников сигнализирует об общности их видения интересующей нас экспрессемы, т.е. слова в его особой поэтически-выразительной функции [см.: Григорьев, 1979; 1994; 2006]. Объединяет контексты не только их насыщенность семантикой горения и жара (*воспаленной, жгла, жаркий, огнем, пылающих*), но и неслучайность выбора не метафорической, а сравнительной тропеической модели.

О существенной онтологической разнице метафоры и сравнения, противоречащей расхожему мнению о том, что метафора – это свернутое сравнение, наиболее, на наш взгляд, удачно выразился один из авторов изданной в 1925 г. «Литературной энциклопедии»: «Не всякое сравнение может быть синтаксически сжато в метафору. <...> В сравнении, кроме того, существенна именно раздельность сопоставляемых предметов, которая внешне выражается частицей *как* и т.п.; между сравниваемыми предметами ощущается расстояние, которое в метафоре преодолевается. Метафора как бы демонстрирует тождество, сравнение – раздельность. Поэтому образ, привлекаемый для сравнения, легко разворачивается в совершенно самостоятельную картину, связанную часто только в одном каком-нибудь признаке с тем предметом, который вызвал сравнение» [Петровский, 1925]. В наших примерах в качестве данного признака выступают способность жидкостей, коими являются объекты и средство сравнения – слезы, кровь и нефть, к каплеобразованию и фонтанированию.

По меткому выражению Е.В. Тряпицкой, «если метафора референтно отнесена к сущностным признакам обозначаемого, то сравнение, как правило, изображает свойства денотата вспомогательного средства» [Тряпицына, 2000]. Эстетически востребуемое поэтами объективно присущее нефти качество горючести эмпирически не свойственно жидкообразным субстанциям крови и слез, что не позволяет скооперировать их и нефть в метафорическом тождестве, но стимулирует дальнейшее независимое развитие темы горения в метафорических и компаративных структурах: *слеза <...> сердце жгла; кровь <...> огнем из ран пылающих струится*. Как видим, создаваемые поэтами образы горящих духовным огнем символических физиологических жидкостей вполне состоялись бы и без сравнения их с нефтью в прямом денотативном значении этого слова, сравнения, которое в данном случае вы-

ступает лишь в роли дополнительного вспомогательно-усилительного средства и является весьма слабой экспрессивной.

Насыщение образа нефти полноценными образно-символическими смыслами и эстетическими коннотациями происходит много позже, когда сначала во второй половине XIX в. – промышленная, а затем в начале XX в. – социально-политическая революции ознаменовали переход от аграрного общества к индустриальному и от буржуазного – к социалистическому.

Во второй половине XIX – начале XX столетия образ нефти прозвучал в поэзии К.К. Случевского (1837 – 1904) – русского литератора, также не считающегося поэтом первого эшелона. Однако именно Случевскому удалось наметить две важные смысловые вехи, по которым будет развиваться нефтяная тема далее – в поэзии Серебряного века и советского времени.

В стихотворении «На Волге» (1881) автор воспевае Волгу как *одно из великих чудодействий* Родины, объединяющее в своем долгом течении бесконечное ландшафтное, этнокультурное и религиозное разнообразие России: *северные болота и страны жгучие засухи и зноя; дебри муромские и скифы раскола; святые монастыри и капища, хурулы другого Бога; кочевья калмыков и блуждающих киргизов*. И далее поэт подчеркивает резкий контраст первобытной культуры кочевых народов, населяющих степи Поволжья, и воплощенной в образе парохода культуры индустриального прогресса:

*Для полноты и резкости сравненья
С младенчеством культуры бытовой, –
Стучат машины высшего давленья
На пароходах с топкой нефтяной.*

Как видим, в одном из первых опытов поэтического словоупотребления лексемы с корнем *нефт-* возникает ассоциативная соотнесенность *нефти* и *машин* как нераздельных эмблем технических достижений человечества. Перед нами также, возможно, первый опыт восхваления нефти как двигателя (в прямом – *на пароходах с топкой нефтяной* – и переносном смысле) индустриального прогресса.

Наследуя традиции русской патриотической оды (оды Ломоносова, Петрова, Державина и других поэтов XVIII в.) [Квятковский, 1966], в исполненных торжественной лиричности размышлениях о судьбах Родины Случевский мастерски реализует «основной пафос эпидейктической речи – призыв объединить аудиторию, добиться у слушателей понимания высокого назначения анализируемого момента, осознания общей задачи и объединяющей высокой идеи» [Шаталова, 2008, с. 144].

Поскольку в основе авторского замысла лежит глубоко патриотичная максима бесконечного культурного, этнического, географического, религи-

озного разнообразия и многообразия обликов России при их нерушимом и целесообразном единстве (*Какая пестрота и смесь сопоставлений?! / И та же все единая страна... / Где всем им цель? Дана ли им она? / Дана, конечно!*), поэт многократно подчеркивает и актуализирует избранный им принцип словесного структурирования текста – принцип контрастного сопоставления.

В интересующую нас строфу автор с целью обеспечения полного взаимопонимания с читателем даже включает метатекстовый поясняющий комментарий: *Для полноты и резкости сравненья*. Кроме подкрепляющей контрастную оппозиционность контекстуальной антонимии (*младенчеством культуры бытовой – машины высшего давленья*), отметим, что противопоставляются, с одной стороны, примитивная культура быта кочевых народов, по выражению автора – *младенческая*, т.е. маленькая, незащищенная, несмышленная, неразвитая, а с другой стороны – атрибуты машинизированной прогрессивной цивилизации, которые наделены признаками регулярности, стабильности и четкости отлаженного механизма (*стучат машины*), надежности, бесконечных возможностей (*высшего давленья*) и технического совершенства (*на пароходах с топкой нефтяной*).

Думается, что намеренно, именно в эпидейктических целях, используется поэт терминологическая и профессиональная лексика высоких технологий того времени: названия элемента парового котла (*топка*), самого эффективного на тот момент топлива для него (*нефтяная*), физического принципа его работы (*давленье*). Да и само слово *пароход* было в ту пору лексической новацией, введенной в литературный оборот блистательным журналистом, филологом, переводчиком Н.И. Гречем и впервые зафиксированной в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. (см. занимательные подробности об истории данного слова в записи радиопередачи «Учимся говорить по-русски», состоявшейся на радиостанции «Эхо Москвы» 5 декабря 2002 г. URL: <http://www.fonetix.ru/radio.php>). Таким образом, мы наблюдаем в анализируемом стихотворении не только наследие классической патриотической русской оды, но и предтечу оды постреволюционной – социально-урбанистической, индустриальной [Квятковский, 1966], в которой, как мы увидим далее, образ нефти приобретет яркие символические приращения.

Интересно, что в написанном двадцать лет спустя после произведения «На Волге» стихотворении «Лезгин» (1901) Случевский уже далеко не столь категоричен в оптимистической оценке преимуществ технократической цивилизации и явно критичен по поводу имперской, захватнической по отношению к малым народам, политики. Данное стихотворение – зарисовка ностальгических воспоминаний старика-лезгина о свободном Кавказе и о борь-

бе кавказских народов за независимость. Лезгин, теперь, после покорения Кавказа, служащий денщиком у русского генерала, *Забыл, что больше нет Кавказа, / Нет тех времен, нет тех людей! / Явились в жизнь ключи Боржома; / Есть нефть, но нет жрецов огней!*

Все стихотворение и приведенные строки исполнены пафоса искреннего осуждения экспансионистской политики империи по отношению к материальным и культурным богатствам покоренной территории. Экспрессивное усиление семантики негодования и возмущения осуществляется посредством нагнетения негативной модальности в четырехкратном повторе *нет* в предикативной позиции, образующем своеобразный синтаксический параллелизм.

Т.Н. Волынец, на материале поэзии Серебряного века рассматривая поэтику слов категории состояния и относя к этой части речи лексему *нет* в роли сказуемого, говорит о неслучайности обращения к ней авторов: «слова *нет* и *надо* (*не надо*) являются исключительно экономным грамматическим средством – языковой единицей, способной организовывать предикативный центр без изменения своей формы, что весьма существенно для поэтической речи, стремящейся к краткости формы и объемности содержания». Исследователь выделяет две основные функции лексемы *нет* в поэтическом тексте: она «используется в основном для выражения отрицательной экзистенциальности, реже – для отрицания необходимости или невозможности выполнения действия, однако и в первом и во втором случае в каждой индивидуально-авторской системе вокруг данной лексемы формируется своя смысловая парадигма» [Волынец, 2005, с. 214].

Думается, в нашем случае мы наблюдаем также частотный в поэтической речи прием употребления слова *нет* в функции аннигилированной экзистенциальности, когда подчеркивается не просто отрицание / отсутствие субъекта, а его исчезновение, уничтожение, аннулирование. Реализуется данная функция, во-первых, посредством дейктических ретроспективных указателей (*больше нет Кавказа; нет тех времен, нет тех людей*), во-вторых, за счет контрастного соположения в рамках противительной синтаксической структуры маркеров положительной и отрицательной бытийности при их аксиологической энантиосемии: положительно оценивается то, чего уже нет, а отрицательно – то, что пришло ему на смену (*явились <...>; есть <...>, но нет <...>*). В данной конструкции *нефть* Кавказа, наряду с *ключами Боржома* (во второй половине XIX в. этот грузинский курорт становится излюбленным местом отдыха императорской семьи), выступает не только символом несправедливой колониальной политики, но и знаком насильственного уничтожения наступающей бездуховной технократической цивили-

зацией исконных отприродных культурно-религиозных ценностей и традиций (*Есть нефть, но нет жрецов огней!*).

Обе намеченные Случевским линии смыслового развертывания нефтяной темы в русском поэтическом дискурсе – одическая и драматическая – нашли свое нетривиальное решение в творчестве художников Серебряного века и постреволюционной эпохи. Интересно, что образ нефти весьма гармонично вписался в ассоциативную структуру т.н. индустриальных гимнов, которые в послереволюционные десятилетия создавали поэты, наследующие различным эстетическим концепциям: акмеизму, символизму, футуризму и др.

Глобальный социально-исторический революционный катаклизм максимально стимулирует перемещение «онтологических основ культуры в плоскость социальных исканий и претензий» [Попов, 2003, с. 173]. То, что в культуре Серебряного века (1910-х гг.) «кликуческие вопли и пророчества Конца сливаются с восторженными гимнами приближающемуся небывалому Началу», с приходом революционного техницизма и механицизма породило некий нравственно-эстетический парадокс: неприятие «научно-технического прогресса, активно вытеснявшего религию и любую традиционно понимаемую духовность из человеческого сознания» [Бычков, 2007, с. 47] резко сменяется искренней верой в одухотворенность техники и «питающей» ее горячей жидкости.

Семантическая сфера пищи, еды «оказывается вместилищем самых разных моделей переноса значения, что подтверждает универсальность пищевого кода как внутриязыковой коммуникативной стратегии самого широкого охвата» [Загидуллина, 2009]. Так, акмеисты левого крыла М.А. Зенкевич и В.И. Нарбут (см.: [Лекманов, 2006]) используют пищевой код, перенося «главный естественный канал связи человека и природы» [Там же] – отношения *еда – живой организм* на корреляцию *топливо – машина*.

М.А. Зенкевич в стихотворении 1917 г. «Голод дредноутов» (дредноутом «до 30-х гг. называли линкор – крупный боевой бронированный корабль» [Новейший словарь иностранных слов и выражений, 2001, с. 302]) персонифицирует плоды технического развития военно-промышленного комплекса той поры, наделяя их зооморфными витальными свойствами «испытывать голод» и «утолять его»:

*В паровые котлы и турбины втяни,
Зеркальность палубы блестками пачкая,
Черную жвачку – каменный уголь,
Золотую патоку радужной нефти!*

Два взаимодействующих метафорических модуса – физиолого-гастрономический, связанный с названиями пищевых продуктов и процесса их употребления (*втяни жвачку, патоку*), и визуально-колористический, мотивированный цветовой атрибутикой углеводородного топлива (*черный уголь; золотая радужная нефть*), накладываясь друг на друга, высвечивают эмоциональные характеристики т.н. животной радости, свойственной ситуации утоления сильного голода.

Паровые котлы и турбины метафорически претворяются в органы пищеварения – аналоги желудка, вместилища пищи. *Палуба* олицетворяет морду, испачканную в процессе неумного, инстинктивно-первобытного, дикого и необузданного поглощения еды-горючего: *Зеркальность палубы блестящими пачка.*

О зооморфных семантических аллюзиях ярко свидетельствуют анималистические и энтомологические пищевые номинации *жвачка* и *патока*. В начале XX столетия значение слова *жвачка* было связано исключительно с особенностями пищевого поведения жвачных животных: даже в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова еще нет упоминания о жевательной резинке [Толковый словарь русского языка, 1935 – 1940]. Лексема *патока*, как свидетельствует словарь В. Даля [Даль, 2004], до ее освоения в узусе в значении продукта, изготавливаемого человеком (сахарная патока), означала «медовую слезу или самотек, мед нетопленный, чистый, сам стекающий с сотов».

Именно ассоциативная соотнесенность с образом меда – в контексте символики этого образа в поэтическом творчестве вообще (см., например, басню А.П. Сумарокова «Жуки и пчелы», 1752) и лирике Серебряного века в частности – делает парадоксальным, если не по-футуристски оппозиционно-нигилистическим, скандальное соположение в перечислительной конструкции *патоки* и *жвачки*.

В.Н. Топоров отмечает, что еще «в античной традиции складывается образ <...> поэзии-меда (у Платона, Горация и т.д.)», приводя в пример его вариацию у О. Манделштама: «чтобы, как пчелы, лирики слепые нам подарили ионийский мед» [Топоров, 1980, с. 328]. Мед – одна из любимых Манделштамом поэтических субстанций, символизирующая «солнечную сладость бытия... и неостановимость жизни» [История русской литературы XX века (20 – 90-е годы), 1998].

Интересно, что в том же столь знаковом для истории России 1917 г., когда М.А. Зенкевич пишет «Голод дредноутов», О.Э. Манделштам создает «Золотистого меда струя из бутылки текла», а К.Д. Бальмонт – книгу «Сонеты Солнца, Меда и Луны», сквозные мотивы которой – «творческая живительность природы <...> и неиссякаемая притягательная власть «меда» поэзии» [Молчанова, 2008, с. 233].

Таким образом, за счет традиционного возвышающего «медового» контекста в стихотворении Зенкевича происходит поэтизация и возвеличение звероподобного технического гиганта, представляемого неким сильным, агрессивным, жадно насыщающимся жвачным животным, которое, тем не менее, потребляет, наряду со *жвачкой*, и *патоку* – *золотую и радужную* (колористические признаки света, радости, добра). Посредством уравнивания высокого и низкого, претворения *меда поэзии* в *патоку нефти*, происходит намеренное одухотворение машинного, категоричное утверждение новых военно-технологических революционных ценностей, когда, по словам Н. Бердяева, царствуют «одержимость, точно люди находятся во власти какой-то внечеловеческой силы, искажающей их человеческие черты», и «языческий культ силы, который вдохновляет» [Бердяев, 1910, с. 89 – 95].

Свойственные приведенному выше тексту – поэтическому властно-му призыву к военному суду утолить его «топливный голод» – черты суггестивного, т.н. «волевого» языка («в грамматике ему принадлежит область повелительного наклонения в глаголе» [Черепанова, 1999, с. 39]), грамматического рисунка поэзии мистерий и заклинаний (создаваемого «при помощи императивов в комбинации с обращением к участникам – людям и предметам, а также грамматикой, выражающей смысл «здесь и сейчас» [Панова, 2010, с. 228]) сменяются в стихотворении другого акмеиста левого крыла В.И. Нарбута «Железная дорога» («Пыхтело в пахах у паровоза...», 1920 – 1922) еще более экспрессивной грамматикой, а именно – оригинальным безглагольным синтаксисом, создающим рваный синкопический ритм стиха:

*Кругом обмолот, – урожай – в амбар
Под свист из пор, под хруст и пар.
(Павлин нефтяной, он хочет быть зеленым,
Перо перегорело – пахнет паленым).
Капустные ядра, в три обхвата бревна,
Жираф-экскаватор, туши и жиры –
Как тут обмозговано, полнокровно,
Нефть, уголь и хлеб –
Утробные пиры!..*

В.И. Нарбут, создавая торжественный гимн форсированной индустриализации первых пятилеток, намеренно педантирует антитезу старого и нового, и отнюдь не только в производственно-промышленном секторе, но и в литературном, панибратски, обращением на ты, отрекаясь от предшествующей традиции: *Совсем не твоя это дорога, Некрасов, / Не твой это, Блок, кучерявый машинист!* Перед нами предстает грандиозная картина «революционного переворота и выхода на сцену нового класса, выросшего среди шума и грохота машин» [Заславский, 1927, с. 4], аллегорически представленная в

виде гигантского *паровоза-большевика*, покоряющего за *район район* безграничные просторы Родины (*И горы, и тундры, поля, пустыни, / Тайгу...*).

Тексту присущи яркие признаки грамматики модернистского письма: «отсутствие глаголов где только возможно, использование тире, эллиптические конструкции» [Фейлер, 1998, с. 122], ритмико-синтаксические перебивы, обилие «агрессивных» согласных (особенно *p*) и консонантных сочетаний (*кр, хр, бр, др, пр*), аритмия, неполнота, фрагментарность, обрывочность, коллажность (включение указаний на другие роды искусства, а именно – киноискусство: *Кадрированные в кино составы / Продергивает по ночам рука*). Все это формирует эффект масштабной панорамы, создаваемой символическим перемещением камеры вдоль несущегося в светлое будущее состава с разнообразной продукцией, гипертрофированно гиперболизированный размер которой (*Капустные ядра, в три обхвата бревна, / Жираф-экскаватор, туши и жиры*) воплощает смыслы созидательного обновления и процветающего изобилия. Сопровождающие динамичное движение паровой машины резкие, агрессивные звуки (*свист, хруст*) и запахи (*пар, пахнет паленым*) заставляют лирического героя захлебываться экстатическим восторгом от рациональной силы (*обмозговано*) и витальной мощи (*полнокровно*) описываемого рационального механистического действия: *Как тут обмозговано, полнокровно...*

Нарбут намеренно поэтизирует и возвышает претворение природного в техническое: покорение природы человеком (*урожай – в амбар*), метафорическое сопряжение растительного и милитаристского (*капустные ядра*), анималистического и технического (*жираф-экскаватор*). При этом вставная конструкция (*Павлин нефтяной, он хочет быть зеленым, / Перо перегорело – пахнет паленым*) потому, на наш взгляд, и отделена от общего потока смыслового развертывания стихотворения скобками, что в ней автор позволяет себе лирическое отступление, противоречащее так открыто проповедуемой им индустриальной идеологии. *Нефтяной павлин*, наряду с *жирафом-экскаватором*, – участник созданного Нарбутом механистического бестиария, состоящего из экзотических – и здесь демонстративное противопоставление новаторского и оригинального всему традиционному! – животных, является метонимическим заместителем то ли включенных в состав поезда нефтяных цистерн (*Цистерны валят свои окорока*), то ли самого паровоза, движущегося за счет сгорания нефти.

Последнее кажется нам более вероятным по причине довольно стойкой в русской литературе и всегда связанной с размышлениями о путях развития страны соотнесенности образов движущегося транспорта и птицы (ср. *птица-тройка* у Гоголя; см. также: [Павлович, 1999, т. 1, с. 145; Ковалева, 2009, с. 14]). Символизирующая величественную силу и диковинную красо-

ту экзотическая птица нефтяной окраски *хочет быть зеленой*, т.е. естественной частью первозданной природы. Однако преобразующая энергия нового человека несет ей неминуемую участь сгорания: перья нефтяной птицы перегорают, издавая характерный запах паленого.

В анализируемом произведении происходит поликодовая персонификация железнодорожной техники посредством наложения разнообразных моделей «оживления». Так, «мифологическая персонификация поезда, выливающаяся в нетипичное сочетание *отец-паровоз*» [Ковалева, 2009, с. 15 – 16], а также использование «зооморфного гештальта» [Там же] (*цистерны валят свои окорока; туши и жиры*) базируются на многократном обыгрывании телесной метафоры. Актуализируется примитивный физиологический, органо-соматический код, превращающий бездушный механизм в живое существо: у *цистерн* появляются *окорока*, *паровоз* издает *свист из пор*, а *вагоны* устраивают *утробные пиры*, главными яствами которых становятся *нефть, уголь и хлеб*.

Что касается лексики *пиры*, то в контексте общей торжественно-пафосной тональности стихотворения ее актуальное значение прочитывается традиционно: это «символ устойчивости миропорядка, благополучия, всеобщей гармонии, <...> праздника жизни, расцвета жизненных сил» [Созина, 2002, с. 121 – 122]. Нетрадиционным же для поэтического «пиршественного меню» представляется включение в него, видимо, в порядке убывающей значимости, с одной стороны, актуальных для индустриально-экономического антуража эпохи сырьевых номинаций – нефти и угля (об образе угля как культурном прототипе медиаконцепта *нефть* см. параграф 1.2), а с другой стороны, такого «ключевого знака лингвокультуры, характеризующегося высоким прагматическим потенциалом, положительной символическостью», как *хлеб* [Савельева, 2006, с. 11].

О хлебе «как прототипическом образе семантической изотопии *еда*» [Филиппова, 2004] написано немало работ, авторы которых [Зинковская, 2006; Гачма, 2008] единодушны в мнении, что «макроконцепт *хлеб* несет в себе не только и не столько смысл естественного жизнеобеспечения, но и целый спектр значений духовного образа жизни русского народа» [Синячкин, 2002, с. 5], «символизируя главные аспекты духовности, божественного, человеческой судьбы и Жизни в целом» [Савельева, 2006, с. 11].

Здесь уместно вспомнить интерпретируемую несколькими страницами выше строку М.А. Зенкевича: *Золотую патоку радужной нефти!* Удивительное созвучие глубинных смысловых соотнесенностей в «нефтяных» контекстах двух поэтов, которые, к слову, были связаны узами дружбы, не кажется нам случайным: *золотая патока* и *хлеб* в качестве символов высокой духовности все-таки понадобились стихотворцам, декларирующим ни-

спровержение старого и утверждение нового, для облагораживания того животного и низменного, что прочно соотносится с *жвачкой* и *утробой*, с чернотой и физиологической нечистотой *угля* и *нефти*. Так, пожалуй, впервые в русской поэзии проявляется столь значимый для современной семантической развертки концепта мотива оправдания нефти, априори воспринимающейся до брезгливости настороженно и негативно.

С другой стороны, символическая эмансипация сырьевых ресурсов, уравнивание их в правах с хлебом, который представляет собой «не только продукт, но и вообще то, что нас подпитывает, поддерживая нашу жизнь» [Щеболева, 2008, с. 22], в «механистически-нефтяном» контексте постреволюционной поры построена на демонстративной физиологичности. Физиологичности возвеличиваемой, воспеваемой в качестве более важной, нежели духовность и ментальность, составляющей жизнестворения.

Главным органом, метафорически приписываемым механизмам, оказывается *живот* (прозрачность этимологии здесь очевидно провоцирует идею примата «желудочно-кишечной» детерминанты бытия) или *утроба* – просторечно-сниженное наименование того же живота.

Н.В. Павлович в «Словаре поэтических образов» называет сцепку *паровоз-живот* устойчивой поэтической парадигмой, приводя в качестве примера строки В.И. Нарбута (*Пыхтело в пахах у паровоза, / Переливалось, булькало в животе, / Пока, задыхаясь от невроза, / Налетом глицериновым он потел*) и В.Г. Шершеневича (*Ты бульбулькал нефтью в животе стальном [о паровозе]*) [Павлович, 1999, т. 1, с. 720]. Метафорическое представление таинственных внутренностей механизма урчащей утробой (*утробные пиры, булькало в животе, бульбулькал нефтью в животе*), видимо, – место встречи мифологизированных представлений о первобытном, бессознательном или досознательном существовании бездушных гигантов – либо звероподобных, либо машиноподобных, либо звероподобных машин.

Так, пилотный интернет-эксперимент на определение в поисковой системе Google коллокации *урчащая утроба* дает следующие результаты: *он вылетел, словно его выплюнула урчащая утроба огромного зверя; еще пара монет упала в урчащую утробу автомата; из урчащей утробы бронетранспортера; урчащая ненасытная утроба зверя; отрывает огромные куски кенгурятины и засовывает в ненасытно урчащую утробу; Станки ... урчат утробой, полной масла* (отметим, что эти результаты не выборочные, они представляют совершенно разные тексты и следуют один за другим в том порядке, в котором здесь представлены). Как видим, урчащей утробой наделяются звери, автоматы, бронетранспортеры, станки, носители утроб огромны и агрессивно ненасытны.

Преклонение перед первобытной нечеловеченной агрессивной силой и бездушной механистичностью, гигантомания, безапелляционный урбанизм наиболее концентрированно предстают в стихотворении В. Брюсова 1920 г. «Дворец центромашин» (*Из тьмы, из бездн иных столетий, / Встанет, как некий исполин, / Величествен в недвижном свете, / Центродворец тотомашин*), в котором поэт сакрализирует уголь и нефть как физиологические субстанции, обеспечивающие жизнь механизмов, отождествляемых с мифологическими гигантами (*циклопами, драконами*): *Огромной грудой угля сытый, / Дракон бескрылый, не устань! <...> Чтoб дружно лязгали машины, / Пот нефтяной струя в труде!* Увлеченный футуристическими идеями, Брюсов «планирует создание «дворца центромашин», дающих энергию планетарного и космического значения», но в то же время прославляет «машины, рядом с которыми человек выглядел тоже исправно действующим механизмом» [Урбан, 1989]. Поэтическое взаимоотождествление животного, человека и техники в постреволюционной поэзии достигает кульминации в описании квазифизиологических проявлений: поезда и другие машины едят, переваривают уголь и нефть, потеют глицерином и нефтью.

Образ нефти выступает в качестве одной из доминантных примет свойственного русскому футуризму «технического утопизма», который «предполагал финальный и непротиворечивый синтез человека и машины, а соответственно и возникновение новой мифологии»; в результате нефть стала неотъемлемым атрибутом «оптимистической мифологии техники, агрессивного движения», тогда как «мир техники воспринимался многими творческими людьми как враждебная сила, подавляющая и деформирующая органическую основу жизни» [Мировая художественная культура. XX век. Литература, 2008, с. 284 – 287]. «Характерное для футуризма преклонение перед действием, движением, скоростью, силой и агрессией привело к утверждению приоритета силы, упоения войной, разрушением и насилием» [Там же], что ярко проявляется в нефтяном контексте поэзии и футуристов, и нефтуристов, поскольку, что немаловажно, сам образ нефти регулярно коррелирует с семантикой войны и агрессии, иногда, видимо, не вполне осознанно, приобретая, по крайней мере для современного читателя, характер пророчества.

В. Берестов в воспоминаниях описывает, как в конце послевоенных 1940-х на вечере в Московском университете Б. Пастернак читал последние строфы стихов 1916 г. «На пароходе» (вспомним традиционную символику парохода и паровоза – вместилищ и пожирателей нефти):

*И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компании
И городские фонари.*

«Но как резко выделил он метафоры: «кровавую баню» и зарю, разлившуюся, как нефть. Метафоры, передававшие, в сущности, лишь краски камского рассвета, вспоминаются мне теперь как символы самых страшных опасностей для человечества: кровавая баня войны и нефть, разлившаяся на всю реку, – экологическая катастрофа... Тогда я об этом не думал. Но почему поэт остановил наше внимание на этих образах? Почему с такой силой прочел именно эти давние стихи? И, желая напророчить радость, всем существом, как малый ребенок, стремясь к ней, он этим чтением как бы пророчил новые беды» [Берестов, 1998].

И действительно, так склонный к экспрессионистической поэтике и интуитивной интроспекции Пастернак вполне мог и в 1916 г. уловить своим предчувствием гения таящийся в нефти знак войны, крови и смерти. Подобные ассоциативные сопряжения находим в «Стихах о пароходе» А.П. Ладинского, «одного из лучших поэтов русского Парижа» [Коростелев, 2008]: *Как новый Карфаген из гроба, / Дрожит на нефтяной воде / Гудзона башня небоскреба.*

В первой половине 1930-х гг. смысловая сцепка *нефть – кровь – война* уже вербализируется эксплицитно как символ социальной катастрофы, правда катастрофа эта по идеологическим причинам приписывается исключительно буржуазному миропорядку: *Боливия и Парагвай... Нефтяная / Война: ожиревшая дочерна кровь* (В.И. Нарбут «Такая у цикады наружность...»); *На берегу / у Тома жена. / Волоса густые, как нефть...* (В.В. Маяковский «Сифилис») (ср.: «Весной 1926 года Маяковский, рассказывая о своих творческих планах, писал: «Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас; такова поэма «Сифилис»... Это стих о занятиях прогнивших хозяев в завоеванных долларом колониях...» [Кожин, 1957]). Однако, как показали прошедшие десятилетия, единство нефти, крови и войны исключительно прочно и стабильно. Замечательная поэтесса Инна Лиснянская в стихотворении «А как он был любим» так опишет в 1991 г. армянские погромы в ее родном Баку: *Теперь там – Боже мой! – / Теперь там – Боже правый! След нефти за кормой, / А на песке – кровавый.*

Социально-историческое прочтение темы нефти в советской поэзии также весьма органично тематике революционной (см. об этом также в следующем параграфе), с одной стороны, по причине свойства горючести нефти и неразрывности топосов огня и революции: *И как нефть под песками, / накапливает желанье / встать под красное знамя / мирового восстанья* (С.М. Городецкий; цит. по: [Павлович, 1999, т. 1, с. 575]), с другой стороны – вследствие переживания революции как личной и общественной трагедии: *На дне летнего дня – / Нева, и нефть пятном / Расплывшаяся солдатня* (Б.Л. Пастернак «К Октябрьской годовщине»).

И все же ведущей тенденцией введения образа нефти в контекст русской поэзии остается технический утопизм, технолатрия – поклонение технике, обожествление ее. В написанной в 1922 г. статье «Левое искусство и его социальный смысл» критик Абрам Лежнев выступает против воспеваемого тогда «процесса упрощения и механизации», «культы машины и внутренней упрощенности»: «Вопрос в том, что мы приемлем в этой современности, какое начало, какую тенденцию. Ту ли, что стремится механизировать рабочего, довести его до степени придатка к машине, или ту, которая хочет подчинить машину, овладеть ею, сделать ее не господином, а слугой рабочего?» [Лежнев, 1987].

Думается, обе тенденции ярко проявились в нефтяном контексте русской поэзии первой половины XX в., поскольку, по сути, были двумя сторонами одной медали, а именно индустриального мифа, сакрализировавшего «механистический оптимизм и культ конвейера», «пафос преобразования природы» и «дикарский восторг перед машиной» [Карабчиевский, 2008]. По словам Ю. Карабчиевского, «обоожествление техники и урбанизма, культ технократического будущего сочетались в футуризме с идеалом героя-сверхчеловека, вторгающегося в мир и расшатывающего «одряхлевшие» эстетические и нравственные условности» [Там же]. Сказанное Карабчиевским значимо отнюдь не только по отношению к Маяковскому и футуризму, но и по отношению к «глубинной онтологии современной техники», которая, «совершая насилие над природой», «ведет к бездушной рациональности» и «состоит в попытке «самообоожествления» человека» [Даренский, 2010, с. 157].

Таким образом, русский поэтический дискурс XIX – первых десятилетий XX вв. контурно обозначил основные векторы ассоциативно-смыслового развертывания образа нефти в отечественной литературе, векторы, получившие полноценное вербально-семантическое и художественно-образное наполнение в Бакинском тексте русской поэзии.

4.2. Бакинский текст русской литературы в фокусе концепта *нефть*

В истории русской литературы есть пример поистине уникальной социокультурной и лингвокультурной ситуации, в которой нефть стала не только причиной интенсивнейшего экономического, а следовательно, и социокультурного подъема определенной территории, но и объяснимого исключительной комбинацией сложившихся объективных и субъективных обстоятельств факта формирования совершенно своеобразного Бакинского текста русской литературы (см. тексты, анализирующиеся в данном параграфе, в Приложении 2).

Вопросы исследования «городского текста» (позже понятие «городского текста» расширилось до территориально маркированного, локального текста, например, Алтайского [Алтайский текст в русской культуре, 2008] или Сибирского [Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве, 2010]) были поставлены в трудах представителей отечественной семиотической школы В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана и др., впервые введших в научный оборот понятие Петербургского текста [Топоров, 1995; Лотман, 1996]. «Петербургский текст предстал в их трудах гипертекстом, обладающим следующими чертами: всеобъемностью, гетерогенностью и сложноустроенностью, антиномичностью, пространственной зафиксированностью, он, вступая во взаимосвязи, должен порождать новые тексты культуры» [Деткова, 2009, с. 63 – 64].

В последнее время пристальное внимание филологов сосредоточено на феномене т.н. локального текста в историко-литературном и мифопоэтическом аспектах [Абашеев, 2000; Осипова, 2002; Анисимов, 2005] (не говоря уже о наблюдающемся буме лингвистической регионалистики как ответе на вопрос об основах культурной идентичности – см., например, [Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы, 2011]). Активно исследуются столичные и провинциальные (Вятский, Пермский, Шадринский и мн. др.) тексты как «определенная осмысленная топонимическая данность» [Осипова, 2002].

Еще более культурно специфичный феномен представляет собой текст русского фронта – территорий российского порубежья, когда-то входивших в состав Российской империи и Советского Союза и ставших «зонами интенсивных культурных контактов» [Якушенков, Якушенкова, 2010, с. 109]. Фронтальная концепция, заимствованная у американских исследователей, приобретает в отечественной науке статус междисциплинарного подхода [Замятина, 1998; Басалаева, 2011; Щитова, 2011], однако из значимых в историко-литературном отношении сверткестов русского фронта осно-

вательную разработку получил только Крымский [Люсый, 2007; Крымский текст в русской культуре, 2008; Дайс, Сид, 2011] и начал успешно исследоваться Кавказский [Гримберг, 2000; Султанов, 2007].

Что касается Бакинского текста, то о его бесспорном феноменологическом наличии в русскоязычной литературной традиции свидетельствует выход в 2005 г. отдельного сборника стихотворений русских поэтов XIX – XX столетий, посвященных Баку, «Если ты Баку не видел...». Комментарий и небольшую вступительную статью к сборнику написал профессор Агиль Гаджиев. Исследователь отмечает: «Бакинские стихотворения русских поэтов охватывают важнейшие этапы истории Баку и могут быть сгруппированы по тематическим компонентам. Так, отдельный цикл составляют стихотворные посвящения участникам советизации Азербайджана. Цикл этот в свое время неоднократно анализировался в нашей науке о литературе... Другую группу стихотворных посвящений составляют произведения о трудовом подвиге Баку... И, наконец, отдельный цикл составляют произведения, воспевающие сегодняшнюю явь Баку, города мощной индустрии и удивительной, своеобразной красоты» [Гаджиев, 2005]. Однако ни как феномен фронтального текста, ни в фокусе ключевых межтекстовых концептов, в ряду которых доминирует *нефть* (в указанном поэтическом сборнике, включающем около 80 поэтических текстов, частотность лексемы *нефть* и ее дериватов беспрецедентна – 122 единицы!) Бакинский текст не изучался.

Что же касается Крымского текста, то под этим явлением «понимается взаимосвязанность произведений разных авторов о Крыме, их соотнесенность с основными крымскими мифологемами или культурными кодами – иначе говоря, некий сверткест, постоянно возвращающийся сам к себе и исключаящий возможность своего окончательного завершения» [Дайс, Сид, 2011]. Факторы, стимулировавшие сфокусированность эстетических рефлексий русской литературы на культурных кодах окраины великой империи, как представляется, весьма разноприродны (В.Н. Топоров выделяет топографические, климатические, пейзажно-ландшафтные, этнографически-бытовые и материально-культурные субстратные элементы, культурно маркирующие тот или иной топос [Топоров, 1995]) и в то же время типичны для тех фронтальных локусов, которые отличаются большей, нежели иные порубежные территории, литературно-культурной значимостью.

Исследователи Крымского текста, кроме «романтического ландшафта и живой природы», подчеркивают важность стимулирующих эстетическую рецепцию дефиниций Крыма как «переплетения множества мощных историко-культурных парадигм: захолустная провинция средиземноморской Античности; одна из галактик ориентальной вселенной Золотой Орды; любимая песочница всей российской, а затем советской империи...» и «моста,

почти мистического, в иные миры» [Дайс, Сид, 2011]. Однако, на наш взгляд, кроме перечисленных катализаторов «мифо- и текстопорождающих свойств привязанного к географической плоскости природно-культурного пространства» [Там же], в случае, когда это пространство колонизировано, огромную роль в его «литературном освоении» представителями метрополии играет фактор физического пребывания на данной территории писателей и поэтов. Так, немаловажным событием Серебряного века русской поэзии стало построение Максимилианом Волошиным дома в Коктебеле – гостеприимного пристанища для людей искусства.

Трагические события пореволюционного и послереволюционного времени стали причиной географических перемещений огромного количества соотечественников, в том числе – в Закавказье. Активная культурная жизнь столиц Закавказья уже в предреволюционный период дает основание называть происходившее здесь культурным возрождением. «Двигаясь на юг, ведущие представители русского символизма, акмеизма и кубо-футуризма (такие как Сергей Городецкий, Вячеслав Иванов, Василий Каменский, Алексей Крученых, Сергей Маковский, Осип Мандельштам, Сергей Судейкин и Максимилиан Волошин) продолжали печатать свои произведения, читать доклады, выступать, рисовать, полемизировать...», – пишет известный знаток русского искусства профессор Джон Боулт (Наш Баку: Сайт-энциклопедия. URL: <http://www.ourbaku.com>).

Вяч. Иванов в 1921 – 1924 гг был профессором Бакинского университета и называл этот университет «маленьким оазисом среди академических развалин нашей родины» [Лаппо-Данилевский, 1994, с. 402], «бакинские периоды» выделяются отдельной строкой в творчестве С. Есенина, В Хлебникова, а переехавший в 1920 г. в Баку из Тбилиси С. Городецкий создает здесь объединение «Цех поэтов».

Причина интенсивной литературной жизни Баку того времени имеет по преимуществу материально-экономический характер: «портовый, нефтеносный, развитый в промышленном отношении Баку представлялся более надежным пристанищем» (Наш Баку: Сайт-энциклопедия. URL: <http://www.ourbaku.com>).

В последние десятилетия XIX в. «развитие нефтяных промыслов в его окрестностях, множество нефтяных перегонных заводов в городе, развитие пароходства на Каспии, центром которого сделался Баку, и постройка железной дороги до Черного моря изменили Баку до неузнаваемости» (См. материалы сайта-энциклопедии «Наш Баку». URL: <http://www.ourbaku.com>). Ни один город России не развивался так быстро: «Ни один населенный пункт России по темпам и своеобразию роста не мог тягаться с этим малозаметным в прошлом городком. Обладавший богатейшими нефтяными ресурса-

ми, в разработку которых вкладывались огромные капиталы отечественных и иностранных фирм, Баку находился в то время в состоянии большого экономического подъема» [Фатуллаев, 1978, с. 7]. В данном замечании специалиста по истории архитектуры важно подчеркнуть отмеченное автором не только количественное, но и качественное (*по темпам и своеобразию роста*) преобразование города, в случае Баку ставшее в историко-литературном смысле в пореволюционный и послереволюционный период настоящим преосуществлением.

Если следовать типологии «городов как текстов» Ю.М. Лотмана, то Баку явно относится к эксцентрическим топосам: «Говоря о городе как пространстве, Ю. М. Лотман выделяет два вида города: концентрический (находящийся в центре, город на горе, тяготеющий к замкнутости, выделению из окружения, которое воспринимается враждебным) и эксцентрические (расположенные на периферии культурного пространства, имеющие в основе противостояние природы и культуры, тяготеющие к разомкнутости, культурному диалогу) [Деткова, 2009, с. 64].

Мифопоэтический потенциал архитектуры и ландшафта – семиотическая аксиома, фигурирующая во всех без исключения работах по локальному тексту. Но что крайне интересно – именно архитектура Баку часто становится отправной точкой для размышлений о его культурном своеобразии [Фатуллаев, 1978; Дариева, 2011], в то время как (об этом уже упоминалось) Бакинский текст как литературное и лингвокультурное явление пока не описан. Так, Цыпылма Дариева, антрополог, профессор факультета гуманитарных и социальных исследований Цукубского университета (Япония) в статье «Стерилизуя публичное пространство? Бакинская набережная как променада истории» отмечает, что именно в период нефтяного бума на рубеже XIX – XX вв. и начале XX в., когда «поднялись роскошные по тем временам жилые дома, появились электричество, телефон, лифты» [Джуварлы, 2001, с. 385], сносятся крепостные стены Старого города: «теперь город смотрел на Каспий с широкого и открытого бульвара». «Дух европейской урбанистической открытости» [Дариева, 2011] преобразует концентрический, ориенталистски замкнутый, закрытый тип организации городского пространства в эксцентрический, разомкнутый, мультикультурный.

Как писал в 1918 году английский журнал «Near East», «Баку – это величайший нефтяной центр мира. Если королева – нефть, то Баку – ее трон» (цит. по: [Султанов, 2004, с. 24]). Нефть становится причиной и стимулом не только экономического, но и культурного процветания, позволившего данной фронтальной территории, как Крыму, на многие годы стать местом «переплетения множества мощных историко-культурных парадигм». По словам Чингиза Гусейнова, писателя, профессора МГУ, «Баку – особый, ни на что

не похожий сплав. Баку был городом нефти, питал ею всю Россию, а потом и СССР. Потому и сформировалось такое мощное, необычное явление» [Бакинский феномен, 2007].

В результате образуется уникальный фронтирный локус, в котором отмеченные разнообразными по времени возникновения, мировидческой, эстетической, этнической и религиозной направленности культурные потоки, создав неповторимое духовное и антропологическое единство, вступили в резонанс с социально-географически-экономико-политическим фактором нефти. «Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [Лотман, 1996, с. 282], и, безусловно, в случае Бакинского текста таким «стыковочным» кодом, цементирующим пространство вербально выраженной эстетической рефлексии о Баку, является образ нефти.

Если в общем контексте поэзии Серебряного века нефтяная тематика, в целом периферийная в общей содержательной топике литературы данного периода, в основном служит реализации идей технолатрии и технического утопизма, то в рамках Бакинского текста, в котором образ нефти обретает мощное солирующее звучание, данный концепт получает более разнообразные и глубокие семантические аранжировки в русле двух ведущих направлений интерпретации – социального и метафизического, первое из которых берет начало в материально-экономической, второе – в ландшафтно-геологической атрибуциях анализируемой реалии.

Обе эти атрибуты сквозного, пронизывающего все без исключения грани эстетической рецепции Апшеронского полуострова как нефтяного топоса четко обозначены поэтом С. Городецким, после установления в 1920 г. советской власти в Баку ставшим заведующим художественным отделом Баккавроста: «Городецкий был убежден, что Баку требует к себе внимания поэтов и художников. «Героиня топливного сердца Федерации, мрачный пафос разрушенных промыслов, медленно нарастающее торжество возрождения нефтепромышленности, хотя бы первые вышки «Ленин» и «Троцкий», построенные революционными рабочими на фоне общей разрухи, не говоря уже о пейзаже Апшерона, о таких его романтических уголках, как индусский храм огнепоклонников в Сураханах, дремлющий среди вышек и цистерн, – все это подлинная и еще никем не написанная картина и поэма», – писал он» [Горбунцов, 2003].

Если говорить о поэзии самого С. Городецкого, то «начиная с 1919 г. через все виды его творчества проходит тема нефти и нефтяников» [Там же]. В Баку он написал стихотворный цикл «Алая нефть» (о рабском тру-

де на нефтяных промыслах), а в 1920 г. под таким же названием вышел небольшой поэтический сборник, куда вошли стихи пролетарских поэтов Георгия Астахова, Сергея Городецкого, Михаила Запрудного, Алексея Кручных, Константина Юста. Говорящее название цикла Городецкого и коллективного сборника символизирует не только цвет крови, в прямом и в переносном смысле проливаемой рабочими в их изнурительном труде и классовый борьбу, не только цвет революции, который теперь окрашивает все вокруг, что имеет отношение к трудовым и боевым свершениям, но и цвет романтики социальных преобразований. Так, об этом красноречиво свидетельствуют заглавия стихотворений: «Красной винтовкой», «Красный галоп» (Г. Астахов); «Энергон», «Деревенская коммуна», «Красная армия», «Пролетарским поэтам», «Промысла» (С. Городецкий); «На алых крыльях», «На баррикадах», «Победим мы!» (М. Запрудный).

В двух, пожалуй, наиболее ценных с художественной точки зрения стихотворениях С. Городецкого об убогой бедности и беспросветности жизни в нефтяных районах Баку «Сабунчи» и «Зых» (данные топонимы и служат названиями произведений) поэт обличает социальную несправедливость:

*Таинственны заросли вышек,
Набухли смолой Сабунчи,
Земля извергает излишек,
Грохочет богатством в ночи.
И прямо созвездиям в очи
Хохочет, собою горда.
И тут же, в домишках, рабочий
Бледнеет от злого труда.
<...>
Когда же земное богатство
Достанется истым живым
И ветер свободы и братства
Разгонит удушливый дым?*

Вечное контекстуальное партнерство *нефть* – *богатство*, столь актуальное, как мы показали выше, для семантического развертывания концепта *нефть* в современном медиадискурсе, символизирует социальную несправедливость, в пролетарской парадигме преодолеваемую в праведной борьбе: *Мы скоро проснемся. И все как один!*

В творчестве С. Городецкого впервые (в пьесе «Тартальщик» и стихотворении «Зых») употребляется в художественной речи устаревший профессионализм *тартальщик*, имеющий азербайджанское происхождение (от тюрк. *tartmaq* – тащить, вытаскивать). С.П. Кошечкин в книге «Весенней гул-

кой ранью...: Этюды-раздумья о Сергее Есенине» упоминает следующий диалог С. Есенина и редактора газеты «Бакинский рабочий» П.И. Чагина, с которым поэт дружил в Баку: – Знаешь, кто такой тартальщик? Есенин покачал головой. – Это тот, кто добывает нефть с помощью специальных ведер (желонки – О.О.). Нелегкое, должен сказать, дело» [Кошечкин, 1984, с. 188].

Почетным тартальщиком Грозненских Промыслов был объявлен В.И. Ленин, смерть которого подвигла одного из рабочих на создание следующих строк [В.И. Ленин в поэзии рабочих, 1925, с. 14]:

*Нефть сегодня жирней и черней.
Тартальщики стиснули зубы.
Желонки кричат о разорванном дне
И плещутся нефтью грубо.
Пена бежит желтоватой каймой.
Заслонки в заржавленной пене
И видится взгляду по нефти густой
Знакомое имя: Ленин...*

Данный текст, написанный непрофессиональным литератором, крайне интересен приписыванием нефти качества «революционности» (ср. с приводимыми ранее строками Городецкого: *И как нефть под песками, / накопает желанье / встать под красное знамя / мирового восстанья*). В развернутом олицетворении нефть и вся атрибутика ее добычи «переживают» утрату вождя вместе с добытчиками, выражая накал чувств в интенсивности собственных полезных свойств (*жирней, черней, густой*), экспрессивности действий (*Желонки кричат и плещутся нефтью, пена бежит*) и состояний (*о разорванном дне, заслонки в заржавленной пене*). В искреннем порыве сопричастности нефть и инструменты нефтедобычи обретают высшее свойство человеческого выражения мысли – обретают дар речи, причем как устной (*Желонки кричат о разорванном дне*), так и письменной (*И видится взгляду по нефти густой / Знакомое имя: Ленин...*). Такая наивысшая степень поэтического антропоморфизма соседствует с революционным пантеизмом (имя вождя мистическим образом проявляется на нефтяной глади) и космогоническими иррациональными прозрениями (см. у Городецкого: *Таинственны заросли вышек; Земля... грохочет богатством в ночи; И прямо созвездиям в очи хохочет, собою горда*).

Так анималистический миф, свойственный концепции технического утопизма (нефть – пища для животного – машины), в уникальном средосплетении Бакинского текста, синтезировавшего революционные эстетическо-философские искания, геологические мифологические рефлексии и космогонические интуиции, постепенно претворяется в творчестве мастеров поэти-

ческого слова в концепцию индустриального покорения новым человеком нефти как покорения мироздания.

Неповторимые грани данная концепция обретает в «бакинских стихах» двух вершинных поэтов пореволюционной поры – С. Есенина и В. Маяковского. У обоих стихотворцев наличествует вульгарно-материалистическое, сугубо идеологическое толкование нефти как источника экономической мощи и военной силы молодого Советского государства. Мы здесь имеем в виду «1 мая!» 1925 г. С. Есенина и «Баку» 1927 г. В. Маяковского.

П.И. Чагин вспоминает: «Одним из самых примечательных дней в бакинский период жизни Сергея Есенина был день 1 мая 1925 года. Первой того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых рабочих поселков, а затем – рабочие, народные гулянья... Он уже с полгода как жил в Баку. Часто выезжал на нефтепромыслы, в стихию которых, говоря его словами, мы его посвящали. Много беседовал с рабочими, которые знали и любили поэта» [Чагин, 1986, с. 162]. Впечатления от празднования поэт отразил в стихотворении, представляющем собой стилизацию под развернутый кавказский тост. Бокалы поднимаются отдельно в каждом четверостишии-тосте *за Совнарком, за рабочих, за крестьян*, но предваряет эти тосты общая установка: *Мы пили за здоровье нефти*. Кроме типичного по отношению к нефти тропического переноса – олицетворения, в данной строке мы видим предписанный речевым этикетом обязательный компонент поздравительного тоста – пожелание здоровья. Содержание поздравительных эпидейктических высказываний «всегда связано с настоящим моментом, но при этом предполагается обсуждение предмета речи в будущем, с целью его позиционирования в социальном и нравственном опыте языковой личности. Эпидейктическая речь – «указывающая», обращенная к внеязыковой действительности, дает представление о нравственных ценностях» [Шаталова, 2009, с. 9]. Пожелание персонифицированной сырьевой субстанции здоровья, под которым подразумевается, видимо, ее количество и качество, а также доступность для добычи, не только возводит нефть в ранг высоких социальных, а главное – нравственных ценностей, но и предлагает ее в качестве залога и фундамента благополучного будущего рабочих и крестьян в обновленной Советской стране.

Средоточием военной и экономической мощи, символом мировой классовой борьбы и глобального геополитического противостояния выступает нефть в стихотворении В. Маяковского 1927 г. Первая часть произведения построена на контрасте внешне непривлекательного (с точки зрения и природного, и культурного ландшафта) пролетарского Баку (*На лужах и грязь, / берег покрывшей, / в труде копошится / Баку плоскокрыший*), един-

ственное сомнительное достоинство которого – нефтяное изобилие (*Стой / и нефть таскай из песка – / тоска!*), и красот буржуазной картинки – *Сицилии*, где *сицилийки, финики, пальмы*. Однако Детердинг – английский нефтяной магнат, ведущий борьбу против советской власти, предпочитает красотам Сицилии нефтяной Баку: – *На кой они хрен мне, / финики эти?! / Нефти хочу! / Нефти!!!*

Вторая часть стихотворения посвящена ответу на вопрос: *Это что ж за такая за нефть?* Далее со свойственными поэтике Маяковского назидательно-дидактическом пафосом, иллюстративной наглядностью и доказательностью описываются преимущества нефтяного топлива в военноморском деле: *те, / кто на нефти, / с эскадрой придут / к вражьему берегу / вдвое скорей; Уголь / чертит опасности имя... / Нефть – это значит: тих и бездымен*. Рисуются фантазмагорические картины будущих технических свершений: *танки попрут на бензине; аэрокрылья расставив врозь*. Однако постепенно от сугубо военно-технологических достоинств художник переходит к социально-политическим, обобщая: *Нефть – / это значит: / владыка нефти – / владелец морей / и держатель власти*.

Так впервые в русской поэзии утверждается тождество, под знаком которого пройдет вся новейшая история. Обрамляющие типичную для Маяковского короткую «рубленную» строфу «сильные» лексемы представляют символическое и ассоциативно-семантическое сопряжение *нефти* и *власти* через обыгрывание, в том числе с помощью паронимии (*владыка – владелец – власть*), различных степеней и обертонов семантики обладания властью. Все три слова восходят к глаголу *владеть* (ст.-слав. *власти*), но, как отмечает Л.П. Дронова, *владыка* отличается от *владельца* и стилистической, книжной, окраской, и усилением семантики «полноты власти тех, кто господствует, правит» [Дронова, 2003, с. 172]. *Держатель* же вообще указывает на семантически неполнозначный признак, требующий обязательного восполняющего генитива (*держатель власти*). Поэтому мы наблюдаем своеобразную «обратную градацию» – тот, кто владеет нефтью, обладает большими властными полномочиями, нежели тот, кто владеет морями и властью как таковой. При этом эти «три власти» различаются и качеством властвования: *владыка*, во-первых, повелевает, исполняя собственную волю, во-вторых, власть его, как правило, обладает качеством верховной истинности, сакральности (ср. *Владыка небесный* как перифрастическое обозначение *Бога*). Таким образом, *владыка нефти* оказывается более полномочным и истинным, вернее, *владычество над нефтью* является подлинным и единственным условием политического и социального господства в мире.

Стимулируемая уникальной социокультурной ситуацией Баку 1920-х социальная теология нефти получает мощное развитие в других «бакин-

ских произведениях» Есенина («Стансы») и Маяковского («Баку» 1923 г.). При всей демонстративной разнице субъективного эстетического восприятия Баку как локуса и топоса (для Есенина это почти желанная Персия, он пишет здесь свои блистательные «Персидские мотивы», создает ностальгическое «Прощай, Баку! Тебя я не увижу», для Маяковского же это город *песка, пожаров, плосковерхих крыш, где никто не селится для веселья*) нефть как основа новой религиозности, религиозности социального и материалистического толка, фигурирует в произведениях обоих художников:

У Маяковского:

Жирное пятно в пиджаке мира.

Баку.

Резервуар грязи,

но к тебе

я тянусь

любовью

более –

чем притягивает дервиша Тибет,

Мекка – правоверного,

Иерусалим –

христиан

на богомолье.

У Есенина:

«Смотри, – он говорит, –

Не лучше ли церквей

Вот эти вышки

Черных нефть-фонтанов.

Довольно с нас мистических туманов,

Воспой, поэт,

Что крепче и живей».

Обращает на себя внимание факт употребления обоими поэтами сравнительных конструкций (*более чем; не лучше ли*), в которых «большой правдой» – при том, что в обоих контекстах и в помине нет воинствующего атеизма! – обладают нефтяные реалии, приобретающие качество сакральности. Так неприглядный нефтяной город, описываемый перифразами с эпитетами брезгливости и отвращения (*жирное пятно в пиджаке мира, резервуар грязи*), и хтоническая цветовая (*черных*) и символическая (*фонтаны нефти* бьют из-под земли) атрибутика нефтедобычи сравниваются с топикой и атрибутикой религиозной. В стихотворении А. Жарова «Город нефти» (1930

г.) синкретизм религии и нефтедобычи, возведение нефтедобычи в ранг новой религии материализуются с помощью чередования омонимов: *Божьим промыслом благословенным / Нефтяные снятся / Промысла...*

В случае Маяковского теологическое сравнение приобретает черты интимно-личностного откровения за счет употребления коллокации *тянусь любовью* (вне контекста она однозначно прочитывается в интимно-лирическом значении) и развернутого перечисления номинаций последователей различных мировых религий и священных паломнических мест (*дerviши – Тибет, правоверные – Мекка, христиане – Иерусалим*). У Есенина же на первый план выступает волнующий его во время написания стихотворения вопрос о достойных темах преломления поэтического дара: о чем должен писать поэт – о *мистических туманах* или о *крепкой и живой правде жизни*, воплощением которой служит нефть и ее добыча (*В стихию промыслов нас посвящает Чагин*).

Контрастны у двух поэтов и разрешения смыслового посыла религиозно-нефтяных сравнений. Маяковский продолжает аллегорическую «псевдолюбовную» линию в свойственной для него манере представления мира «проникнутым подавляющим эротизмом» [Большухин, 2009, с. 243], приписывая неутолимую любовную жажду по отношению к нефтяному городу машинам (*По тебе / машинами вздыхают / миллиарды / поршней и колес. Поцелуют и опять / целуют, не стихая, / маслом, нефтью, / тихо / и взасос*), цистернам (*...цепью сцепивших тел / льнут / к Баку / покорно / даже змеи / извивающихся цистерн*).

Фетишизация и эротизация нефти, как и угля, оказалась устойчивым культурным кодом советского поэтического дискурса. Приведем поочередно примеры из стихотворений под названием «Баку» М. Герасимова (1929 г.) и С. Обрадовича (1930 г.):

*И сразу становлюсь я бодрым,
Все мускулы волнует дрожь,
А надо мной
Фонтаном гордым
Струится маслянистый дождь.
Сжимаются упрямо губы,
И взоры острые горят:
Подземные
Скорей по тубам
Хочу я выкачать моря.
Чтоб крыльями зарю измерить
И выше в небеса взлететь,
Хочу,*

*Чтобы из всех артерий,
Как гейзер,
Прорывалась нефть.*

*Впиваясь, над щедрой землей
Чуть всхлипывают насосы,
Как жадные губы ребенка
Над материнской грудью.
И жарче девичьих бедер
Волнуется нефть, задыхаясь.*

В данных описаниях экспрессивный накал физиологических, чувственных, телесных переживаний лирических героев столь высок, а их экстатическое желание обладать, сравниваемое с утолением физиологических инстинктивных потребностей, столь сильно и необузданно, что изображение нефти как объекта устремлений и субъекта тропических трансформаций (*жарче девичьих бедер волнуется нефть*) шокирует читателя как нарушение табу и эстетической нормы.

Вернемся к «Баку» Маяковского. Финал стихотворения, несмотря на исключительно частотную для образа нефти метафору кровообращения (ср. у Есенина в «Балладе о двадцати шести» (1924 г.): *Нефть – как черная кровь земли*), исполнен пророческой социальной правдой: *Если в будущее / крепко верится – / это оттого, что до краев / изливается / столицам в сердце / черная / бакинская / густая кровь*. Благополучное будущее столиц, метафорически отождествляемых с сердцем, основывается на постоянном притоке в них бакинской высшего качества (*черной и густой*) нефти.

Есенин же изображает аллегория иного рода – своеобразный синкретизм индустриального пантеизма и космогонической антропологии:

*Я полон дум об индустриальной мощи,
Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил –
Нам на земле
Устроить это прощье.*

Нефтяной переворот заставляет поверить в сверхчеловеческие возможности земного жизнестроения, отсюда мотивы богоборческого противостояния фундаментальным законам мироустройства, даже – *небесным светилам* (*...фонари прекрасней звезд в Баку*).

Как видим, социальная парадигма осмысления темы нефти в бакинском тексте развивается в сторону тех или иных форм новой религиозности, будь то революционный или технический неопантеизм или богоборческое утверждение абсолютной человеческой воли.

Несколько иное развитие приобрела нефтяная тема в контексте метафизического направления интерпретации. Мировидческими основами выступают здесь идеи натурфилософии, эстетическими – категории мифопоэтики, а референциальной областью – ландшафтно-географические, геологические, климатические и иные природные факторы.

«О нефти на Апшеронском полуострове упоминал еще Геродот. Можно вспомнить версию о том, что Баку... был центром зороастризма, а нынешняя Девичья башня – святилище семицветных огней» [Джуварлы, 2001, с. 385]. По этой причине приметы присутствия и добычи нефти на Апшероне – естественная прототипическая составляющая пейзажа, как хлебные поля в центральной России или тайга в Сибири. Составляющая, которая зачастую используется в качестве художественной детали, придающей достоверность и экзотический колорит описанию местности: *И гордо стоят нефтяные столпы / На Биби-Эйбуге* (В. Брюсов, «В Баку», 1916 г.); *Выходит нефть... из ноздреватой почвы Апшерона* (В. Луговской, цит. по: [Леонов, 2003, с. 33]).

Непосредственное, сродни живописному, импрессионистическое восприятие пейзажа и ландшафта, как отмечают исследователи, было присуще и В. Хлебникову: «взгляд поэта выхватывает из реального мира то, что важно ему сейчас, то, что вторит его настроениям. Малое, песчинка мироздания становится главным, основой для понимания сакрального смысла бытия» [Степаненко, 2011, с. 162]. Естественное свойство нефти – горючесть, способность с легкостью превращаться в огонь – стало для мистически и эзотерически настроенного поэта главным эстетически отмеченным признаком Азербайджана и Баку: «Здесь море и долина Биби-Эйбата, похожая на рот, где дымится множество папирос» (Из бакинского письма В. Хлебникова художнику В.Д. Ермилову [Тартаковский, 1992]). Еще одно символическое упоминание бакинской огненной стихии обнаруживаем в «Досках судьбы»: *Чистые законы времени мною найдены..., когда я жил в Баку, в стране огня... Это было на родине первого знакомства людей с огнем и приручения его в домашнее животное. В стране огней – Азербейджане – огонь меняет свой исконный лик. Он не падает с неба диким божеством, наводняющим страх божеством, а кротким цветком выходит из земли, как бы прося и навязываясь приручить и сорвать его.* Конечно, парадоксальный метафорический образ нефтяного огня – кроткого цветка, жаждущего приручения человеком – совершенно уникальный, и объясняется он, по видимости, край-

не тривиальной «эволюцией художественного ориентализма Хлебникова» [Там же]. Однако типичные ассоциативные партнеры огня – иссушающая жара и зной – становятся главными климатическими характеристиками Баку в поэтическом дискурсе.

Вяч. Иванов, который «в бакинский период своей жизни, занятый научной работой и педагогической деятельностью, написал сравнительно мало стихотворений», так же, как С. Городецкий, не обошел вниманием Зых – «расположенный на берегу Каспийского моря известный пригород Баку, где в начале 1920-х годов интенсивно добывалась нефть» [Гаджиев, 2007, с. 39]. Однако, в отличие от Городецкого, у поэта-символиста преобладает не социальное, а натурфилософское видение данного места. В его восприятии пейзажа доминирует палящий и всеуничтожающий зной, в том числе, видимо, не только солнечный, но и подземный, нефтяной, иссушающий землю и лишаящий ее даже той живой растительности, которая свойственна данной местности: *На Зыхе нет ни виноградной / В кистях лозы, ни инжира: / Все выжжет зной, все выпил жадный... / О Зых, возгорий плоских главы, / Твой остов высохшей змеи.*

Удивительно созвучны лирической тональности стихотворения Вяч. Иванова натурфилософские размышления Давида Бродского – поэта и переводчика, в том числе – с азербайджанского (см.: [Яворская, 2009]). Его «Баку» начинается как пейзажная панорамная зарисовка неприглядного и безжизненно-мертвенного края: *Каспийские воды, что заводь пруда – / Вдоль серых песков не увидишь прибоя / Тяжелым рассолом застыла вода, / И соль нарастает над мертвой водою.* Поэт рисует картину губительной, вызывающей отвращение природы, несущей болезни и разрушение: *В зеленых лагунах клубятся пары; Под теплою гнилью, в бреду малярийном / Толкутся и тонко поют комары. Город взоры слепит белизною больной и пропитан чуждым духом восточного базара: Там – фруктов и тканей восточный разгул. / В азартной толпе величавые персы.*

Вторая часть стихотворения как будто контрастирует с первой: в ней появляется динамика и представленный личным местоимением *мы* лирический герой, который описывает собственные физиологические ощущения: *В раскаленном просторе / Мы ехали молча. Першило в груди.* Казалось бы, традиционную антитезу предвещает и наречие *вдруг*, и перемещение визуального фокуса с унылой горизонталью (*Суглинка бесплодного желтое море / И низкая черная мгла впереди*) на вертикаль (*И вдруг различили мы: частые вышки / Из тьмы подымались, подобно лесам*), несущую надежду на смену пейзажа. Однако поэт применяет прием обманутого ожидания: нефтяная атрибутика не служит украшением удручающего ландшафта, а гармонично

вписывается в него, поэтому поэт вынужден продолжить свой безрадостный список:

*Обуглено солнце, сквозь сумрак неверный
Качаются трубы, и лужи жирны –
В тягучем дыму и гремучих цистернах
Лежали угрюмые Сура-Ханы.
И змеями труб извивались колена.
Их путь по бесплодным суглинкам далек...*

Однако разрешением природно-климатической беспросветности, ее оправданием, внутренней сутью и истинным предназначением оказывается скрытое в недрах нефтяное богатство: *Бурля и мотаясь с размаху, с разгону, / далеко расплескивал кляксы фонтан. / Бесплодный суглинок, сухой и соленый, Каким изобильем ты досыта пьян!* Воображение поэта потрясает этот парадоксальный контраст между отсутствием природной жизни в ее традиционном понимании, мертвенным бесплодием сухой и соленой почвы и агрессивной силой (*с размаху, с разгону*) фонтанирующей нефти. Финал представляет новое видение и пейзажа, и города, поскольку они теперь обретают новый смысл – отдавать изобилие своих недр ради благополучия иных земель и мест. В лексической структуре произведения появляются вкрапления слов положительной оценочности с акцентуацией на сильной выраженности свойства или признака: *изобильем, досыта, одолев, надежные, тяжеловесную*:

*Где зелень лагун и болотные сула,
Удушливо липкую гарь одолев,
Уводят к Батуму надежные русла
Ползущую тяжеловесную нефть.
И город, кипящий зеленою кровью,
В гниющих низинах, над солью сквозной,
Поет, как комар за ночным изголовьем,
У входа в персидский сияющий зной.*

Композиция и лексическая структура текста в результате оказываются кольцевыми: природные и урбанистические реалии, оцениваемые ранее как гибельные и угрюмые, в финале стихотворения, исполняя свое «нефтяное» предназначение, преобразуются. Лексико-семантическая зеркальность начала и финала реализуется в практически дословном лексическом повторе: *в зеленых лагунах – зелень лагун*; в вариативных лексических повторах негативных номинаций жаркого климата (*пары, гарь, обуглено* и т.д.) и деструк-

тивных природных явлений (*соль, гниль*), вплоть до повтора «энтомологической» пропозиции.

По сути, энтомологических образов в стихотворении три, все они связаны с кусающимися насекомыми и неприятным, представляющим для человека опасность свойством роения, скопления: *в бреду малярийном толкутся и тонко поют комары; пчелиным испуганным роем грохочет базарный кипящий прибой; город... поет, как комар над ночным изголовьем*. Если первые два образа призваны вызывать неприятные отталкивающие впечатления и символизируют в первом случае неизбежность, болезненность и отвращение, во втором – бессмысленность и хаотичность, то последний, будучи лексико-семантическим двойником первого, содержательно и аксиологически кардинально меняет полюс. Конечно, во втором случае референт метафоризируется посредством развернутого сравнения (*город, как комар*), однако рой реальных комаров превращается в одного комара, а *тонкое пенie в бреду малярийном*, навязчивое, чреватое болью, страданиями и бессонницей (заметим – *в бреду*), оборачивается *пением над ночным изголовьем*, звуком, привычно сопровождающим спокойный сон. Семантику сна, грез, лучшего иного усиливает последняя строка стихотворения, отсылающая к знаковой для русской поэтической традиции Персии – страны сказок и экзотики (см. об этом: [Алексеев, 2009]).

Так в стихотворении малоизвестного поэта воплотился и развился ключевой мотив метафизики нефти – трагический мотив ее противопоставленности естественной природе при абсолютной ценности для человеческой цивилизации. Нефти приписывается живительная сила, она не преобразует природу, но делает существование природы исполненным предназначением служить человеку. С помощью нефти человек творит новую природу, не случайно в финале анализируемого стихотворения фигурирует не традиционно черная, а зеленая кровь как символ нефтяного города, вокруг которого вообще нет зелени или зелень гнилая и гибельная, но нефть становится его зеленой жизненно необходимой кровью.

Нефть как вожденная субстанция, ради которой человек дерзает вмешиваться в естественный ход вещей, – этот тезис всегда корреспондирует с вечным вопросом о границах дозволенного вторжения человека в природу.

В 1917 г. В. Брюсов пишет стихотворение «Баку»; в нем поэт аллегорически представляет Каспий древним великаном, который в доисторические времена «занимал несравненно большие пространства, соединялся с Черным и Азовским морями, *омывал вековой Арарат*» [Амирханян, 1988], а теперь с высоты тысячелетий оценивает изменения, привнесенные в его жизнь человеком:

*Все здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знал на рассвете природы!*

*Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!*

*Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,
Прыгают ввысь на своих гидропланах!*

*Все ненавистно теперь старику:
Все б затопить, истребить, обесславить, –
Нивы, селенья и этот Баку,
Что его прежние глубы буравит!*

Видевший истоки истории и культуры человечества в доисторических временах, искренне веривший в существование таинственной Атлантиды, убежденный, что «в глубинах человеческого сознания сохраняется генетическая прапамять прошлых воплощений, где человек видит разрушенные миры, неведомые цивилизации» [Воронин, 2011], поэт придает героям и событиям собственного художественного мира поистине эпический масштаб.

Семантика нефти, имплицитно присутствующая в стихотворении, «растворена» в мифологической обращенности автора к древнему былому, к рассвету природы как истоку идеального миропорядка, дерзко нарушенного человеком. Воплощенный в образе героического природного гиганта Каспий не приемлет суетливой мелочности человеческой цивилизации: ср. *речки*, а не реки, *холмы*, а не горы (вспомним, что в первой части произведения фигурирует *вековой Арарат*), с которыми в один ряд однородных членов как нечто весьма незначительное включены *города и народы*. Нам представляется далеко не случайным появление в образном строе стихотворения, во-первых, косвенной отсылки к гипотезе органического происхождения нефти, согласно которой нефть появляется из останков доисторических растений и животных, подробно описанных автором: *лес из безмерных стволов; мастодонтов; ихтиозавров*, а во-вторых, образов вершинных в момент написания стихотворения (1917 г.) технических новаций – работающих на нефти водных

и воздушных транспортных средств: *Режут валы на стальных скорлупах, / Прыгают ввысь на своих гидропланах!*

Экспрессивную ненависть представителя первозданной природы вызывает дерзость человека, позволившего себе не считаться с ее законами, *покинув свой прах*, покорять окружающее пространство, творить новую реальность, символом и средоточием которой выступает Баку – город, живущий за счет древнего Каспия (*Что его прежние глубы буравит!*). Интересно, что деструктивные по отношению к природному первопорядку человеческие действия, означенные глаголами несовершенного вида *режут, буравит* фокусируют семантику неокончательных, но многократных повреждений, в то время как гипотетические агрессивные чаяния *старика-Каспия* эпически глобальны и безапелляционны, что подчеркивается совершенным видом глаголов *затопить, истребить, обесславить*.

Финал стихотворения ярко передает мысль автора о вероломстве современной цивилизации с ее основанным на дерзко отобранной у природы нефти технологическим максимализмом, цивилизации, нарушающей вековые устои природного космоса.

Яркая иллюстрация парадоксального переплетения литературных и человеческих судеб поэтов при парадоксальной разности эстетических решений в их творчестве того или иного художественного концепта – ассоциативно-семантические и мифопоэтические решения образа нефтяного Баку в поэзии В. Брюсова и лирике его ученицы и возлюбленной, незаурядной писательницы и переводчицы Аделины Адалис. «Особенно любила поэтесса столицу Азербайджана. Городу Баку она посвятила большие циклы стихотворений» [Хахам, 2007], написанных в 1930-х годах.

Если для дореволюционного Брюсова, судя по стихотворению «Баку», в отличие от Брюсова послереволюционного (см. предыдущий раздел), проект покорения природы пока представляется не только в оптимистических красках, но как проект противоборства человека и непокорной и бунтующей природы, обуздания и подчинения, то для Адалис, чему вполне вероятно гендерное объяснение, восприятие нефтяной миссии любимого города органично и гармонично. В ее одноименном стихотворении Баку – гордое творение великого *неунывающего* народа, героически возведшего *заветный город на скорлупе, над самым адом, над нефтью, серой и смолой*.

Нефть для поэтессы – средоточие духовной силы города, но для нас значимо, что Адалис говорит о подлинной семантике слова *нефть* (*Пусть для кого-нибудь другого / Нефть значит только нефть... А я – / Я вкладываю в это слово / Глубинный смысл бытия...*). В этом слове заключается суть физических и метафизических превращений, которую может постичь только

посвященный, познавший истинную красоту нефти (*Кто понял радуги павлины / И перламутровую тушь*):

*Тот, превращения законы
Припоминая, видит след –
Свет жизни алый и зеленый
В останках первобытных лет!
Узорных папоротов чащи,
Луч, пролетевший по листку,
Рогатой птицы взгляд горящий
И тяжких ящеров тоску,
Дым океанов, пламя суши,
Где в миллионах темных лет
Горячей нефтью стали души
Тех, чей давно потерян след,
Где под давлением могучим
В геологических пластах
Учились нам служить «горючим»
И страсть, и бешенство, и страх!*

Как видим, в органической гипотезе происхождения нефти поэтесса усматривает мудрые и предписанные природой мироздания при его зарождении в миллионах темных лет *превращения законы*. Как и Брюсов, Адалис, пользуясь приемами визуальной изобразительности, наглядности, описывает доисторические натурфакты, также актуализируя семантику их громадности / глобальности и экзотичной первобытности, обращая взгляд читателя в прошлое и стимулируя его воображение: *Узорных папоротов чащи... / Рогатой птицы взгляд горящий / И тяжких ящеров тоску, / Дым океанов, пламя суши...*

Изысканная, построенная на обыгрывании свистящих и шипящих согласных (*з, ч, щ, ц, ж, с, ш*) звукопись, окказиональное для русского языка усечение *папоротов* (ср. в украинском *папороть*), редуцирующее суффикс не только в ритмически-метрических целях, эпитеты, ярко реализующие коннотативные оттенки (*рогатой, горящий, тяжких*), концентрация лексем семантики горения (*горящий, дым, пламя*) – все это максимально усиливает регулятивное воздействие в сторону эффективности наглядно-образного восприятия рисуемой вербально автором панорамной картины первобытности и *тех, чей давно потерян след*.

Сакральная мудрость и разумность природы заключается в ее устремленности из глубины тысячелетий к претворению доисторических тел и душ в нефть как сырье для существования современного человечества: *Горячей*

нефтью стали души. Нефть представлена и как реальная субстанция, и, напомним, как слово, вместившее в себя души усопших миллионы лет назад, но своею жизнью и плотью теперь претворенные в нефть и горящие ради нового мира. Онтологический цикл и глубинный смысл витальности и бытия в том, что смерть в форме биологических останков претворяется в свет жизни (в контексте особенно знакова колористическая символика (*алый и зеленый*) и экспрессивный синтаксис) современного человечества: *Свет жизни алый и зеленый / В останках первобытных лет!* Ассоциативная сцепка с хлебниковским идеалистическим представлением о нефтяном огне, который *кротким цветком выходит из земли, как бы прося и навязываясь приручить и сорвать его*, здесь очевидна.

Так Аделина Адалис представляет нам, пожалуй, самую гуманистическую и утопическую трактовку нефти для современного человечества. Процесс образования нефти, добычи и применения ее людьми в собственных утилитарных целях трактуется как смысложизненность дикости, тоскующей по цивилизации (*ящеров тоску*), одухотворение мироздания, укрощение звероподобного и первобытного: *Учились нам служить «горючим» / И страсть, и бешенство, и страх!*

Эти императивы согласуются с созидательной теорией эволюционного пути развития мироздания, теорией, созвучной идеям русского космизма о предназначенности человека к «одухотворению» всей Вселенной, к ее морализации и рационализации, о радикальном преобразовании и регуляции природы в высоких гуманистических целях [Парфенова, 2001].

Для Адалис, интерпретировавшей социальную и естественную историю в русле утопического материализма и антрополатрии, человек предстает как венец творения, исток всего осмысленного, гуманного, полезного и целесообразного, как герой, построивший нефтяной индустриальный Баку, укротивший и упорядочивший мрачный хаос первобытных недр:

*Над укрощенной преисподней,
Над миром бури смоляной,
Стоит давно, стоит сегодня
Баку – жемчужный город мой.*

Гордый и сильный человек, покоривший своим творческим созидательным трудом построения города мечты (*жемчужный город*) саму преисподнюю (значим лексико-синтаксический повтор в начале и в конце стихотворения: *над самым адом, над укрощенной преисподней*), становится в результате высшим смыслом эволюционного тысячелетнего развития всей природы, а нефть – необходимым средством этого развития и миссионерским предназначением тех, кто претворился в нефть.

Поведем итоги относительно смыслового развертывания нефтяной тематики в Бакинском тексте первой половины XX в. Уникальная социокультурная ситуация русского фронта в пореволюционное и послереволюционное время вкупе с обусловленной нефтяным бумом стремительной индустриализацией стимулировали формирование и развитие такого уникального литературно-культурного феномена, как Бакинский текст. Фундаментальным цементирующим концептом данного текста выступает концепт *нефть*.

Два направления интерпретации образа нефти связаны с эстетическим осмыслением города как социального и природного ландшафта. Оба направления «в общем русле неомифологической устремленности символизма» [Даниелян, 2002, с. 51] и иных течений литературы Серебряного века и наследующей ей советской поэзии генерировали различные «нефтяные неомифы». Большинство этих мифов стимулированы, в числе прочего, эксцентричным, по классификации Ю.М. Лотмана [Лотман, 1996], характером бакинского топоса и бакинского текста и свойственным ему противостоянием природы и культуры, естественного и индустриального, природы и цивилизации. Это противостояние – примета смысловой структуры произведений Бакинского текста, актуальная до сих пор: *Я, родом из города рыб, погибающих в нефти* – напишет в одноименном стихотворении родившаяся в Баку Инна Лиснянская в 2004 г. Здесь мы видим, как проблема природы и цивилизации преломилась в проблему экологическую, столь значимую для современного нефтяного контекста.

Из иных ведущих неомифологических мотивов, свойственных развитию темы нефти в бакинском тексте русской поэзии, выделим мотив персонификации нефти и отождествления ее с кровью социального самостояния и революции, мотив сакрализации нефти в ее противопоставленности традиционной религиозности, ницшеанский мотив демиургического пересотворения новым человеком мироздания и природы в форме покорения стихии нефти. Безусловно, все эти сценарии имеют множество вариативных аранжировок в творчестве различных художников.

Что же касается современного Бакинского текста, то он плодотворно живет в русской литературе, в частности – в прозе одного из ведущих российских писателей Александра Иличевского. Его романы «Нефть» (2004 г.) и, особенно, «Перс» (2010 г.) – полнокровное и в эстетическом, и в языковом смысле продолжение на новом этапе и Бакинского текста, и нефтяного. Известный литературовед и критик А.Н. Латынина высказалась по этому поводу так: «Много книг написано о том, как ищут нефть и ее добывают, как на ней богатеют, как из-за нее убивают. Но я не помню, чтобы кто-нибудь, кроме Иличевского, ставил вопрос о метафизике нефти. Сам он, правда, уступает приоритет Алексею Парщикову, которому благородно и посвящен роман.

Тема нефти тревожит Иличевского давно, и, возможно, стоило бы тут вспомнить все, что раньше было им на эту тему написано, от романа «Нефть» до десятилетней давности эссе «Опыт геометрического прочтения: «Нефть» и «Долина Транзита» А. Парщикова». Но я боюсь увязнуть. «Метафизика нефти в романе Иличевского» – вообще-то тема специальной филологической работы» [Латынина, 2010]. Думается, что данная тема станет в недалеком будущем предметом многих глубоких научных изысканий и литературоведов, и лингвистов.

4.3. Концепт *нефть* в современном поэтическом тексте: подходы к исследованию

Как мы уже неоднократно отмечали, концепт *нефть* эволюционирует в настоящее время столь интенсивно, что, в геометрической прогрессии наращивая свой миромоделирующий потенциал и количественно (мы имеем в виду огромную плотность вербальной представленности концепта в медиадискурсивном формате), и качественно (через генерацию и детализацию смыслов), она все чаще подвергается глубокому эстетическому осмыслению и переживанию в художественной сфере.

В данной завершающей части работы мы попытаемся, не касаясь произведений т.н. больших жанровых форм (например, поэм А. Парщикова «Нефть» и «Долина транзита», вследствие глубины и сложности семантической структуры требующих отдельного пристального описания), по преимуществу на материале лирических и парапоэтических текстов продемонстрировать некоторые тенденции ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* как художественного вербально-ментального конструкта и формирующейся константы культуры (см. тексты, анализирующиеся в данном параграфе, в Приложении 2).

Закономерно, что современный поэтический дискурс следует, с одной стороны, основным тенденциям описанных выше эстетических рефлексий по поводу нефти, сложившихся в основном в литературе Серебряного века. С другой стороны, огромное влияние на эстетическое интонирование нефтяной тематики оказывает, что очевидно, ее медийная, социально актуализированная интерпретация.

С учетом этих пресуппозиционных установок при пилотном обзоре художественного слова о нефти достаточно четко вычлениваются, соответственно, социальный и метафизический векторы ассоциативно-смыслового развертывания концепта в поэтическом дискурсе при априорной условности их межевой границы, заключающейся в общем для всех эстетических решений нефтяной топики неомифологизме.

Социальный вектор аккумулирует семантические и аксиологические импульсы прошлого и адаптирует их к реалиям настоящего. Один из таких ретроспективных импульсов – примитивизированная и лубочная вариация на тему нового сверхчеловека, с помощью собственных гигантских героических усилий и технического прогресса покоряющего сопротивление суровой природы, ярко иллюстрируемая, например, лозунгом В. Маяковского 1929 г. для журнала «Даешь»:

*Нефть
не добудешь
из воздуха и ветра.
Умей
сочетать
практику и разум.
Пролетарий,
даешь
земным недрам
новейшую технику
и социалистический энтузиазм.*

Отголоски данной традиции до сих пор звучат в славословных производственных гимнах героизму и мужеству труда в нефтяной отрасли: *Как не легка первопроходцев доля! / Какой ценой достались газ и нефть! / Но одержимость, мужество и воля / Позволили им все преодолеть* (Чернобровкина Л. К 65-летию Ханты-Мансийского автономного округа. URL: <http://www.oilru.com/sp/20/859/>).

После периода индустриализации вплоть до конца 1990-х тематически сфокусированно о нефти из больших поэтов написал и спел только В.С. Высоцкий. Два написанных в 1972 г. и не слишком известных широкой публике произведения – песня «Тюменская нефть» и стихотворение «Революция в Тюмени» – входят в состав т.н. «профессиональных» песен Высоцкого, в которых лирическими героями становятся «люди, реализующие свой внутренний потенциал в «трудных» профессиональных призваниях, где в экстремальных положениях испытываются на прочность их личностные качества, межчеловеческие отношения. Это моряки, геологи, альпинисты, шахтеры, спортсмены» [Ничипоров, 2003, с. 73], а в нашем случае – нефтяники.

Предыстория создания песни «Тюменская нефть» – вдохновивший Высоцкого сюжет победы человеческой профессиональной веры, дерзости и упорства над косностью и боязливой осторожностью начальственных решений. Прототипом лирического героя и первым слушателем «Тюменской неф-

ти» стал геолог Фарман Салманов, который открыл тюменскую нефть вопреки мнению ученых, записавших Сибирь в неперспективные регионы (См. об этом: Лаэртский А. Скважина лупит по всем правилам // Известия. 2004. 29 мая. URL: http://laertsky.com/sk/sk_111.htm): *И дали заключение в Академии: / В Тюмени с нефтью – полная труба!*

Декларативная иронично-сатирическая тональность позволяет автору посредством игры с различными – прямыми, метафорическими, символическими, фразеологически связанными – значениями слова (как в приведенных выше строках – идиома *полная труба* в подтексте актуализирует образ нефтяной трубы) вплетать в на первый взгляд шуточно-несерьезное лирическое повествование символические смыслы нового социального мифа. Так, в анализируемых произведениях масштабно и объемно за счет использования метафорических номинаций сакральной и социальной власти (*Нет Бога нефти здесь – перекочую я: / Коль Бога нет – не будет короля!..*) героизируется образ человека-титана, поднимающего революционный мятеж против самой природы, которая сопротивляется людскому вероломству (*Но есть сопротивление пластов, / И есть, есть ломка старых представлений*).

Неоязыческие пантеистические образы жертвоприношения (*И что за революция – без жертв, / К тому же здесь еще – без человеческих?*), пускания крови (*Я счастлив, что, превысив полномочия, / Мы взяли риск – и вскрыли вены ей!; Земле мы кровь пускаем – ну и что ж, – / А это ей приносит облегчение*), ритуальных экстатических омовений и танцев (*И бил фонтан и рассыпался искрами, / При свете их я Бога увидал: / По пояс голый, он с двумя канистрами / Холодный душ из нефти принимал. // И ожила земля, и помню ночью я / На той земле танцующих людей...*) символизируют неомифологическое социальное богоборчество и антрополатрию, уравнивание покорившего природу человека с богом и ниспровержение старых тотемов: *В болото входит бур, как в масло нож. / Владыка тьмы, мы примем отречение!; В нас вера есть, и не в одних богов!..*

Социальная и технологическая революция, символизируемая освобождаемой в целях благородного служения человечеству нефтью, воспринимается Высоцким как естественный ход вещей, победа нового над старым, освобождение ранее зажимаемого и сковываемого: *Болит кора Земли, и пульс возрос, / Боль нестерпима, силы на исходе, – / И нефть в утробе призывает – «SOS», / Вся исходя тоскою по свободе.*

Оптимистический социальный миф о нефти, жаждущей свободы в темнице недр (у Высоцкого – *в утробе*), и гордом человеке, героически дарующем эту свободу, оказался эстетически ущербным вследствие явно ощущаемого языковым и поэтическим чутьем современного читателя диссонанса данного мифа с реальной действительностью, ложности и неестественно-

сти его идеологического пафоса. И если у гениального Высоцкого данный миф «зашит» в смысловую структуру произведений пусть не первого порядка, но отражающих острые социофилософские и политические проблемы и поэтому актуальные и содержательно полноценные, то в парapoэтических текстах развертывание сюжета нефтяного освобождения выглядит до смешного абсурдно.

Так, например, любопытный образчик несуразного смешения разностилевых и разнокультурных элементов в любительской поэзии представляет собой «Легенда о нефти» режиссера и сценариста Ирины Барсуковой, опубликованная в журнале «Профессиональные праздники» (2008. Вып. 6 /73/). Легенда построена на вольной интерпретации огромного количества гетерогенных мифообразов: космогонических (*небо, земля, Луна, Солнце, Сияя мириадами светил*), шаманских (*И духов злых шаманы заклинали, / И в бубны били, били у костров*), библейских (*ангелы, трубный глас*), о подземном мире (*заветный клад, темная бездна, чертоги, подземные окна*), о плененной деве (*Нефтия, дева, красавица, принцесса*), о сверхчеловеке, покоряющем природу:

*И покоряется ему Природа-мать!
И открываются чертоги вековые,
И в муках извергается Земля,
И из глубин ее рождается Нефтия,
Свою безумную свободу обретя!*

Чтение данного произведения, кроме гедонистического релаксационного эффекта от развлекательно-юмористического воздействия смехом, который М.М. Бахтин называл очистительным, подтверждает нашу гипотезу о принципиальной неприменимости к нефтяной тематике жизнеутверждающей символики и метафоры.

Поэтому за внешним позитивным мироощущением в песнях Высоцкого, в том числе – о нефти, всегда стоит трагедия. Как отмечает И.Б. Ничипоров, «стихи-песни Высоцкого характеризуются напряженной, трагедийной, часто балладной сюжетной динамикой, острой конфликтностью, исповедальной пронзительностью, что отразило общую направленность эволюции авторской песни – от романтических истоков 1950-х гг. к последующему усилению трагедийного звучания и социальной остроты в творчестве бардов 1970 – 80-х гг.» [Ничипоров, 2008, с. 20]. Думается, что двойные, с одной стороны, шутивно-оптимистические, а с другой – воспевующие создание через деструкцию, ниспровержение и разрушение, а следовательно, чреватые трагедией, смысловые пласты произведений Высоцкого знамену-

ют и предсказывают эсхатологический сюжет глобальной современной «нефтяной драмы».

Отголосок такого предсказания мы с удивлением обнаружили в поэме Е. Евтушенко 1985 г. «Фуку!» (слово, обозначающее на диалекте рабов, некогда вывезенных из Африки, табу на произнесение имени, в частности, имени Колумба, который, как считают в Латинской Америке, принес на континент много несчастий, и, если произносить его имя, несчастья могут повториться). Сам поэт охарактеризовал ее как «коктейль жизни, состоящий из трагедий, любви, страданий, революций, войны и мира» [Ольбик, 2006], и одной из трагических страниц новейшей истории Венесуэлы автор представляет нефтяной бум:

*Странной, уродливой розой из камня
ты распустился на нефти,
Каракас,
а под отелями
и бардаками
спят конкистадоры в ржавых кирасах...
Внуки наставили нефтевышки,
мчат в лимузинах,
но ждет их расплата –
это пропарывает
покрышки
шпага Колумба,
торча из асфальта.*

Противоестественность и уродливость города, расцветшего на нефти (Ср.: *Нефтяной бум конца XX века вызвал беспрецедентный рост Каракаса – многие старые кварталы стали современными районами небоскребов, а узкие улочки превратились в типичные для стран региона «авениды» и «калье»* (Из электронного путеводителя. URL: <http://www.panam.ru/main/venezuela/10.html>)), по мрачной деструктивности весьма созвучна жестокой колонизаторской политике. Внуки конкистадоров, продолжая безжалостно эксплуатировать природные ресурсы завоеванных территорий (*Внуки наставили нефтевышки, / мчат в лимузинах*) неминуемо обречены на драматическую расплату, причем символическую месть и упадок несут строителям нефтевышек отнюдь не аборигены, а последствия несправедливых поступков их предков (*шпага Колумба*).

Осознание тотальности и глобальности нефти как главной детерминанты жизни человечества также получает в новейшем искусстве, не только в поэзии, различные манифестации. При этом в большинстве случаев,

при всей разности кодов и языков различных видов искусства, родов и жанров, символический смысл эстетического месседжа демонстративно нагляден, что говорит о сформированности и сформулированности транслируемой идеи.

Близкий метареализму поэт и прозаик Андрей Тавров в романе 2009 г. «Матрос на мачте» так выражает эту идеологическую и философскую позицию: *Мне иногда кажется, что мы бы взяли и все разом застрелились от тоски, если бы не нефть. Странно, все делают вид, что ими управляют какие-то понятия или этические принципы, а Церковь делает вид, что ей управляет любовь да Бог, а родители, что желание добра для детей, а на самом деле всей нашей необъятной страной и всеми ими в отдельности управляют перебродившие под землей останки органических существ, которые и жили-то такую прорву лет назад, что их считай что и нет, но нам не важно, что они там делали на земле тогда, а важно, что это теперь – нефть. Они говорят про любовь и справедливость, глобализацию и справедливость, про карьеру и мир, про свои принципы и этику, а мне нестерпимо за них всех стыдно, потому что на самом деле они говорят про нефть, которая движет ими всеми. Говорят, страна переживает взлет, ура правительству и президенту, всем стало жить богаче, верный курс, правильные идеи, а мне хочется плюнуть им в их бесстыжие глаза, потому что если бы не нефть, непонятно, о каком мудром правлении можно было бы сейчас говорить...*

А это отрывок из монолога сатирика Михаила Задорнова «Правда – в стихах»: *Во-первых... Почему песня о зайцах – про всех нас? Вдумайтесь в слова. «В темно-синем лесу, где трепещут осины...» – классный образ! Наша Россия! «Где с дубов-колдунов опадает листва...» – взгляните в наших лысеющих «слуг народа», которые только и делают, что колдуют над финансовыми схемами. «Косят зайцы траву...» – это мы, россияне... И «зайцы» не выходят на улицы, чтобы поставить перед дубами-колдунами вопрос ребром: «Если национальная идея страны – не любовь, а нефть, и эта нефть все время дорожает, и по телевизору нам каждый день с гордостью докладывают, как прибыло в бюджете, то где все это?» <...> Впору закричать: «Помоги мне, помоги мне! Сердце гибнет!» А помогать никто не будет, потому что всем уже «все равно»! А дальше? Вдумайтесь, «в огнедышащей лаве» – это же речь идет о нашей ... нефти! Причем, «в огнедышащей лаве любви» – о любви к чему? Видимо, к нефти.*

Оба фрагмента из кардинально различных по жанровой принадлежности текстов двух авторов, приверженных, по крайней мере, очень разным, если не противоположным, литературным методам, обнаруживают удивительную общность словесно-образной структуры. Это прямые вербальные репрезентанты концептов *Родина (нашей необъятной страной; Наша Рос-*

сия!), *власть (ура правительству и президенту; о каком мудром правлении; наших лысеющих «слуг народа», которые только и делают, что колдуют над финансовыми схемами)*, *национальная идея как нравственный императив (что ими управляют какие-то понятия или этические принципы; правильные идеи)*. В обоих текстах оппозитивно противопоставлены «мы» (россияне) и «они» (представители власти), а главная вина последних видится в насильственной подмене истинных нравственных ценностей (*любовь да Бог; желание добра для детей; любовь и справедливость, глобализация и справедливость, карьера и мир*) деструктивной антиценностью и продуктом смерти в прямом и переносном смысле этого слова – нефтью (*перебродившие под землей останки органических существ, которые и жили-то такую прорву лет назад, что их считай что и нет, но нам не важно, что они там делали на земле тогда, а важно, что это теперь – нефть; огнедышащая лав*). Контекстуальная антонимия *любовь – нефть* обретает глобальное общечеловеческое высокое драматическое звучание, даже в сатирическом контексте.

Удивительные переключки лексико-семантических полей *нефть* и *литература* находим в высказываниях писателей разных «нефтяных» эпох. Так, имажинист Анатолий Мариенгоф во время постреволюционного нефтяного бума все-таки отдает нравственное и смысложизненное преимущество литературе: *Если бы меня спросили, что в жизни необходимей – хлеб, нефть, каменный уголь или литература, я бы, не колеблясь, ответил – литература. Это понимают еще немногие* (URL: <http://funeral-spb.ru/necropols/bogoslovskoe/marienhof/>). В то время как наш современник писатель Захар Прилепин говорит о том, что *на встрече с Владимиром Владимировичем Путиным решил не задавать вопрос о судьбах русской литературы, с которой мне более или менее все понятно. Я сказал, что у российского писателя душа болит за все, и помимо литературы меня интересует такая вещь, как нефть* (URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/816027-echo/>). Здесь уже нефть выступает как главное мерило жизни, то, что волнует и интересуется более, чем хлеб духовный.

Подобные образные параллели мы можем наблюдать и в современной живописи, также по-новому переосмысляющей искания и находки авангардного искусства. Так, Андрей Молодкин – последователь революционного радикализма Малевича – «переосмысляет классический «Черный квадрат», наполняя его – и в фигуральном и в буквальном смысле этого слова – новым, актуальным сегодня содержанием. Его работы – прозрачные пластиковые сосуды, в которые по трубам поступает зловещего черного цвета нефть. Вот он – символ новой эпохи, вот он – новый черный квадрат (см. рис. 4).

Рис. 4. Нефтяной «Черный квадрат» Андрея Молодкина – современное переосмысление иконы авангарда

«Я занимаюсь нефтью как главным языком, политическим языком, на котором говорит Россия, на котором говорит мир. Нынешняя икона», – поясняет Молодкин. «Такой низкий материал, как нефть, которого почти никто и в глаза-то не видел. Но все о ней говорят и постоянно помнят. Это такой виртуальный образ, Бог такой. Бог индустрии, или кровь ее. Кровь глобализации» [Кан, 2007].

Смысловая лексическая / семиотическая парадигма *Бог – нефть* приобретает в современном художественно-эстетическом дискурсе статус культурной универсалии. В начале постнищсеанского XXI столетия место умершего Бога занимает нефть: «*Бог умер!*», – *нефть кричит, орет!* Данная строчка, содержащая прямую отсылку к известнейшей фразе Ницше, который в конце XIX в. говорил о духовном упадке европейской цивилизации, принадлежит перу рок-автора С.Е. Шилова (URL: http://lit.lib.ru/s/sergej_e_s/

text_0070.shtml). Поэт, солидаризируясь в философских и эстетических интуициях со многими художниками, рисует картину глобальной катастрофы «пришествия нефти»:

*Там, где есть нефть,
Нефть всех съест.
Стерта неба весть –
Это цена за нефть!
Времени больше нет –
Это цена за нефть!
Зрения больше нет! –
Это цена за нефть!
Музыки больше нет!
Есть только нефть!
Нефть несет весть:
Бога больше нет,
Есть только нефть,
Есть только нефть!
<...>
Крутят колеса в стране дураков,
В рай...*

Данный не отличающийся большой художественной ценностью текст важен представленностью в нем ведущих элементов образного инвентаря нефтяного поэтического дискурса современности. Произведение изобилует вербально-семантическими признаками деструктивности, нивелирования и опустошения (например, в глагольных формах и модальных словах семантики исчезновения и аннигиляции: *съест, стерта, нет*, в многократных лексических повторах, нагнетающих негативную экспрессию: *Времени больше нет – Зрения больше нет! – Музыки больше нет! – Бога больше нет*), маркерами семантики глобальности и всеохватности (например, в перечислении исчезнувших ключевых символов высшей духовности: *времени, зрения, музыки, Бога*; в «рубленном» категоричном синтаксическом рисунке, состоящем из коротких констатирующих конструкций, построенных на антонимии экзистенциальных предикатов *есть – нет*, в усилителях наречного и иного типа: *только, больше, всех*), архетипической религиозной символикой (*неба весть; Бога больше нет; в рай*). Троекратный повтор поэтической трансформы узуальной медийной коллокации *цена на нефть – цена за нефть* прочитывается метафорически за счет лексико-синтаксического параллелизма как *расплата за грехи*, а завершающее текст «обстоятельство места» осмысливается в тропически-ироническом, абсолютно обратном смысле – *в ад*.

Итак, нефть предстает как новый сакральный символ антимира зловещего черного цвета, и уже не человек, покоряющий природу, отбирая у нее нефть, является теперь вочеловеченным богом, но сама нефть становится inferнальным божеством. Восприятие нефти как жидкости ада мы обнаруживаем также в поэзии Серебряного века в поэме А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду» (1912 г.): *И в нефти корчившийся шулер / Спросил у черта: – Плохо, брат?*

Нефтяной ад 2000-х теряет свою игровую условность и предстает в ужасающей милитаристской, экологической и апокалиптической реальности. Катастрофизм, крайне пессимистические раздумья и интуиции о будущем человечества как доминанта мироощущения и стилистической тональности объединяет большинство лирических вариантов развития нефтяной тематики нашего времени.

Исполнена предчувствием неизбежной катастрофы нефтяная атрибутика в поэзии А. Таврова: «Образов нефти и нефтяных танкеров в стихах у Таврова много. Но как более точно передать ощущение надвигающейся громады, перед которой отступает любой человеческий разум» [Черных, 2010]. Например: *Когда вокруг мира и танкеры, убийства / и джипы, и в горах идет война, и голосит /на сцене тенор мировой, а нефть пылает («Складка»); ...или танкер и в танке орел?... У сына черной крови по горло, как нефть по край ... то нефть, то жерло («Рыбы»)*. Насыщенность вербальной ткани текстов лексикой семантических сфер войны, социальных и экологических бедствий, угроз и катаклизмов (*танкеры, танк, война, нефть пылает, крови по горло, жерло*) фокусирует и катализирует символику нефти как причины и источника этих катастроф. А образ пылающей нефти действительно становится универсальным культурным знаком «апокалипсиса сегодня» (ср. с описываемыми в начале главы инициальными включениями лексемы *нефть* в русскую поэтическую парадигму, где способность нефти к горению трактовалась в контексте любовных переживаний) – например, в известной песне Б. Гребенщикова «Поколение дворников и сторожей» о трагической разобщенности и бессилии рефлексирующего сознания перед лицом движущегося к неминуемой гибели мироздания, *когда горящая нефть хлещет с этажа на этаж*.

Выдающийся поэт нашего времени Инна Лиснянская, родившаяся в Баку, мысль о разрушительной миссии нефти подчеркивает традиционным вербальным партнерством *нефть – кровь – смерть: Кровь запятнала реки, а нефть — моря («На каждый день творенья ушли века»); Теперь там – Боже мой! – / Теперь там – Боже правый! / След нефти за кормой, / А на песке – кровавый* (Об армянском погроме в Баку 1990 г. – «А как он был любим»). Экологическая и военная катастрофы переживаются поэтом в единой нефтя-

ной символике, где нефть – однозначный знак разрушения и смерти. Так, в стихотворении 2005 г. «Оглухнув от тишины, ослепнув от света» автор, без вычурного пафоса и с долей светлой иронии размышляя на склоне лет о подлинном смысле бытия в его неотменимой амбивалентности (*Судьба о двух головах сложилась вальсом*), на чаши весов как уравнивающие друг друга даже на уровне рифмы манифестации жизни и смерти кладет *спрос на слово, поправшее смерть, и цену биржевую на нефть*. Цена на нефть, таким образом, приобретает статус антисакрального антислова, профанной псевдожизни, не попирающей, а подтверждающей диктат смерти.

Цена на нефть в качестве интегрального индикатора тотального неблагополучия эпохи обыгрывается уже в трагикомическом ключе в одном из написанных Дмитрием Быковым опусов проекта «Гражданин поэт» «Тряслись грозно Пиренеи». Данная стилизация была создана по поводу сделанного в марте 2011 г. Алексеем Кудриным, тогда министром финансов, заявления о том, что нефть в связи с событиями на Ближнем и Дальнем Востоке может подорожать до 200 долларов. Рефреном шуточного стихотворения становится фраза *нефть подорожает*, определяющая неприглядный безнравственный облик современной социополитической ситуации: *Что снова нефть подорожает, / А значит – будет все как есть: / Бесчестье, лезть, и мечь, и жечь*. По законам политической сатиры доводя до абсурда последствия безудержного роста стоимости нефти, обусловленного в буквальном смысле кровью и несчастьями народов и стран, автор категорически констатирует эсхатологический финал «обезлюдения» планеты: *Но Боже правый! В Судный день / Как сильно нефть подорожает! / Увы, не сыщется людей, / Чтобы воспользоваться ей*.

Апокалиптические модуляции темы нефти осмысляются и в такой футурологической перспективе, как истощение, конец нефти как невозобновляемого сырьевого источника. Большое количество научно-популярной и нон-фикшн литературы как отечественных, так и зарубежных авторов посвящено этой глобальной проблеме: Остальский А. Нефть: Чудовище и Сокровище (СПб., 2009); Стариков Н.В. Шерше ля нефть (СПб., 2010); Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть (М., 2011); Симонов К.В. Русская нефть: последний передел (М., 2005); Лоран Э. Нефть: ложь, тайны, махинации (М., 2008); Кунстлер Дж. Что нас ждет, когда закончится нефть, изменится климат и разразятся другие катастрофы века (СПб., 2011) и мн. др.

Ученые, философы, политики, публицисты пытаются популярно объяснить, почему человечество впало в тотальную зависимость от нефти: *На самом деле ничто не сравнится с нефтью по энергоемкости, универсальности, транспортабельности или простоте хранения. Добавьте сюда ее де-*

шевизну и некогда избыток... Дешевое, универсальное, в избытке. Нефть привела людей к тому, что они смогли начать изменять мир. Она находилась прямо у нас под ногами. Мы использовали ее так интенсивно, как будто завтра не наступит и незачем экономить. Но скоро ее не будет. Вот что особенного в этой нефти (Кунстлер Дж. Что нас ждет, когда закончится нефть...) – либо живописуют фантастогорические картины ужасающей гуманитарной деградации: Мы – нефтяная цивилизация. Когда закончится нефть, начнется голод, каннибализм. Я убью толстую соседку и буду вытапливать из нее жир для освещения. И это не шутка. У меня есть ружье (Никонов А. Когда закончится нефть... // Огонек. 2002. № 38).

Мифологема конца (конца вещей, конца истории, конца света) всегда актуализируется «в переломные, кризисные эпохи, чреватые утратой целостности, ломкой основных мировоззренческих универсалий, времена разрушительности и вседозволенности» [Большакова, 2010, с. 8]. В основе ее ассоциативно-смыслового развертывания – семантика эмоционального концепта *страх*, который в русской лингвокультуре, по данным исследователей, в отличие, например, от немецкой, культивирующей «позитивное отношение к страху», «не является «популярной» эмоцией» [Бутенко, 2006, с. 20].

Русской лингвокультуре присуща семантика «ожидания чего-либо плохого», сакрализация концепта *страх* посредством «перевыражения одних концептов через другие», например, в творчестве Н. Бердяева: *страх – Бог – грех – тоска – смерть – богооставленность*, а «в русской мифологии и фольклоре концептуализация понятия *страх* осуществляется посредством реализации следующих нозм: «природные силы, стихии», «смерть», «болезнь», «зло, злые силы» (мифологические чудовища, вражеские захватчики), «нечистая сила» (враждебные, злые духи)» [Там же].

Абсолютное зло как итог конца нефти, конец нефти как конец жизни, как тотальная смерть человека и мира – эти интенции продолжают быть частотными мотивами рок-творчества:

*эта очередь никогда не закончится, если однажды все не умрут
когда я был маленьким, мне говорили, что есть за что умереть
сегодня я взрослый, меня тошнит каждый день от участия в этой игре
когда мне говорят кого-то любить, я начинаю ненавидеть вдвойне
я не знаю, кто придет нас убивать, когда закончится нефть*
(Максим Демах. URL: http://vk.com/topic-31094955_25510118).

Как видим, верабально-образная триада *любовь – смерть – нефть*, в которой нефть, несущая смерть, является заместительным антиподом любви, средоточием ненависти и убийцей, становится в рок-поэзии, альтернативной и оппозиционной по своему творческому кредо, двигателем мощней-

шего экспрессивного протеста героя: *меня тошнит каждый день от участия в этой игре*.

Особенно ярко этот протест прозвучал в песне классика русского социального рока Ю. Шевчука «Когда закончится нефть». По ритмической структуре и стилистической тональности это лирическая, почти пасторальная, миниатюра, по сюжетному строю – шуточная утопия и одновременно пародия на эту утопию. Почти все произведение представляет собой перечисление благотворных признаков и деталей архетипического мотива *возвращения в рай золотого века: ты вернешься ко мне весной; Мы посадим леса и устроим рай в шалаше; настанет век золотой; И мы вновь научимся любить; И все русалки и феи / будут молиться за нас*.

Думается, примитивная и клишированная образность произведения далеко не случайна и обусловлена коммуникативным замыслом автора показать посредством травестирования и пародирования нарисованной им же идиллии всю иллюзорность и призрачность надежды на возвращение мира без нефти.

Что касается метафизического вектора ассоциативно-смыслового развертывания концепта *нефть* в отечественном художественном дискурсе, то, как мы уже говорили, речь должна идти прежде всего о произведениях таких выдающихся современных писателей, как А. Парщиков (поэмы «Нефть» и «Долина транзита»), В. Пелевин («Македонская критика французской мысли» и др.), А. Иличевский (романы «Нефть», «Перс», эссе «Опыт геометрического прочтения: «Нефть» и «Долина Транзита» А. Парщикова»). Именно в этих произведениях концепт *нефть* перестает быть медиаконцептом и обретает все признаки концепта художественного, а именно – полноценные эстетические приращения, уже не столь однозначно детерминированные его медийной, социально маркированной природой.

Безусловно, нефть как художественный концепт – тема отдельного серьезного научного исследования и одна из очевидных перспектив нашей работы. Однако, в частности – из патриотических соображений, обозначим некоторые грани метафизики нефти в современном поэтическом дискурсе на примере анализа стихотворения «Нефть» (2008 г.) незаурядной томской поэтессы, автора и исполнителя Натальи Нелюбовой.

Отметим, что источником философско-эстетического осмысления нефтяной темы в метафизической поэтической парадигме служит геологический (к слову, по образованию Н. Нелюбова – геолог) сюжет происхождения жидких углеводородов из останков доисторических растений и существ. Поэтому залегание нефти в глубоких пластах земной породы метафорически представляется неким состоянием первобытного бессознательного сна под

толщами времен, которые сдавили нефтяные вместилища: *Где-то в центре земли, / в маленьких тесных кроватках спит нефть.*

Лирико-философский сюжет стихотворения Н. Нелюбовой – вечное противостояние и взаимопереплетение полярных и разноприродных начал: *белого и черного, реки и нефти, ночи и солнца, голубя белого и ворона черного, жизни и смерти: Белая-белая-белая, белая река. / Черная-черная-черная, черная нефть.* И еще – неизбежность их встречи и движения навстречу друг другу: *Я никогда не бывал там, / где под землей светят ходы, / где черные люди идут через лес. / Я никогда не бывал здесь, где солнце.*

Но именно жизнь (ее символы – *белая река, белый голубь, дерево, костер, свет, мед, золотая нить* и др.) по причине потребности в тепле (*холода, не хватает тепла*) нуждается в нефти, которую нужно вытянуть (*Будто бы их затягивает ночь*), разбудить и привести (*иди ее разбуди и приведи...*). Заслуживает внимания факт регулярной повторяемости в мифопоэтических трактовках образа нефти ее отнюдь не зооморфного (что, напомним, качество зооморфизма было свойственно «нефтяному контексту» поэзии Серебряного века), а антропоморфного представления: нефть выступает скрытой в глубинах недр плененной дево́й (мы уже упоминали этот мифообраз в анализе «Легенды о нефти», см. также в поэме А. Парщикова «Нефть»: *Ты ли выманил девушку-нефть из склепа в сады Гесперид белым наливом?*). Черная дева-нефть пробуждается, идет на зов белого, тем самым служа жизни: *Будто в книгах моих написано «жить».*

Таким образом, нефть превращается в символ сложности и неоднозначности мироустройства, амбивалентности бытийных законов жизни и смерти, а также величия и непостижимости высшего замысла.

Подведем итоги. С целью проследить формирование концепта *нефть* как художественной универсалии мы рассмотрели его воплощение в русском поэтическом дискурсе от первых эпизодических включений анализируемого образа в лексическую структуру лирического текста до произведений 2010-х гг.

До периода становления в статусе художественного концепта в 1990-х образ нефти претерпел значительную дискурсивную эволюцию. От упрощенной эксплуатации физических свойств нефти в компаративных тропеистических структурах в любовной лирике поэтов-романтиков XIX в. данный концепт расширил и углубил свою семантику вплоть до философски осложненной метафизики нефти в поэзии современных метареалистов.

В лирике конца XIX в., Серебряного века, пореволюционной и после-революционной поры, а также в Бакинском тексте русской литературы этого же периода были заложены основные векторы ассоциативно-смыслового

развертывания концепта *нефть* в художественном тексте: одический и драматический.

По мере мифологизации поэтического образа посредством аллюзий и мотивов как традиционной, так и неомифологии (пантеизма, христианства, машинного утопизма, космогонии и геологии, технолatriи, анимализма, ницшеанского антропоцентризма, революционного очищения, покорения природы, строительства коммунизма и т.д.) одический вектор трансформировался в героико-патетический и в настоящее время деградировал: он воспринимается по преимуществу в этикетно-эпидейктическом либо в травестийно-ироническом ключе.

В то же время драматический вектор эстетизации образа нефти через насыщение семантикой крови, насилия, войны, социальных и экологических катаклизмов, экономического неравенства, катастрофы, противоестественности, абсолютной зависимости, безнравственности и безнадежности все более приобретает эсхатологический, апокалипсический характер. Таков обобщенный итог интерпретации темы как в социально ориентированной, так и в философско-метафизической, как в реалистической и модернистской, так и в постмодернистской литературе.

Таким образом, от косвенного и периферийного поэтического образа *нефть* в художественном дискурсе эволюционировала в результате медийной актуализации в семантически и эстетически полноценный художественный концепт. Будучи глобальным символом современной эпохи, *нефть* в настоящее время приобрела все основные характеристики ключевой константы современной культуры.

Заключение

В данной работе досаточно полно, объемно и детализированно представлена дискурсивно-стилистическая эволюция глобального символа нашей эпохи – медиаконцепта *нефть*. Это медиаконцепт со стабильным культурным прототипом, локализирующим семантику сырьевого источника экономического процветания общества. Нами рассмотрены два культурных предшественника нефти – это концепт золота, прочно укорененный в информационном тезаурусе человечества и приобретший разнообразные лингвокультурные и идиостилевые варианты дискурсивного развития, например – в американской лингвокультуре, и концепт уголь, до сих пор являющийся актуальной медийной доминантой в угледобывающих регионах. Как показало исследование, экономика-сырьевые медиаконцепты активно инкорпорируются в структуру ключевых национальных идеологических мифов, обретающих идиоматическую проекцию в языке (*американская мечта, нефтяная игла*).

В настоящее время, находясь в стадии эволюционной зрелости и культурной стабилизации, концепт *нефть* демонстрирует сложившуюся семантическую структуру, включающую в себя два магистральных вектора ассоциативно-смыслового развертывания полярной аксиологической валентности (вектор нефтяной аддикции и вектор идеализации), которые, в свою очередь, имеют неограниченное множество трансформативных субверсий.

Крайне важными для дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта *нефть* по социальным и экономическим причинам оказываются его региональные варианты. На примере нефтедобывающего региона – Томской области – мы рассмотрели специфику реализации анализируемого концепта в городском медиадискурсе, в прессе сельской местности, ставшей нефтедобывающей, и в прессе, а также языковом коллективном сознании жителей города нефтяников Стрежевого.

Как локально маркированный, концепт *нефть* в томском медиадискурсе 2000-х гг., будучи имиджевой константой региона, отличается от своей реализации в мейнстриме центральных СМИ выраженной гипертрофированностью семантико-аксиологических реакций – от подчеркнутой и навязчивой лозунговой позитивности до крайне скептических прогнозов на будущее региона – «сырьевого придатка».

Будучи одной из значимых констант регионального самосознания и региональной культуры, медиаконцепт *нефть* включается в разнообразные ассоциативно-смысловые взаимосвязи с иными актуальными как для общенациональной, так и для локальной медиасферы концептуальными доми-

нантами (*нефть – богатство; нефть – власть; нефтедобывающий регион – живущий на доходы от нефти центр; нефть – футбол*).

Так, в дискурсе газеты Парабельского района Томской области «Нарымский вестник» отчетливо проявлено манипулятивное воздействие концепта *нефть* на семантику и аксиологию основного нравственного императива русской крестьянской лингвокультуры – концепта *труд*: аксиология трудности и интенсивности усилий замещается аксиологией технической сложности и производственной наукоемкости, а ценность этического долга – ценностями моды и социального престижа.

В итоге «маятниковый эффект» дискурсивной эволюции концепта на сельской территории, ставшей нефтедобывающей, достигается не внутридискурсивной, а междискурсивной конфликтностью, что убедительно доказывает сопоставление медийных репрезентаций концепта с семантикой высказываний местных диалектоносителей. Категорично навязываемая прессой искусственная пропаганда социальной полезности нефти вступает в противоречие с традиционными нравственными ценностями сельских жителей.

В моногороде, градообразующим началом которого является нефть, наблюдается отчетливый «нефтецентризм» коллективной концептосферы. Результаты лингвистических экспериментов показывают, что в прессе и в региональном сознании жителей Стрежевого аксиологический профиль концепта *нефть* оказывается сугубо комплиментарным, гипертрофированно позитивным, некорректно смещенным. В то же время результаты социолингвистического опроса свидетельствуют о нравственно-этической фрустрации стрежевчан по поводу нефти, об их категорическом отказе оценивать нефть в координатах нравственности и безнравственности, добра и зла, любви и ненависти. В то же время позитивный модус медиапрезентации темы нефти в Азербайджане, модус, выставляющий нефть залогом интеллектуального и культурного процветания региона, стимулирует положительную оценку нефтяного фактора бакинцами даже в сфере этики и нравственности.

Главными показателями процесса культурной стабилизации концепта *нефть* служат его многочисленные манифестации в текстах немедийных дискурсов: публицистического, паралитературного, художественного и др.

Стимулировав появление эстетически маркированного прецедентного текста (строки из культовой песни рок-поэта Е. Летова *Вечность пахнет нефтью*), данный концепт приобрел значительные дополнительные содержательные потенции в различных дискурсивных средах, в том числе – в интернет-дискурсе. Будучи интерактивным и крайне мобильным коммуникативным пространством, сетевой дискурс весьма способствовал приобретению концептом *нефть* в составе прецедентного феномена новых интерпре-

тативных сценариев от пассивной дословной повторяемости до включения в эндемичные паралитературные интернет-жанры фанфикшн.

В русском поэтическом дискурсе образ нефти также претерпевает масштабную дискурсивно-стилистическую эволюцию от вторичного эстетически блеклого образа в поэзии пушкинской поры до полноценного художественного концепта в современной литературе разных направлений: реализма, модернизма, постмодернизма, метареализма и др. По нашему мнению, современная манифестация художественного концепта *нефть* – это результат эволюционного взаимодействия информационно-интерпретационных импульсов предшествующей традиции эстетического воплощения нефтяной тематики и активной дискурсивной миграции одноименного медиа-концепта в дискурсы публицистической, научно-популярной, философско-эссеистической, массовой и элитарной художественной литературы.

Пройдя своеобразный всплеск востребованности в поэзии Серебряного века, пореволюционной и послереволюционной поры, а также став интегративной категорией Бакинского текста русской культуры, концепт *нефть* обнаружил тенденцию к аккумуляции в своем интерпретационном поле гетерогенных (пантеистических, христианских, технолатрических, космогонических и т.д.) мифологических образов и символов. При этом в поэтических реализациях образа нефти в лирике первой половины XX в. отчетливо прослеживаются контуры ассоциативно-смыслового развертывания концепта в современном художественном дискурсе, такие как неопантеизм, эсхатологизм или технический утопизм.

Однако поэтический дискурс 2000-х гг., по преимуществу основывающийся на постмодернистской мировидческой платформе, все более склоняется к трагедийным толкованиям нефтяного сюжета от негативных предчувствий «конца нефти» до эскалации семантики крови, насилия, войны, вселенского зла и глобальных экологических катаклизмов.

Таким образом, *нефть* как концепт культуры в его медийной и художественной ипостасях демонстрирует сегодня объемную полифоничность семантической аранжировки, а также отчетливо реализует тенденцию к этической амбивалентности и чрезвычайно релятивизму, свойственную современной постмодернистской культуре.

Литература

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
2. Актуальный срез региональной картины мира: культурные концепты и неомифологемы. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 224 с.
3. Алексеев П.В. «Петробагдад» на «башне» Вяч. Иванова // Самиздат. 2009. URL: http://zhurnal.lib.ru/a/alekseew_p_w/petrobagdad.shtml
4. Алтайский текст в русской культуре: материалы IV межрегион. (с междунар. участием) науч. конф. / под ред. Т.Г.Черняевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 241 с.
5. Амирханян М.Д. Русская художественная литература и геноцид армян. Ереван: Айастан, 1988. 266 с. URL: <http://www.genocide.ru/lib/amirkhanyan/ru-fiction/1.htm>
6. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 48 с.
7. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Худож. лит., 1966. 824 с.
8. Бакинский феномен // Лехаим. 2007. № 7. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/183/mamedov.htm>
9. Басалаева И.П. Понятие *фронтир* в современном сибиреведении // Языки и фольклор народов Сибири. 2011. № 2. URL: http://www.sivir.ru/frontier_in_siberia_science/
10. Басова Л.В. Концепт «труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
11. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции: ст. по обществ. и религ. психологии. СПб., 1910. 304 с.
12. Берестов В.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Вагриус, 1998. URL: <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/berestov/univers.htm>
13. Болотнов А.В. О некоторых текстовых направлениях ассоциирования, отражающих концепт *хаос* в лирике М. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Вып. 2. С. 85 – 91.
14. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
15. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. 212 с.
16. Болотнова Н.С. О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) // Художествен-

ный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (11 – 12 окт. 2001 г.). Томск, 2001. С. 16 – 28.

17. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*. Вып. VII. Opole, 1998a. С. 179 – 188.

18. Болотнова Н.С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. Вып. 3 (105). С. 34 – 40.

19. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // *Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: сб. ст. в честь проф. С.Г. Ильенко*. СПб., 1998б. С. 242 – 247.

20. Болотнова Н.С. Смысловый код и коммуникативная стратегия текста (к методике анализа текста нонсенса) // *Теоретические и прикладные аспекты филологии: сб. науч. тр., посвящ. 10-летию каф. рус. яз. и лит. ин-та яз. коммуникации Том. политехн. ун-та*. Томск, 2004. С. 227 – 231.

21. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 631 с.

22. Болотнова Н.С. Художественный концепт как объект филологического исследования // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр.* Вып. 9. Пермь, 2005. С. 50 – 57.

23. Большакова А.Ю. Архетип, миф и память литературы // *Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (Астрахань, 19 – 24 апр. 2010 г.)*. Астрахань, 2010. С. 5 – 14.

24. Большухин Л.Ю. Путь к счастью в творчестве В.В. Маяковского // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2009. № 2. С. 242 – 248.

25. Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 22 с.

26. Бычков В.В. Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению // *Вопросы философии*. 2007. № 8. С. 47 – 57.

27. В.И. Ленин в поэзии рабочих: сборник литературно-художественных материалов для рабочих клубов. Л.: Изд-во книж. сектора ГУБОНО, 1925. 108 с.

28. Вайль П. Будет нефть // *Российская газета*. 2008. № 4596. URL: <http://www.rg.ru/2008/02/22/neft.html>

29. Варфоломеев А.П. Психосемантика слова и лингвостатистика текста: метод. рекомендации к спецкурсу. Калининград, 2000. 37 с.

30. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

31. Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных. М.: Толк, 1994. 1138 с. URL: <http://wordhist.narod.ru>

32. Воейкова А.А. Ценностные концепты русских и американских рекламных текстов и их анализ методом семантического дифференциала // *Вестн. Челябинского гос. ун-та*. 2009. № 35 (173). С. 27 – 31.

33. Вольнец Т.Н. Поэтика слов категории состояния // *Вопросы функциональной грамматики: сб. науч. тр.* Вып. 5. Гродно, 2005. С. 211 – 226.

34. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 24. М., 2003. С. 5 – 12.

35. Ворожбитова А.А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 21 – 42.

36. Ворожцова О.А., Зайцева А.Б. Прецедентные имена в российской и американской печати // *Известия Уральского гос. ун-та*. 2006. № 45. С. 222 – 229.

37. Воронин А.А. Брюсов: посев Атлантиды. Некоторые атлантологические комментарии к жизни и творчеству поэта // *Брюсовские чтения 2010*. Ереван: Лингва, 2011. URL: <http://lah.ru/text/voronin/brusov.htm>

38. Гаджиев А.Д. Азербайджан в творчестве профессора бакинского университета поэта-символиста В.И. Иванова // *Вестник Бакинского государственного университета*. 2007. № 2. С. 35 – 40.

39. Гаджиев А.Д. Баку в русской литературе // «Если ты Баку не видел...»: сб. стихотворений рус. поэтов XIX – XX столетий, посвящ. Баку. Баку, 2005. URL: <http://yazikilitra.narod.ru/qila.htm>

40. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.

41. Гачма Е.В. Концепт «хлеб / bread» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // *Ломоносов: материалы XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, 8 – 11 апр. 2008 г.)*. М., 2008. URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/11_3.pdf

42. Горбунцов Д. «Милый Солнцеверт» // *Нефть России*. 2003. № 10. URL: <http://www.oilru.com/nr/122/2244/>

43. Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958 – 2000-е годы. М.: Языки славян. культуры, 2006. 816 с.

44. Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.

45. Григорьев В.П. Самовитое слово и его словарное представление // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. М.: Наука, 1994. Т. 53. № 4. С. 69–74.
46. Гридина Т.А. Имена собственные как база языковой игры // Русский язык в школе. 1996. № 3. С. 51–55.
47. Гримберг Ф. Кавказский текст русской культуры // Континент. 2000. № 104. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/104/gr8.html>
48. Грузберг Л. Концепт, или Отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? // Филолог. 2002. № 1. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_1_31
49. Груздева Е.А. Специфика организации текста в путевых очерках Марка Твена // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Том 19 (58). 2006. С. 305–309.
50. Губайдуллина А.Н. Поэзия Егора Легова: сибирский вариант неовангарда // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: сб. Иркутск: Оттиск, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_3.html
51. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 152 с.
52. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
53. Гусева Е.И. Критерии терминологичности и корреляция «термин – слово общего языка» // Вестн. Донецкого ун-та. 2008. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 13–20.
54. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 115–122.
55. Давыдов Д. Панк-памятник // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/lit27.html>
56. Дайс Е., Сид И. Переизбыток писем на воде: Крым в истории русской литературы // Нева. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/3/ku17.html>
57. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: ЭКСМО, 2004. 736 с.
58. Даниелян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. Ереван: Лингва, 2002. 176 с.
59. Даренский В. Феномен современной техники в контексте библейской картины мира: онтологические и этические аспекты // Ответственность религии и науки в современном мире. М.: ББИ, 2010. С. 149–158.
60. Дариева Ц. Стерилизуя публичное пространство? Бакинская набережная как променада истории // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/d9.html>
61. Дергачева Е.А. Техногенность и ее идейное содержание // Вестн. Брянского технического ун-та. 2009. № 2 (22). С. 167–173.
62. Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 18 (156). С. 63–69.
63. Джуварлы Т. Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей // Азербайджан и Россия: общества и государства: сб. публ. Музея и обществ. центра им. Андрея Сахарова. Вып. 4. 2001. С. 379–434.
64. Дронова Л.П. Языковые контакты и проблема реконструкции концептов // Вестн. Томского гос. ун-та. 2003. № 277. С. 172–176.
65. Еремин А.Л. Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар: Сов. Кубань, 2005. 356 с.
66. Загидуллина М. Международная конференция «Пищевой код в славянских культурах» (Москва, 2–4 декабря 2008 г.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/za34.html>
67. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
68. Заславский Д. Два Форда (Предисловие к русскому изданию) // Форд Г. Сегодня и завтра. Л., 1927. С. 2–13.
69. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: Азбуковник, 2003. 783 с.
70. Зинковская Л.С. Репрезентация концепта хлеб в народно-разговорной речи XIX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 259 с.
71. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
72. Ильина О.В. Речевое воплощение стереотипных представлений о богатых и бедных в современных газетных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
73. История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена: учеб. пособие / отв. ред. С.И. Кормилов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 480 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook046/01/about.htm>
74. Калиткина Г.В. Стереотипы социального времени в традиционной культуре // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 4–5. Красноярск, 2003. С. 102–110.
75. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М.: Высш. шк., 1990. 151 с.

76. Кан А. «Левой! Левой! Левой!» // Русская служба Би-би-си. 2007. 01 ноября. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7066000/7066839.stm
77. Карабичевский Ю.А. Воскресение Маяковского. М.: НЦ ЭНАС, 2008. 320 с. URL: <http://noskoff.lib.ru/akara010.html>
78. Квятковский А.П. Ода // Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. С. 178 – 179. URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-1783.htm>
79. Кислая Л.Н. Редакционная политика районной прессы (на примере газет Новосибирской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
80. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир, 2008. 244 с.
81. Ковалева Е.А. Элементы «железнодорожного дискурса» в поэзии серебряного века: лексический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 21 с.
82. Кожемякин Е.А. «Дискурсивный поворот» современных социально-гуманитарных исследований // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. Вып. 2. URL: <http://gsen.pi.sfedu.ru/articles2008/issue2/2-2a.pdf>
83. Кожин В.В. Примечания // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. Стихотворения второй половины 1925 года – 1926 года и очерки об Америке. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 463 – 528.
84. Козлов Е.В. Развлекательный нарратив в паралитературе: культурный статус и дискурсивные практики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. URL: http://www.ceninauku.ru/page_14290.htm
85. Коновалова Ж.Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 25 с.
86. Коростелев О.А. Лирический театр Антонина Ладинского // Ладинский А. Собрание стихотворений / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Рус. путь, 2008. URL: <http://www.rp-net.ru/store/element.php>
87. Костюченкова Н.В. Проявление метафоричности в лексическом и семантическом пространствах языка // Вестн. ЦМО МГУ. Русистика. 2009. № 1. С. 12 – 14.
88. Кошель М., Кукулин И. Все ерунда, кроме // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/64/lit27.html>
89. Кошечкин С.П. Весенней гулкой ранью... Этюды-раздумья о С. Есенине. М., 1984. 224 с.
90. Крейндель В.М. Нефть и макроэкономика: связь все еще плохо изучена. 2009. URL: http://www.ifs.ru/upload/ifsmacro_040609.pdf
91. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. 232 с.
92. Крымский текст в русской культуре: материалы междунар. науч. конф. (4 – 6 сентября 2006 г.). СПб., 2008. 250 с.
93. Крючкова Н.В. Концепт – Референция – Коммуникация. Саратов, 2009. 391 с.
94. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: ЛИБРОКОМ, 2009. 228 с.
95. Куликова Н.А. Одорический код в художественном тексте: лингво-вокационное исследование (на материале художественной прозы А.П. Чехова): автореф. дис. канд. ... филол. наук. Барнаул, 2010. 17 с.
96. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
97. Купцова И.А. Ценностно-смысловое взаимодействие русской провинциальной и массовой культуры. 2009. URL: <http://regionsar.ru/node/439?page=0,2>
98. Лаппо-Данилевский К.Ю. Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. P. 401 – 412.
99. Латынина А.Н. Судьба пророка в XXI веке: О романе Александра Иличевского «Перс» // Новый мир. 2010. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/10/la13.html
100. Лежнев А. «Левое искусство» и его социальный смысл // Лежнев А. О литературе: статьи. М.: Сов. писатель, 1987. URL: http://scepsis.ru/library/id_3052.html
101. Лекманов О. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М.: Intrada. 2006. 124 с. Леонов М.Г. Поэзия Кавказских гор // Природа. 2003. № 7. С. 25 – 35.
102. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград, 2007. 400 с.
103. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.
104. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200 – 202.
105. Лукашевич Н.В. Моделирование отношения часть–целое в лингвистическом ресурсе для информационно-поисковых приложений. 2007. URL: http://www.cir.ru/docs/ips/publications/2007_IT_thes.doc
106. Лурье В.М. Смерть и самоубийство как фундаментальные концепции русской рок-культуры. 2001. URL: www.russ.ru/culture/20010529.html

107. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 39 с.
108. Лутовинова О.В. Прецедентные феномены виртуального дискурса // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 131 – 136.
109. Лысова Л.Д. Сочетаемость прилагательных *трудный, сложный, тяжёлый* с существительными, обозначающими ребенка, и существительными, обозначающими взрослого человека // Материалы докл. XVI Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». 2009. URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/russian/lexis/lysova.pdf
110. Люсый А.П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М.: Рус. импульс, 2007. 240 с.
111. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
112. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. 208 с.
113. Мировая художественная культура. XX век. Литература / Ю.В. Манн, В.А. Зайцев, О.В. Стукалова, Е.П. Олесина. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
114. Молчанова Н.А. «Сонеты солнца, меда и луны»: проблемы творческой эволюции К.Д. Бальмонта // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 230 – 237.
115. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>
116. Наш Баку: Сайт-энциклопедия. URL: <http://www.ourbaku.com>
117. Ничипоров И.Б. Авторская песня 1950 – 1970-х гг. в русской поэтической традиции: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008. 54 с.
118. Ничипоров И.Б. Песенно-поэтическая антропология. Люди трудных профессий в изображении Ю. Визбора и В. Высоцкого // Развитие личности. 2003. № 2. С.71 – 82.
119. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн.; М.: Харвест: АСТ, 2001. 976 с.
120. Новичкова Т.А. Сор и золото в фольклоре // Полярность в культуре / сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. СПб., 1996. С. 121 – 156.
121. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 943 с.
122. Ольбик А. Ностальгические хроники (сборник интервью). М.: Аваллон, 2006. 364 с. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=81112&p=1>
123. Орлова О.В. Моделирование ассоциативно-смыслового поля «язык» в узусе и лирике И. Бродского // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века: материалы VII Всерос. науч.-практ. семинара (27 апр. 2004 г.). Томск, 2004. С. 110 – 116.
124. Осипова Н.В. Вятский провинциальный текст в культурном контексте // Бинокль. 2002. № 16. URL: <http://binokl-vyatka.narod.ru/B16/osip.htm>
125. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
126. Панова Л.Г. Велимир Хлебников в работе над «чужими» сюжетами: «Заключение смехом» и «Мирсконца» // Метаморфозы русской литературы: сб. памяти Миливое Йовановича. Белград, 2010. С. 221 – 239.
127. Парфенова А.И. Влияние философии космизма на русскую культуру конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2001. 168 с.
128. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
129. Петровский М. Сравнение // Литературная энциклопедия: слов. лит. терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. С. 860 – 862. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-8601.htm>
130. Попов Е.А. Динамика жизненных форм русского авангарда начала XX века: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2003. 185 с.
131. Попова Е.А. «Авось» в русском сознании. 2001. URL: <http://combehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2001/Popova.htm>
132. Прасолова К.А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж. К. Ролинг): дис. канд. ... филол. наук. Калининград, 2009. 258 с.
133. Радионцева Е.С. Творческий потенциал современной районной газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 19 с.
134. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2001. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/rassb01/index.htm>
135. Риндисбахер Х. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/hans.html>
136. Рогачева Н.А. Русская лирика рубежа XIX – XX веков: поэтика запаха: автореф. дис. докт. ... филол. наук. Екатеринбург, 2011. 48 с.
137. Русская мифология: энцикл. М.; СПб.: Эксмо: Мидгард, 2007. URL: <http://lib.rus.ec/b/183510/read>
138. Рут М.Э. Антропонимы: размышление о семантике // Изв. Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. С. 59 – 64.

139. Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 270 с.
140. Селищев А.М. Язык революционной эпохи // Русская речь. 1991. № 1. С. 86 – 102.
141. Серкин В.П. Семантические дифференциалы // Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 80 – 95.
142. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: <http://bibliotekar.ru/encSlov/>
143. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2010. 234 с.
144. Симоненко М.А. Реализация перцептивного признака «форма» в дискурсе архитектора // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 2(8). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/008-13.pdf>
145. Симония Н. Нефть в мировой политике // Международные процессы. 2005. № 3(9). URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/001.htm>
146. Синячкин В.П. Концепт «хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 22 с.
147. Сказочная энциклопедия / под общ. ред. Н. Будур. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 607 с.
148. Созина Е. К. Мотив перверсных пиров в русской поэзии 1830 – 1870-х годов // Архетипические структуры художественного сознания. Вып. 3. Екатеринбург, 2002. С. 121 – 129.
149. Сорос Дж. Роль Америки в мире // Вестник Европы. 2003. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2003/9/soros.html>
150. Степаненко К.А. Проблемы смеха и смерти в лирике Велимира Хлебникова: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 173 с.
151. Султанов К. «Кавказский текст» Л. Толстого в онтологическом измерении // Лев Толстой и мировая литература: материалы IV Междунар. науч. конф. (Ясная Поляна, 22 – 25 авг. 2007 г.). Ясная Поляна, 2007. С. 5 – 26.
152. Султанов Ч. Нашествие. Кн. 1. Баку, 2004. 596 с.
153. Супоницкая И.М. «Фронтир» и «золотая лихорадка»: Американский Запад в произведениях Ф. Брет Гарта и Марка Твена // История. 2004. № 48. URL: <http://america-xix.org.ru/library/suponitskaia-frontier/2.html>
154. Тартаковский П.И. Поэзия Хлебникова и Восток. 1917 – 1922 годы. Ташкент: Фан, 1992. 306 с. URL: http://ka2.ru/nauka/tar_1917_3.html
155. Тимченко Е.Б. Признаки живого существа концептов кровь и blood (на материале произведений русских и британских авторов) // Вестн. Томского гос. ун-та. Язык и культура. 2009. № 3 (7). С. 69 – 81.
156. Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 47 с.
157. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935 – 1940.
158. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259 – 367.
159. Топоров В.Н. Поэт // Мифы народов мира: энцикл. М., 1980. Т. 2. С. 327 – 328.
160. Тряпицына Е.В. Категория точности художественного текста: дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 170 с. URL: <http://31f.ru/dissertation/page,10,236-dissertaciya-kategoriya-tochnosti-xudozhestvennogo-teksta.html>
161. Урбан А. «Открылась бездна, звезд полна...» // Кибернетический Пегас: антол. Л., 1989. URL: <http://poezosfera.ru/?p=2318>
162. Ушаков Б.Ю. О символах в средствах массовой коммуникации // Филологические науки. 2009. № 1. С. 94 – 100.
163. Фатуллаев Ш.С. Градостроительство Баку XIX – начала XX веков. Л.: Стройиздат, 1978. 216 с.
164. Федорова Л.Ю. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа: автореф. дис. канд. ... социол. наук. Ростов-на-Дону, 2008, 24 с.
165. Фейлер Л. Марина Цветаева: Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.
166. Филатова А. Ладинский Антонин Петрович // Святая Русь: Большая энциклопедия русского народа. Русская литература. М.: Ин-ут рус. цивилизации, 2004. 1104 с. URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4581&abc=1>
167. Филиппова Е.В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте (На материале малой прозы 60 – 80-х годов XX века): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 199 с.
168. Хахам Д. Последняя любовь Брюсова, или Неизвестный роман Аделины Адалис. 2007. URL: <http://sites.google.com/site/davidkhakhamssite/>

169. Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ: РГГУ, 2010. URL: <http://www.peremeny.ru/book/rd/160>
170. Цивьян Т.В. Об одном классе персонажей низшей мифологии: «Профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 177 – 192.
171. Чагин П.И. Сергей Есенин в Баку // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 160 – 164.
172. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: КСП+, 1999. 416 с.
173. Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004, 20 с.
174. Черных Н. Незаконченная пентаграмма: Андрей Тавров. Часослов Ахашвероша. М.: Русский Гулливер, 2010. 148 с. // Сообщество «Полутона». 2010. 26 мая. URL: www.polutona.ru
175. Черняк В.Д., Черняк М.А. Базовые понятия массовой литературы: учеб. слов.-справ. СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. 167 с.
176. Четчка В.И. Концепт «человек» в мифопоэтической картине мира: На материале древнегерманских героических песен, легенд, сказаний: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 235 с.
177. Шаталова С.В. «Большие формы» эпидейктических высказываний // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 143 – 146.
178. Шаталова С.В. Эпидейктические жанры речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 24 с.
179. Шелестюк Е. В. Семантический дифференциал как способ выявления внушающего воздействия текстов // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистические аспекты: материалы Междунар. шк.-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2009. С. 329 – 333.
180. Шестухина И.Ю. Эвиденциальный ресурс художественного текста (на примере рассказа В. Астафьева «Жизнь прожить») // Филология и человек. 2008. № 4. С. 181 – 188.
181. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
182. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // *Colleqium*. 1993. № 1. С. 33 – 41.
183. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). Екатеринбург, 2009. С. 63 – 67.
184. Шуман Г., Корнинг Э. Коллективное знание об общественно значимых событиях // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_3.html
185. Щеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов *свобода, власть и вызов* в русской языковой картине мира (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 27 с.
186. Щитова О.Г. Тюркизмы русских среднеобских говоров в аспекте проблемы сибирского фронта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3. С. 20 – 26.
187. Эпштейн М. Эдипов комплекс советской цивилизации // Новый мир. 2006. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2006/1/ep7.html
188. Яворская А. «Не тот» Бродский // «Дерибасовская – Ришельевская»: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. 2009. Вып. 39. С. 228 – 235.
189. Яковлева Е.А., Емельянова А.М. Ономастическое пространство как составная часть «языка города» и его основные единицы (на примере эргонимов г.Уфы) // Вестник Башкирского университета. 2006. № 3. С. 84 – 87.
190. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 1 (22). С. 109 – 114.
191. Cortes Filimon Orozco. The american dream: disillusionment in selected works of Ana Castillo, Judith Ortiz Cofer, and Virgil Suarez. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts. Puerto Rico, 2008. URL: <http://grad.uprm.edu/tesis/orozcocortes.pdf>

Приложение 1

Материалы к экспериментам

1. Исходный текст, легший в основу стилистического эксперимента-трансформации.

Город-остров в океане нефти

Нефтяному моногороду Стрежевому диверсификация экономики не нужна. Хотя расположен он в Томской области, экономически и географически тесно связан с Ханты-Мансийским автономным округом, в котором нефть – главный ресурс развития.

Едва АН-24 совершает посадку в аэропорту города Стрежевого, ловишь себя на мысли, что попал в черно-белую киноленту 70-х. Лицо города, коим принято считать аэропорт – невыразительное, серое, апатичное здание, более напоминающее провинциальный железнодорожный вокзал. Правда, даже на провинциальных вокзалах иногда стоят бабушки, торгующие пирожками. Здесь же людей практически не видно – пирожки никому не нужны. Слабое биение жизни обозначают два вертолета на площадке перед аэропортом и еще один АН-24. Только чуть позже понимаешь, что прагматичных строителей Стрежевого в свое время меньше всего интересовал архитектурный дизайн. Им был нужен населенный пункт, пригодный для жизни в условиях Крайнего Севера. И только.

Вторая экстремально дискомфортная зона проживания, как принято официально называть эту местность, ничего хорошего людям не сулит. Тайга, болота, морозы, короткое лето, комары, дефицит ультрафиолета. Если бы не разведанная в этих краях нефть, вряд ли можно было бы представить, что в 1966 году в таком месте появится рабочий поселок, а затем и 45-тысячный город. Кстати, третий в Томской области по численности населения – после самого Томска и расположенного рядом с ним закрытого Северска. По критериям Министерства регионального развития РФ, Стрежевой – типичный моногород, поскольку основная доля объема его промышленного производства приходится на нефтяные предприятия. Они платят налоги, большие зарплаты и в конечном итоге куют благополучие и достаток города, в котором главным праздником после Нового года является День нефтяника. На этот корпоративный, давно ставший общегородским праздник «Томскнефть» обычно выписывают звезд российской эстрады типа певиц Зары, Юлии Савичевой, групп «Звери» и «Белый орел» и даже Диму Билана. Очевидно, в сибирской глуши их голоса звучат совершенно неповторимо. А учитывая, что День нефтяника приходится на первое воскресенье сентября, когда в Стрежевом вполне может выпасть первый снег, шоу приобретает не столько пате-

тическое, сколько жизнеутверждающее начало. Терпите, мол, люди... Скоро лето! Правда, очень короткое и совсем не жаркое.

Мифологема и реальность

На вид Стрежевой ничем не примечательнее, скажем, какого-нибудь отдаленного района Томска. Редко попадаются здания выше трех-, четырехэтажных, хотя несколько девятиэтажек гордо высятся в центре. Долевого строительства здесь не существует. Оно просто не имеет смысла, поскольку на рынке нет дефицита жилья. Благоустроенную трехкомнатную квартиру можно купить за 1,5 млн рублей. Однако многие стрежевчане предпочитают покупать жилье в Томске, готовя себе и своим детям «плацдарм» для отступления с севера.

Дома в Стрежевом, конечно, строят. Но только для того, чтобы расселить жителей ветхих и аварийных деревянных бараков. «В старом районе города вместо деревянных двухэтажек возводим кирпичные четырехэтажные здания со всеми удобствами, – пояснил заместитель мэра Стрежевого, начальник управления городского хозяйства и безопасности проживания (вдумайтесь в само название структуры!) Фидан Гилимьянов. – Активно работать в этом направлении мы начали в 2007 году. Сначала на свои деньги, потом получили помощь из области, а с 2008-го пошли средства по федеральной программе. За три года снесли 26 «деревяшек». Взамен построили 250 квартир в современных домах». На многих кирпичных домах старой постройки остались символы далеких семидесятых. Например, мы заметили надпись КАИ на торце нескольких домов. Как нам пояснили, их строили комсомольцы-добровольцы из Казанского авиационного института.

Здание градообразующего предприятия «Томскнефть» в Стрежевом, по сравнению с офисами сырьевых компаний в Томске, выглядит более чем скромно. «А что вы хотите? Это строили в прошлом веке», – также пояснили нам. Правда, внутри офис «Томскнефти» оказался реально современным. Комсомольцы 70-х, строители Стрежевого, обращаясь с посланием к комсомольцам будущего столетия, конечно, не могли предположить, что в XXI веке уже не останется ни комсомольцев, ни тех высоких патриотических порывов, которые привели их сюда. В Стрежевом нефть – это большой бизнес, а также основа жизнеобеспечения города.

Здесь сразу заметно отсутствие интенсивного автомобильного движения. «Поэтому и снег вдоль дорог очень чистый», – замечает кто-то из коллег. И это действительно так. Несмотря на компактные размеры (говорят, весь город можно пройти пешком за 15 минут), Стрежевой имеет довольно широкие дороги, но по большому счету, с точки зрения жителя даже полумиллионного города, транспорта здесь нет. Если что-то и появляется на горизонте – то в основном ведомственное. Иметь здесь личный автомобиль мож-

но разве что для частых поездок в Нижневартовск, а в остальном бессмысленно – ездить просто некуда. К тому же такси приезжает по вызову в любую точку города буквально через минуту и увозит в любой конец Стрежевого за 50 рублей.

По прилете из Томска постоянно возникает ощущение, что судьба сыграла с городом нефтяников шутку. Не злую, а скорее географическую. Стрежевой появился в непосредственной близости от нефтяных месторождений и в 1978 году был преобразован в город областного подчинения. Никого в те годы не волновало, что областной центр – Томск – находится на расстоянии 970 км и добраться до него можно только по воздуху. В силу этого обстоятельства эффективные экономические связи у стрежевчан наладились с Нижневартовском, находящимся в 80 км, но – уже на территории соседнего Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). Во времена плановой экономики и КПСС, конечно, можно было снабжать доблестный север хоть из Москвы. Но сегодня продукты питания, предметы быта – все самое необходимое – завозится из ХМАО. И с этой экономической логикой не поспоришь. Какой сумасшедший предприниматель поедет за тысячу километров в Томск, чтобы там загрузить самолет колбасой? Она же будет золотой! Проще съездить в Нижневартовск. Это ближе, да и колбаса у них, как нам показалось, вкуснее.

Что такое Стрежевой, простые жители Томской области и непосредственно Томска представляют довольно слабо. В основном город нефтяников ассоциируется в головах обывателей с наркоманией. Это вполне объяснимо. Еще недавно Стрежевой держал сомнительную пальму первенства по количеству наркопреступлений в регионе. Через город шел героиновый трафик. Хотя по информации начальника управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков России по Томской области Игоря Толстоногова, ведомству удалось приостановить героиновый поток в Стрежевом, победа оказалась пирровой: теперь первое место перешло к другому моногороду Томской области – Северску, находящемуся еще и в непосредственной близости от Томска. 50 % случаев передозировки наркотиками фиксируются теперь именно в городе атомщиков.

Еще считается, что в Стрежевом много пьют. Особенно подростки. Пьяных на улицах мы не видели, но неумолимая статистика говорит, что лидерами продаж в городе являются водка и ликеро-водочная продукция (67 % от общего объема реализации алкоголя). Коньяк и вина здесь не в чести. Количество проданного алкоголя в Стрежевом в течение 2010 года составило 1 млн литров, или 22,7 литра на одного жителя, в то время как в общероссийской статистике на одного россиянина приходится 18 литров. Пива стрежевчане пьют меньше, чем в Томске – всего 41,5 литра на человека, в то вре-

мя как томичи успевают за год выпить 55 литров. В принципе, это объяснимо – какой здравомыслящий человек в сорокоградусный мороз пойдет за пивом? Он пойдет за водкой. «В городе 2 200 человек состоят на учете с диагнозом «алкоголизм» и более 500 человек больны наркоманией, – говорит мэром Стрежевого Валерий Харахорин. – Это серьезно давит на социальную обстановку». Озабоченность мэра понятна, поскольку 2 700 больных алкоголизмом и наркоманией – это 10 % экономически активного населения города. А это уже цифра, близкая к катастрофе. Хотя думается, что все больные где-то пристроены и не ходят с шапкой вокруг офиса «Томскнефти». Северу калеки и немощные не нужны, а значит, они работают хотя бы кладовщиками...

Отдаленность Стрежевого от Большой земли, очевидно, повлияла и на структуру населения города. «В прошлом году к нам приезжали ученые-исследователи и обнаружили, что в нашем городе проживает мордвы больше, чем в столице Мордовии», – говорит начальник отдела управления культуры, спорта и молодежной политики администрации Стрежевого Елена Селиванова. «А с чем это связано?» – интересуемся мы. «Объективные процессы, – отвечает Селиванова. – Много народа приезжало на стройку из Мордовии, много было поволжских татар, так и сложилось...». Кто-то остался здесь надолго, иные приехали на пару лет подзаработать, кто-то два раза в месяц прилетает на вахту. В любом случае Стрежевой, по сути, остается классическим «новым» моногородом, в котором сменяемость населения – не более чем статистический показатель. Как говорит статистика, за пять последних лет из города выехало 6 419 человек, приехало 5 878 человек. В миграционном обороте за этот период принимали участие 12 297 человек, то есть обновилась почти треть населения города.

Нефтяная игла

Все разговоры руководства Томской области о том, что надо слезать с сырьевой иглы и диверсифицировать экономику региона, в Стрежевом не имеют никакого смысла. Социальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт – практически все зависит от нефтяной отрасли. Электричество, газ, бензин, отопление – оттуда. Парадигма существования города проста – здесь работает ОАО «Томскнефть» ВНК (в настоящее время принадлежит в равных долях квазигосударственным компаниям «Роснефть» и «Газпром нефть»), которое определяет финансовую базу, рынок труда, сферу занятости и уровень жизни населения города. Стрежевой, как бы крамольно это ни звучало, совершенно не заинтересован ни в какой диверсификации, несмотря на то что в проекте комплексного инвестиционного плана развития моногорода, разработанном мэрией, такой пункт существует. Впрочем, здесь все понимают, что это намерение скорее из разряда мечтаний.

Американские урбанисты считают, что надо делать привлекательным для проживания сам моногород. Тогда в него потянутся так называемые креативные профессионалы, а за ними и бизнес с инвестициями. Но тезис «не важно, что ты работаешь на «Боинг», важно, что ты живешь в Сиэтле» на томском севере будет звучать скорее как «не важно, что ты живешь в Стрежевом, важно, что ты работаешь в «Томскнефти». И с этим в данном случае не приходится спорить, поскольку «Томскнефть» – основной работодатель в Стрежевом.

«Что такое «Томскнефть» сегодня? Нас немного – всего около четырех тысяч сотрудников, – говорит генеральный директор ОАО «Томскнефть» ВНК Владимир Пальцев. – Но вместе с нами трудятся ремонтники, буровики – те, кто поддерживает в рабочем состоянии всю нашу инфраструктуру. А это 16 тысяч человек. Находясь на вахте, на работе, наши люди чувствуют поддержку и понимание здесь, в Стрежевом». Таким образом, почти 70 % экономически активного населения города работает на нефтяную отрасль. И никто не возмущен этим фактом. Напротив, культ главенства нефтяной отрасли внушается здесь с детства. В спортивно-оздоровительном комплексе «Нефтяник», построенном по американскому проекту в 1996 году и являющемся самым крупным спортивным сооружением за Уралом, в вестибюле второго этажа есть скульптура. Называется «Руки нефтяника». Ничего особенного – две скрещенные ладони держат нефть. Но зато каждый ребенок в Стрежевом знает, чьи это руки и кому надо сказать спасибо за этот комплекс. Нефтяники, кстати, помимо спорткомплекса, построили здесь много – центр дополнительного образования, интернет-кафе, музей нефти, учебный центр ОАО «Томскнефть», дом культуры. Нефтяники же покупают медицинское оборудование для больниц, выделяют средства на социальные проекты и поддерживают пенсионеров. Очередной проект – крытый ледовый каток – хотя и будет строиться за счет бюджета, косвенно все-таки на те же нефтяные деньги.

Среди мифов о «нефтяной игле» существует главный – достаточно устойчивый – о том, что Стрежевой живет на «нефтяные» налоги и не испытывает никаких проблем. В действительности все далеко не так. В 2010 году доходы дотационного бюджета города Стрежевого составили 1 млрд 258 млн рублей, из которых налоговых только 497,8 млн, то есть 40 % доходной части. В структуре налоговых доходов на первом месте НДФЛ – 87,6 %, и большую его часть отчисляют предприятия нефтедобычи. Если же учесть, что дотации, субвенции и субсидии из бюджетов других уровней составляют чуть более 600 млн рублей – 48 % доходов, – то впрямую проследить бюджет Стрежевого на 2011 год на 57 % состоит из доходов муниципалитета и на 43 % – из денег, которые перечисляет Томская область. Очевидно, что подоб-

ная картина наглядно демонстрирует принципы современных межбюджетных отношений, построенные на перераспределении и выравнивании. Налог на прибыль главным образом уходит субъекту федерации, НДС – в федеральный бюджет, от налога на доходы физических лиц городскому бюджету остается 30 %.

Спасает Стрежевой не только областная дотация, но и то, что доходы в нефтяной отрасли на самом деле довольно неплохие. Отсюда и высокий НДФЛ. Например, генеральный директор ООО «Стрежевской НПЗ» Геннадий Ковязин сообщил, что средняя заработная плата на нефтеперерабатывающем заводе составляет 36 тыс. рублей. «Но в нефтянке, конечно, зарплата выше», – отметил он. По данным статистики, в нефтяной отрасли средний показатель зашкаливает за 60 тыс. рублей. Тем не менее жители города в опросах ставят проблему низких доходов населения на второе место после качества медицинского обслуживания.

В общей сложности «Томскнефть» сегодня формирует около 30 % консолидированного бюджета Томской области. Это несколько меньше, чем десятилетие назад, но показывает, что доля нефтяной отрасли в одном из самых инновационно развитых регионов страны все еще остается достаточно высокой. В 1989 году предприятию удалось добыть 14,8 млн тонн нефти. Эта цифра стала рекордом компании в XX веке. Позже добыча пошла на спад, и только после того, как компанию приобрел ЮКОС, в истории «Томскнефти» открылась новая страница. Своего абсолютного рекорда в 18,8 млн тонн нефти компания достигла в 2004 году, когда арест Михаила Ходорковского был уже свершившимся фактом, а ЮКОС стоял на грани краха. С тех пор добыча шла на спад и сегодня зафиксировалась на уровне 10 млн тонн нефти в год, что соответствует уровню 1981 года. Администрация Томской области за это время, стараясь сохранить уровень добычи, кстати, сделала ставку на развитие альтернатив – малые нефтяные компании, а также газовиков. Тем не менее «Томскнефть» пальму первенства держит и передавать ее кому-нибудь вряд ли станет.

По словам заместителя генерального директора по развитию производства «Томскнефти» Юрия Иsepкова, в 2010 году компания добыла 10,3 млн тонн нефти. Этот показатель по сравнению с 2009 годом сократился на 5,2 %. Добыча газа упала на 20 % – с 2 млрд кубометров в 2009 году до 1,6 млрд кубометров в 2010-м. «Это произошло из-за остановки Лугинецкой газокomppressorной станции, – пояснил Иsepков. – В феврале 2010 года вышла из строя машина, мы были вынуждены покупать новую – Rolls Royce». Примечательно, что хотя уровень добычи практически не растет, предприятие в последние годы увеличивает объемы геологоразведки. В 2009 году на эти работы было выделено 560 млн рублей, в прошлом году – около 700 млн, а в

наступившем сезоне финансирование превысит 1 млрд рублей. «По нашим оценкам, существующих запасов достаточно для того, чтобы на протяжении десяти лет поддерживать добычу в объеме 10 млн тонн нефти в год, – считает начальник управления по разработке месторождений «Томскнефти» Владимир Шестаков. – Десять лет – это не предел, просто данный срок уверенно прогнозируется. Исходя из общего объема промышленных запасов нефти и газа, наше предприятие будет обеспечено работой как минимум 30 лет».

Несмотря на то что Стрежевой является базой томских нефтяников, в границах муниципального образования нет ни одного нефтяного или газового месторождения. Добыча ресурсов производится на территории Нижневартовского района ХМАО и месторождениях соседнего Александровского района Томской области. Так что когда нас везут автобусом в вахтовый поселок нефтяников Вах, коллеги-журналисты заботливо предупреждают друг друга о том, что на территории Югры мы все попадаем в роуминг. Поселок является базовым для освоения Вахской группы месторождений, здесь проживает 650 человек. Общежития, небольшие домики, ангар, переоборудованный под спорткомплекс, столовая – Вах производит впечатление благополучного совхоза, который без лишней суеты выполняет спущенный руководством план.

Стрежевской НПЗ – один из трех небольших нефтеперерабатывающих заводов Томской области – находится в 25 км от Стрежевого. Это показательный пример предприятия, работающего на инфраструктуру города и ОАО «Томскнефть» ВНК. Примерно половина выпускаемых заводом бензинов реализуется на автозаправочных станциях Стрежевого и АЗС, расположенных на месторождениях компании. Другая половина продается сторонним организациям, в основном из ХМАО. Суммарно завод производит более 70 тыс. тонн бензина и дизельного топлива в год. Так что «нефтяная игла» для Стрежевого не пустое словосочетание. Святая святых города – система ЖКХ – работает на смеси попутного и природного газа, которую также поставляют нефтяники. Замкнутая система жизнеобеспечения, считающаяся одной из лучших в области.

Когда мы выпьем всю нефть

Глядя на стржевчан, не очень понимаешь, какие стимулы (кроме, конечно, зарплаты) удерживают их здесь и на какое будущее рассчитывают эти люди. Да еще и с учетом того, что рынок труда города несбалансирован и его, очевидно, лихорадит. Дело в том, что доминирование в городской экономике нефтегазодобывающей отрасли привело к образованию в городе монопрофессиональной структуры населения. Допустим, слесарь КИПиА будет востребован везде, а вот бухгалтер может оказаться в трудном положении. Ситуация, связанная с рынком труда, в Стрежевом, как ни странно, всегда оста-

ется серьезной. Ежегодно в службу занятости в поисках работы, по данным администрации Стрежевого, обращается от 12 до 15 тыс. человек, то есть более половины трудоспособного населения города. Подобная ротация не может не настораживать.

Отчасти рабочие места мог бы создавать малый бизнес. Даже невооруженным глазом в Стрежевом заметно обилие кафе, развлекательных центров и магазинов шаговой доступности. Малые предприятия закупают продукты питания и, в частности, полностью обеспечивают население города хлебом, они же работают в сферах транспорта, строительства, оказывают бытовые услуги. По статистике, в городе нефтяников на предприятиях малого и среднего бизнеса занято около 20 % работающих. Кстати, побывав на открытии нового молочного производства, мы убедились, что предприниматели здесь не хуже, чем в крупных городах, чувствуют конъюнктуру рынка и готовы работать на потребности населения. Так, Алексей Бойченко за три года построил небольшой молочный завод, который будет производить 20 тонн молока в сутки на собственном сырье. «Суточное потребление молочной продукции в городе Стрежевом – 8–10 тонн, остальные 10 тонн будем поставлять на рынок города Нижневартовска», – пояснил предприниматель. До сих пор молоко в Стрежевой поставляют из Москвы (!), и литровый пакет стоит здесь 50 рублей. «Да, основные поставщики у нас из Москвы, нам проще с ними работать, – поясняет ситуацию начальник отдела регулирования потребительского рынка и поддержки предпринимательства администрации Стрежевого Лилия Ошева. – Но вот пока из Москвы машина доедет с продукцией... Ведь срок хранения совсем не большой. И поэтому в какой-то промежуток времени у нас возникают пробелы в ассортименте». Сегодня картина меняется. Такой бизнес, как у Бойченко, уже в состоянии переориентировать рынок города. Бизнесмен будет снабжать детсады, школы и другие объекты социальной сферы, излишки сдаст в магазины. Цена станет как минимум на несколько рублей меньше, чем на привозные товары.

Однако не все могут построить в Стрежевом собственный молочный заводик или завести дойное стадо на 800 голов. Администрация города в одном из своих заключений прямо указывает: «Любое производство неконкурентоспособно с южными регионами в силу более высокой оплаты труда, транспортных расходов, климатических особенностей». Поэтому так называемая экономическая основа города состоит из 20 предприятий, которые, чего греха таить, являются «дочками» «Томскнефти» и, несмотря на юридическую самостоятельность, остаются экономически зависимыми от материнской компании.

Так что, как ни крути, все тут упирается в нефть. Комплексный инвестиционный план развития моногорода Стрежевого констатирует, что его

экономическая база практически не диверсифицируется. Хотя малые предприятия и бизнес выполняют градообслуживающие функции, администрация города оказывает только точечную помощь малому бизнесу, не имея целостного видения и концепции его развития на территории города. Плюс к этому численность населения в трудоспособном возрасте permanently сокращается из-за отрицательного сальдо миграции, старения населения и увеличения числа пенсионеров. Это значит, что людей в Стрежевой приезжает все меньше и все больше старается отсюда уехать.

Любопытно, что все ближайшие к Стрежевому города (Мегион, Лангепас, Радужный) имеют такую же монопрофильную структуру экономики, неразвитую социальную инфраструктуру, сопоставимую численность населения в пределах 35–45 тыс. человек и неразвитую транспортную сеть. Исключением является только Нижневартовск, в котором есть аэропорт международного значения, железнодорожная ветка, да и численность населения – свыше 200 тыс. человек. Так что вполне возможно, что Нижневартовск в обозримом будущем может стать центром такой вот нефтяной агломерации. Специалисты Нижневартовского государственного гуманитарного университета, в частности, отмечают, что в результате в эту агломерацию смогут войти территории муниципалитетов Мегиона, Излучинска, а в перспективе – поселка Высокого и «города Томской области Стрежевого». К чему, собственно, дело и идет. Думается, строительство моста через реку Вах, который откроет стрежевчанам прямой путь на Нижневартовск и в поддержку которого население Стрежевого периодически проводит митинги, будет в этом деле решающим шагом. А пока мост и ныне там. Но есть нефть, а значит, все не так плохо.

2. Анкета, легшая в основу эксперимента, нацеленного на выявление показаний языкового сознания жителей г. Стрежевого и г. Баку.

Уважаемые господа! Просим Вас принять участие в исследовании.

Несколько слов о себе (нужное подчеркнуть)

Пол: муж. жен.

Возраст: младше 18 41 – 50

18 – 30 51 – 60

31 – 40 старше 61

Вам предложено 30 противоположных признаков. Пожалуйста, обведите на шкале ту цифру, которая наиболее точно, по Вашему мнению, отражает оценку понятия *нефть* по пятибалльной шкале.

Бедный	1	2	3	4	5	Богатый
Отсталый	1	2	3	4	5	Прогрессивный
Зависимый	1	2	3	4	5	Независимый
Неважный	1	2	3	4	5	Важный
Непрестижный	1	2	3	4	5	Престижный
Неэффективный	1	2	3	4	5	Эффективный
Неактуальный	1	2	3	4	5	Актуальный
Традиционный	1	2	3	4	5	Новаторский
Безответственный	1	2	3	4	5	Ответственный
Временный	1	2	3	4	5	Вечный
Плохой	1	2	3	4	5	Хороший
Опасный	1	2	3	4	5	Безопасный
Мирный	1	2	3	4	5	Агрессивный
Ненужный	1	2	3	4	5	Нужный
Несвободный	1	2	3	4	5	Свободный
Непопулярный	1	2	3	4	5	Популярный
Вредный	1	2	3	4	5	Полезный
Пассивный	1	2	3	4	5	Активный
Безнравственный	1	2	3	4	5	Нравственный
Пустой	1	2	3	4	5	Наполненный
Простой	1	2	3	4	5	Сложный
Навязчивый	1	2	3	4	5	Деликатный
Злой	1	2	3	4	5	Добрый
Противный	1	2	3	4	5	Приятный
Естественный	1	2	3	4	5	Искусственный
Грязный	1	2	3	4	5	Чистый
Больной	1	2	3	4	5	Здоровый
Чужой	1	2	3	4	5	Свой
Ненавидистный	1	2	3	4	5	Любимый
Мрачный	1	2	3	4	5	Светлый

Приложение 2

Поэтические тексты

Тексты, анализирующиеся в п. 4.2.

«Бакинский текст русской литературы в фокусе концепта *нефть*»

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

В Баку

Стыдливо стучатся о пристань валы
Каспийского моря,
Подквашенной пеной – и выступ скалы,
И плиты узора.

На рейде ряды разноцветных судов
Качаются кротко,
И мирно дрожит на волненьи валов
Подводная лодка.

Сплетается ветер с январским теплом,
Живительно-свежий,
И ищет мечта, в далеке голубом,
Персидских прибрежий.

Там розы Шираза, там сад Шах-наме,
Газели Гафиза...
И грезы о прошлом блистают в уме,
Как пестрая риза.

Привет тебе, дальний и дивный Иран,
Ты, праотец мира,
Где некогда шли спарапеты армян
За знаменем Кира...

Но мирно на рейде трепещут суда
С шелками, изюмом;
Стыдливо о пристань стучится вода
С приветливым шумом;

На улице быстрая смена толпы,
Покорной минуте,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбуге.
(1916)

Баку

Холодно Каспию, старый ворчит:
Длится зима утомительно долго.
Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница-Волга!

Бок свой погреем усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...
Тщетно! вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!

Злобно подымет старик-исполин
Дряхлые воды, – ударит с размаху,
Кинет суда по простору пучин...
То-то матросы натерпятя страху!

Помнит старик, как в былые века
Он широко разлегался на ложе...
Волга-Ахтуба была не река,
Моря Азовского не было тоже;

Все эти речки: Аму, Сыр-Дарья,
Все, чем сегодня мы карты узорим,
Были – его побережий семья;
С Черным, как с братом, сливался он морем!

И, обойдя сонм Кавказских громад,
Узким далеко простершись проливом,
Он омывал вековой Арарат,
Спал у него под челом горделивым.

Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковчега?
Так же ли дремлешь в гордыне своей?
– Хмурится Каспий, бьет в берег с разбега.

Все здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знавал на рассвете природы!

Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!

Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,
Прыгают ввысь на своих гидропланах!

Все ненавистно теперь старику:
Все б затопить, истребить, обесславить, –
Нивы, селенья и этот Баку,
Что его прежние глуби буравит!
(1917)

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Сабунчи

Таинственны заросли вышек,
Набухли смолой Сабунчи,
Земля извергает излишек,
Грохочет богатством в ночи.
И прямо созвездиям в очи
Хохочет, собою горда.
И тут же, в домишках, рабочий
Бледнеет от злого труда.
Войди в эти капища нищих,
Толкни эту хмурую дверь:
Нору себе лучше отыщет
Погоней затравленный зверь.
Ни солнца, ни воздуха! Дети –
Как в темном подвале ростки.
Не жить им счастливо на свете,
Пока не умрут пауки!
У женщин вся молодость в стонах
Погасла, весны не узнав,
Писать на старинных иконах
С них мучениц мог бы зограф.
И эти в цепях великаны,
Владыки грядущих эпох!

Какой в них туберкул румяный!
Как долог тяжелый их вздох!
Рабочий, когда же, когда же
Твой разум, твой новый закон
Узлы паутины развяжет
И рабства развеется сон?
Когда же земное богатство
Достанется истым живым
И ветер свободы и братства
Разгонит удушливый дым?
(1919)

Зых

Приземисты, мрачны, стоят корпуса.
Я в эти жилища вошел, словно в сон,
Ужаснее Дантова ада был он.
Все поперано: правда, и жизнь, и краса!

Сырой коридор. С облупившихся стен
Холодные, грязные капли текут.
За что же рабочие замкнуты тут,
В бессовестный этот, безвыходный плен?

За низкими, злыми дверьми, как в тюрьме,
Угрюмые камеры. Каменный пол.
И ползают дети. А воздух тяжел.
И окна не к солнцу, а к стенам и тьме.

В лохмотьях сидит исхудалая мать.
В мангале картофель закопан в золу.
И жадный мышонок ютится в углу:
Голодным голодных не стать понимать!

Среди неподвижной, глухой тишины
Лишь с фабрики слышен машины напев,
Как будто там стонет закованный лев.
Я стал у порога. И хлынули сны.

Раздвинулись стены. Раскинулся сад.
Просторные, светлые встали дома.
Как будто решила природа сама
Построить в мгновение невиданный град.

И кто-то подходит: – Смотри, как живем!
Вот зал. Вот читальня. Здесь школа. Здесь врач.
Котельщик и слесарь, тартальщик и ткач –
Здесь каждый обласкан народным теплом.

Вдруг сторож толкает: – Проснись, господин!
– И вправду, товарищ, я словно уснул...
Но слышишь ты фабрики радостный гул?
Мы скоро проснемся. И все как один!
(1920)

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Баку

Баку.
Город ветра.
Песок плюет в глаза.
Баку.
Город пожаров.
Полыхание Балахан.
Баку.
Листья – копоть.
Ветки – провода.
Баку.
Ручьи –
чернила нефти.
Баку.
Плосковерхие дома.
Горбоносые люди.
Баку.
Никто не селится для веселья.
Баку.
Жирное пятно в пиджаке мира.
Баку.
Резервуар грязи,
но к тебе
я тянусь
любовью
более –
чем притягивает дервиша Тибет,
Мекка – правоверного,

Иерусалим –
христиан
на богомолье.
По тебе
машинами вздыхают
миллиарды
поршней и колес.
Поцелуют
и опять
целуют, не стихая,
маслом,
нефтью,
тихо
и взасос.

Воле города
противостать не смея,
цепью сцепеневших тел
льнут
к Баку
покорно
даже змеи
извивающихся цистерн.
Если в будущее
крепко верится –
это оттого,
что до краев
изливается
столицам в сердце
черная
бакинская
густая кровь.
(1923)

Баку

I
Объевшись рыбачьими шхунами досьта,
Каспийское море
пьяно от норд-оста.
На берегу –
волна неуклюжа

и сразу
ложится
недвижимой лужей.
На лужах
и грязи,
берег покрывшей,
в труде копошится
Баку плоскокрыший.
Песчаная почва
чахотит деревья,
норд-ост шатает, веточки выстегав.
На всех бульварах,
под башней Девьей,
каких-нибудь
штук восемнадцать листиков.
Стой
и нефть таскай из песка –
тоска!
Что надо
в этом Баку
Детердингу?
Он может
купить
не Баку –
а картинку.
Он может
купить
половину Сицилии
(как спички
в лавке
не раз покупали мы).
Ему
сицилийки не нравятся?
Или
природа плохая?
Финики, пальмы!
Не уговоришь его,
как ни усердствуй.
Сошло
с Детердинга
английское сэрство.
И сэр
такой испускает рык,

какой
испускать
лабазник привык:
– На кой они хрен мне,
финики эти?!
Нефти хочу!
Нефти!!!

II

Это что ж за такая за нефть?
Что за вещь за такая
паршивая,
если, презрев
сицилийских дев,
сам Детердинг,
осатанев,
стал
печатать
червонцы фальшивые?
Сила нефти:
в грядущем бреду,
если сорвется
война с якорей,
те,
кто на нефти,
с эскадрой придут
к вражьему берегу
вдвое скорей.
С нефтью
не страшны водные рвы.
Через волну
в океанском танце
на броненосце
несетесь вы –
прямо
и мимо угольных станций.
Уголь
чертит опасности имя,
трубы эскадры задравши ввысь.
Нефть –
это значит:
тих и бездымен

у берегов
внезапно явись.
Лошадь што?!
От старья останки.
Дом обходит,
вязнет в низине...
Нефть –
это значит,
что тракторы,
танки –
аж на рожон
попрут на бензине.
Нефть –
это значит:
усядья роскошно,
аэрокрылья расставив врозь.
С чистого неба
черным коршуном
наземь
бомбу смертельную брось.
Это
миллионщиком стал оголец,
если
фонтан забьет, бушуя.
Нефть –
это то,
за что горлец
друг другу выгрызут
два буржуя.
Нефть –
это значит:
сильных не гневайте!
Пожалте, колонии, –
в пасть влазьте!
Нефть –
это значит:
владыка нефти –
владелец морей
и держатель власти.
Значит,
вот почему Детердингу
дайте нефть
и не надо картинку!

Вот почему
и сэры все
на нефть
эсэсэрскую лезут.
От наших
Баку
отваливай, сэр!
Самим нужно до зарезу.
(1927)

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Стансы

Посвящается П. Чагину

Я о своем таланте
Много знаю.
Стихи – не очень трудные дела.
Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

Стишок писнуть,
Пожалуй, всякий может –
О девушке, о звездах, о луне...
Но мне другое чувство
Сердце гложет,
Другие думы
Давят череп мне.

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном –
В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,

За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих,
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Я вижу все
И ясно понимаю,
Что эра новая –
Не фунт изюму вам,
Что имя Ленина
Шумит, как ветер, по краю,
Давая мыслям ход,
Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!
Для вас обещан прок.
Я вам племянник,
Вы же мне все дяди.
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут
В туманную реку.
Мелькают города,
Как буквы по бумаге.
Недавно был в Москве,
А нынче вот в Баку.

В стихию промыслов
Нас посвящает Чагин.

«Смотри, – он говорит, –
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Нефть на воде,
Как одеяло перса,
И вечер по небу
Рассыпал звездный куль.
Но я готов поклясться
Чистым сердцем,
Что фонари
Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустриальной мощи,
Я слышу голос человеческих сил.
Довольно с нас
Небесных всех светил –
Нам на земле
Устроить это проще.

И, самого себя
По шее глядя,
Я говорю:
«Настал наш срок,
Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Чтоб разгадать
Премудрость скучных строк».

(1924)

Баллада о двадцати шести

С любовью –
прекрасному художнику Г. Якулову

Пой песню, поэт,
Пой.
Ситец неба такой
Голубой.
Море тоже рокошет
Песнь.
Их было
26.
26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занесть.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.
Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.
Кто с прострелом в груди,
Кто в боку,
Говорят:
«Нам пора в Баку –
Мы посмотрим,
Пока есть туман,
Как живет
Азербайджан».
.....
.....

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял их
Отряд англичан.

Коммунизм –
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец
Ильич.
А на Востоке
Здесь
Их было
26.

Все помнят, конечно,
Тот,
18-ый, несчастный
Год.
Тогда буржуа
Всех стран
Обстреливали
Азербайджан.

Тяжел был Коммуне
Удар.
Не вынес сей край
И пал,
Но жутче всем было
Весть
Услышать
Про 26.

В пески, что как плавленный
Воск,
Свезли их
За Красноводск.
И кто саблей,
Кто пулей в бок,
Всех сложили на желтый
Песок.

26 их было,
26.
Их могилы пескам
Не занестъ.
Не забудет никто
Их расстрел
На 207-ой
Версте.

Там за морем гуляет
Туман.
Видишь, встал из песка
Шаумян.
Над пустыней костлявый
Стук.
Вон еще 50
Рук
Вылезают, стирая
Плеснь.
26 их было,
26.

.....
Ночь как будто сегодня
Бледней.
Над Баку
26 теней.
Теней этих
26.
О них наша боль
И песнь.

То не ветер шумит,
Не туман.
Слышишь, как говорит

Шаумян:
«Джапаридзе,
Иль я ослеп,
Посмотри:
У рабочих хлеб.
Нефть – как черная
Кровь земли.
Паровозы кругом...
Корабли...
И во все корабли,
В поезда
Вбита красная наша
Звезда».

Джапаридзе в ответ:
«Да, есть.
Это очень приятная
Весть.
Значит, крепко рабочий
Класс
Держит в цепких руках
Кавказ.

Ночь, как дыню,
Катит луну.
Море в берег
Струит волну.
Вот в такую же ночь
И туман
Расстрелял нас
Отряд англичан».

Коммунизм –
Знамя всех свобод.
Ураганом вскипел
Народ.
На империю встали
В ряд
И крестьянин
И пролетариат.
Там, в России,
Дворянский бич
Был наш строгий отец

Ильич.
А на Востоке
Здесь
26 их было,
26.
.....
Свет небес все синей
И синей.
Молкнет говор
Дорогих теней.
Кто в висок прострелен,
А кто в грудь.
К Ахч-Куйме
Их обратный путь...

Пой, поэт, песню,
Пой,
Ситец неба такой
Голубой...
Море тоже рокошет
Песнь.
26 их было,
26.
(1924)

1 мая

Есть музыка, стихи и танцы,
Есть ложь и лесть...
Пускай меня бранят за стансы —
В них правда есть.

Я видел праздник, праздник мая —
И поражен.
Готов был сгнуться, обнимая
Всех дев и жен.

Куда пойдешь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Что в солнечной купались пряже
Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не впасть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей.

И, первый мой бокал вздымая,
Одним кивком
Я выпил в этот праздник мая
За Совнарком.

Второй бокал, чтоб так, не очень
Вдрезину лечь,
Я выпил гордо за рабочих
Под чью-то речь.

И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,
За то, чтоб не сгибалась в хрипе
Судьба крестьян.

Пей, сердце! Только не в упор ты,
Чтоб жизнь губя...
Вот потому я пил четвертый
Лишь за тебя.
(1925)

ДАВИД БРОДСКИЙ

Баку

Каспийские воды, что заводь пруда —
Вдоль серых песков не увидишь прибоя
Тяжелым рассолом застыла вода,
И соль нарастает над мертвой водою.
В зеленых лагунах клубятся пары,
Туман залегает по тонким низинам,
Под теплою гнилью, в бреду малярийном
Толкутся и тонко поют комары.

А город? Охваченный приторным зноем,
Он взоры слепит белизною больной,
Но гулко, пчелиным испуганным роем,
Грохочет базарный кипящий прибор.
Там – красок и запахов пышная пестрядь,
Там – фруктов и тканей восточный разгул.
В азартной толпе величавые персы –
И кладью стесненный качается мул.
За городом тишь. В раскаленном просторе
Мы ехали молча. Першило в груди
Суглинка бесплодного желтое море
И низкая черная мгла впереди.
Трясло и качало – глухие отрывки
Колес, оставлявших следы по пескам,
И вдруг различили мы: частые вышки
Из тьмы подымались, подобно лесам.
Обуглено солнце, сквозь сумрак неверный
Качаются трубы, и лужи жирны –
В тягучем дыму и гремучих цистернах
Лежали угрюмые Сура-Ханы.
И змеями труб извивались колена.
Их путь по бесплодным суглинкам далек,
По узкому руслу там тянется пленный
В отливах зеленых медлительный ток!
Бурля и мотаясь с размаху, с разгону,
Далеко расплескивал кляксы фонтан.
Бесплодный суглинок, сухой и соленый,
Каким изобильем ты досыта пьян!
Где зелень лагун и болотные сусла,
Удушливо липкую гарь одолев,
Уводят к Батуму надежные русла
Ползущую тяжеловесную нефть.
И город, кипящий зеленою кровью,
В гниющих низинах, над солью сквозной,
Поет, как комар за ночным изголовьем,
У входа в персидский сияющий зной.
(1927)

АДЕЛИНА АДАЛИС

Баку

На скорлупе, над самым адом,
Над нефтью, серой и смолой,
С бело-зеленым морем рядом,
Несущим пламя под полой,
Где старый шар земной распорот,
На жилах взрывчатых пород
Построил свой заветный город
Неунывающий народ.
Пусть для кого-нибудь другого
Нефть значит только нефть... А я –
Я вкладываю в это слово
Глубинный смысл бытия...
Кто понял радуги павлиньи,
И перламутровую тушь,
И кривизну лазурных линий
На черноте мазутных луж, –
Тот, превращения законы
Припоминая, видит след –
Свет жизни алый и зеленый
В останках первобытных лет!
Узорных папоротов чащи,
Луч, пролетевший по листку,
Рогатой птицы взгляд горящий
И тяжких ящеров тоску,
Дым океанов, пламя суши,
Где в миллионах темных лет
Горячей нефтью стали души
Тех, чей давно потерян след,
Где под давлением могучим
В геологических пластах
Учились нам служить «горючим»
И страсть, и бешенство, и страх!
Над укрошенной преисподней,
Над миром бури смоляной,
Стоит давно, стоит сегодня
Баку – жемчужный город мой.
Давно прославленный в народе,
Он праздник жизни для меня
И в светло-серой непогоде,

И в блеске солнечного дня,
И даль Кубинки бесконечной,
И Шемахинки взлет тугой,
И ветер, ветер, ветер вечный
Над Апшеронскою дугой...
(1939)

Бакинские стихи

Не проклиная свой удел,
Не став любителем легенд,
Всю ночь я, брошенный, глядел
На весь в огнях Арменикенд...
А ночь не думала темнеть...
Как незабвенно пахнет нефть!
Вдохнуть – и двинуться в ночи,
Как человек из Сабунчи!..
Каспийский вал темней чернил,
Мне становился страшно мил:
«Здесь я страдал, здесь я любил
Здесь сердце я похоронил!..»
Пурга, приятель, занесла
Простор студеного труда,
Пришла зима на промысла, –
Валла, какие холода!
Дорогу сносит с ног буран,
Ушел в берлогу Лок-Батан
И снова выдал свой тайник.
Прогрыз налаженный капкан
(Так называемый «тройник»)
Злой норд кричит на буровых!
Моряк пугаться не привык!
И был аврал,
И ветер выл...
Давай работать что есть сил!
«Здесь я страдал,
Здесь я любил
Здесь сердце я похоронил!..»
В тот вечер видел я зарю,
И море в памяти дрожит...
Я видел мир и говорю:
Мир завтра нам принадлежит!
Ты землю горю не отдашь.
Украшь свой город, йолдаш!

Под утро праздника сюда
Придут по Каспию суда
Трансатлантическим путем.
Мы хвоей город оплетем!
Здесь зорю сборную трубил,
Верней – вздувал
Горнист пылающих горнил!
«Здесь я страдал,
Здесь я любил,
Здесь сердце я похоронил!»
И там, где золот или сед
Переливающийся свет,
По серебристому пути
От Сабунчинки в Баксовет, –
Где шел я, плача, напрямик
И пел, как малый ученик,
Не в силах страсть перенести, –
Разбей цветник!
Разбей цветник!

(1934)

**Тексты, анализирующиеся в п. 4.3.
«Концепт *нефть* в современном поэтическом тексте:
подходы к исследованию»**

ЛЮДМИЛА ЧЕРНОБРОВКИНА

К 65-летию Ханты-Мансийского автономного округа

Ханты-Мансийский округ. В 65 лет
Твой центр сегодня и красив, и молод.
В истории страны достойный след
Своим трудом оставил этот город.

Для основания его когда-то мудро
И верно выбрал место человек:
Здесь древняя земля встречает утро
Вблизи слиянья двух могучих рек.

Храни его, сибирская природа!
Пусть, выполняя жизненный закон,

Благословенны будут два народа,
Чьи имена объединяет он!

Богатства края и его просторы –
Предмет надежды, веры и мечты.
Но клады укрывали лес и горы,
И мощный панцирь вечной мерзлоты.

Как нелегка первопроходцев доля!
Какой ценой достались газ и нефть!
Но одержимость, мужество и воля
Позволили им все преодолеть.

Их звонких песен бодрые мотивы
Нарушили покой седой Югры,
И новые открылись перспективы
С высоких круч Самаровской горы.

Над тундрой завывали злые ветры,
Зимой мороз сжимал свои тиски...
Вершинами покачивали кедры,
Дивясь деяньям сильных рук людских.

Прошли года опасностей и риска,
Победами закончилась борьба.
И знает мир, что у Ханты-Мансийска
Большая и счастливая судьба.

Пусть мощь страны Сибирью прирастает!
Пусть множатся богатства каждый год!
Пусть здесь всегда живет и процветает
Прекрасный и талантливый народ!
(2008)

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Тюменская нефть

Один чудак из партии геологов
Сказал мне, вылив грязь из сапога:
«Послал же Бог на головы нам олухов!
Откуда нефть – когда кругом тайга?

Раз деньги вам отпущены – на тыщи те
Постройте, что ли, ресторан на берегу:
Вы ж ничего в Тюмени не отыщете –
В болото вы вгоняете деньги!»

И шлю депеши в центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее!..»
Мне отвечают, что у них такое мнение,
Что меньше «более» у нас, а больше «менее».

А мой рюкзак
Пустой на треть.
«А с нефтью как?»
«Да будет нефть!»

Давно прошли открытий эпидемии,
И с лихорадкой поисков – борьба, –
И дали заключенье в Академии:
В Тюмени с нефтью – полная труба!

Нет Бога нефти здесь – перекочую я:
Коль Бога нет – не будет короля!..
Но только вот нутром и носом чую я,
Что подо мной не мертвая земля!

И шлю депеши в центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее!..»
А мне отвечают, что у них сложилось мнение,
Что меньше «более» у нас, а больше «менее».

Пустой рюкзак –
Исчезла снедь...
«А с нефтью как?»
«Да будет нефть!»

И нефть пошла!
Мы, по болотам рыская,
Не на пол-литра выиграла спор –
Тюмень, Сибирь, земля ханты-мансийская
Сквозила нефтью из открытых пор.

Моряк, с которым столько переругано, –
Не помню уж, с какого корабля, –

Все перепутал и кричал испуганно:
«Земля! Смотрите, братики, – земля!»

И шлю депеши в центр из Тюмени я:
«Дела идут, все боле-менее»,
Что – прочь сомнение, что – есть месторождение,
Что – больше «более» у нас и меньше «менее»...

Так я узнал –
Бог Нефти есть, –
И он сказал:
«Бурите здесь!»

И бил фонтан и рассыпался искрами,
При свете их я Бога увидал:
По пояс голый, он с двумя канистрами
Холодный душ из нефти принимал.

И ожила земля, и помню ночью я
На той земле танцующих людей...
Я счастлив, что, превысив полномочия
Мы взяли риск – и вскрыли вены ей!
(1972)

Революция в Тюмени

В нас вера есть, и не в одних богов!..
Нам нефть из недр не поднесут на блюде.
Освобождение от земных оков –
Есть цель несоциальных революций.

В болото входит бур, как в масло нож.
Владыка тьмы, мы примем отречение!
Земле мы кровь пускаем – ну и что ж, –
А это ей приносит облегчение.

Под визг лебедек и под вой сирен
Мы ждем – мы не созрели для оваций, –
Но близок час великих перемен
И революционных ситуаций!

В борьбе у нас нет классовых врагов –
Лишь гул подземных нефтяных течений, –

Но есть сопротивление пластов,
И есть, есть ломка старых представлений.

Пока здесь вышки как бамбук росли,
Мы вдруг познали истину простую:
Что мы нашли не нефть – а соль земли,
И раскусили эту соль земную.

Болит кора Земли, и пульс возрос,
Боль нестерпима, силы на исходе, –
И нефть в утробе призывает – «SOS»,
Вся исходя тоскою по свободе.

Мы разглядели, различили боль
Сквозь меди блеск и через запах розы, –
Ведь это не поваренная соль,
А это – человечьи пот и слезы.

Пробились буры, бездну вскрыл алмаз –
И нефть из скважин бьет фонтаном мысли, –
Становится энергиею масс –
В прямом и тоже переносном смысле.

Угар победы, пламя не угроби,
И ритма не глуши, копытный дробот!..
Излишки нефти стравливали в Обь,
Пока не проложили нефтепровод.

Но что поделаться, если льет из жерл
Мощнее всех источников овечьих,
И что за революция – без жертв,
К тому же здесь еще – без человеческих?

Пусть скажут, что сужу я с кондачка,
Но мысль меня такая поразила:
Теория «великого скачка»
В Тюмени подтверждение получила.

И пусть мои стихи верны на треть,
Пусть уличен я в слабом разуменье,
Но нефть – свободна, – не могу не петь
Про эту революцию в Тюмени!
(1972)

ИРИНА БАРСУКОВА

Легенда о нефти

В краю, где небо сходится с землею,
Где Луны ярче Солнца во сто крат,
Таился под глубинною корою
Заветный и бесценный клад.
Веками он хранился в темной бездне,
В чертогах своих диких горевал,
Томился в одиночестве безвестном
И о свободе грезил и рыдал.
И звался клад тот Нефтию прекрасной,
Была красавица на редкость хороша,
Но пропадала красота напрасно,
Пока в оковах мучилась душа.
Никто не слышал песнь подземной девы,
Никто не торопился ей помочь,
Лишь ветры, ошалевшие от гнева
Как стражи, стерегли ее всю ночь.
Но жили здесь шаманы недалеко,
И каждый вечер при восходе Лун
К ним доносился из подземных окон
Какой-то странный и тревожный гул.
И духов злых шаманы заклинали,
И в бубны били, били у костров,
И странника любого призывали
Освободить Нефтию из оков.
И небеса внезапно расступились,
Сияя мириадами светил,
И ангелы на Землю опустились,
И Трубный глас решенье возвестил:
«Здесь человеку быть, и жить и строить,
Хозяином здесь станет человек!
А кто ему препятствовать изволит –
Возьмет на душу самый страшный грех.
Отдайте, ветры, Нефть ему скорее,
Пускай ее направит он туда,
Где стать должно теплее и светлее,
Где ждут ее большие города!»
Бушуют ветры, злятся, не желают
Пришельцу клад свой древний отдавать,
И сам Совет старейшин призывает

У входа в недра намертво стоять.
Сражается Пришелец со стихией,
Разит мечом бушующую рать
И кличет долгожданную Нефтию,
И покоряется ему Природа-мать!
И открываются чертоги вековые,
И в муках извергается Земля,
И из глубин ее рождается Нефтия,
Свою безумную свободу обретая!
И в танце огненном красавица резвится,
Сверкают очи, кудри до небес,
И воспаряют ангелы, как птицы,
Над этою принцессой из принцесс!
«О человек, с тобой всегда я буду,
И что бы ни случилось на земле,
Тебя я никогда не позабуду,
Я зная, ты нуждаешься во мне!
Возьми меня, возьми тепло и ласку,
Любовь мою и преданность возьми,
И пусть живет на свете эта сказка
Во имя жизни всех людей земли!»

СЕРГЕЙ ШИЛОВ

Нефть

Человек не знает ответа,
Он не знает «нет» или «есть»,
Он в луче замирает света
И тогда понимает: «НЕФТЬ!».
Когда Отец оставил землю,
Тогда открылся нефти пласт,
Душа планеты уж не дремлет,
Фонтан огня из-под земли подаст.

Земли ты – черная вдова, Нефть!
На небе странные слова:
Нефть
Состоит
Из слова «нет» и слова «есть»,
А в центре слова глаз горит
И открывает всему миру
Нефти весть.

Дух нефти душу душил,
Калечит порядок вековой,
Вдова земли наш век разрушит,
Платок ее трепещет роковой.
«Бог умер!», – нефть кричит, орет
В глаза и уши человеку,
И хочет душу мира залепить,
Загнать в сплошную нефти реку.

Земли ты – черная вдова, Нефть!
На небе странные слова:
Нефть
Состоит
Из слова «нет» и слова «есть»,
А в центре слова глаз горит
И открывает всему миру
Нефти весть.

«Нефть есть где-то», –
слышал ты.
Там, где есть нефть,
Нефть всех съест.
Стерта неба весть –
Это цена за нефть!
Времени больше нет –
Это цена за нефть!
Зрения больше нет! –
Это цена за нефть!
Музыки больше нет!
Есть только нефть!
Нефть несет весть:
Бога больше нет,
Есть только нефть,
Есть только нефть!

Фонтаны нефти выпускают
Киты, несущие планету,
Им спины волки раздирают
И жутко воют на комету.
Древние силы и дух,
Нефти подземные реки,
Мрачные сны повелителя мух
Всем управляют навеки.

Черные слезы веков,
Страшные тайны планеты
Крутят колеса в стране дураков,
В рай обещают билеты.
Черные слезы веков,
Страшные тайны планеты
Крутят колеса в стране дураков,
В рай...

(2001)

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ

А как он был любим
От гор до парашета, –
Над Каспием седым,
Под синью минарета!

Теперь лишь дальний гром
Напоминает грохот
На берегу, где ртом
Открытым дышит город.

Теперь там – Боже мой! –
Теперь там – Боже правый!
След нефти за кормой,
А на песке – кровавый.

Теперь там больше нет
Ни родичей, ни крова, –
А только ржавый след
Армянского погрома.

Армянской церкви медь –
Как вырванное небо...
И мне б окаменеть,
Как некогда – Ниоба.
(1991)

Я, родом из города рыб, погибающих в нефти,
Я, жительница Москвы, пребывающей в нетях
Невнятных реформ и устойчивой ностальгии,
В Эйлат тороплюсь, где без комплексов люди и рыбы
Разглядывают под водою коралловые полипы,
Одевки из водорослей и камня нагие.
Там горный ландшафт – суть причудливых розовых линий
Над синью, где плавают рыбы расцветок павлиньих.
Ах, Красное море, судьбы надоели мне шутки
В империи жить, а потом оказаться свободной
От места рожденья. Не только по лени природной,
Ах, Красное море, к тебе тороплюсь лишь на сутки:
На дольше ни времени мне неостанет, ни денег.
(2004)

Оглохнув от тишины, ослепнув от света,
Старуха, чьи дни сочтены, прощается с летом.
Судьба о двух головах сложилась валетом, –

То ангел подымет крыло, то черт – свои рожки...
Крапивою былье поросло в сгоревшей сторожке.
На грядке одна ботва, под ней – ни картошки.

– Проснись, говорю, очнись, встряхни свои кости, –
Сторожка цела, как жизнь, стихи – твои гости
Пьют водку, картошку едят, гадают о росте

Цены биржевой на нефть, и спроса на слово
Поправшего смерть. Судьба же – впрямь двухголова, –
Никак не отцепит мертвого от живого.
(2005)

На каждый день творенья ушли века.
А этот век пришелся на день восьмой,
В который отдыхает, наверняка,

Господь, устав возиться с дурной землей, –
Потоп, землетрясенье, пожар, разбой!

Воздушное пространство окутал смог,
Кровь запятнала реки, а нефть – моря.
Неужто так устал ты, всесильный Бог,
Иль на другой планете, семь дней творя,
Нас от творящей мышцы своей отторг?

Болит от мыслей темя, душа от слов,
Для опыта опасен учет причин:
Пересчитать причины людских грехов,
Не хватит нам ни пальцев и ни седин.
Век догорел, как свечка, и был таков.
(2006)

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Тряслися грозно Пиренеи,
Египет трясся и Тунис,
NASDAQ дрожал еще сильнее,
И Dow Jones катился вниз;
Народы Ближнего Востока
Теснят правителей жестоко,
И разгулявшийся ислам
Им добавляет по мослам...
Других, конечно, раздражает
Такая дерзость – но не нас:
Нам это выгодно как раз,
Поскольку нефть подорожает,
А значит – хлеба вдоволь всем,
И соль, и спички, и тандем.

Тряслась поверхность океана,
Дошло до ядерных костров –
Не предрекал и Фукуяма
Таких глобальных катастроф!
На потрясенной Фукусиме
Всемирной помощи просили,
Не уставали клясть прогресс,
Страшась Чернобыльской АЭС...

Другим все это понижает
Доход и тонус – но не нам:
Скорби, скорби – а помни сам,
Что снова нефть подорожает,
А значит – будет все как есть:
Бесчестье, лесть, и месть, и жесть.
Полковник наш – опять мессия,

Опять болото – наш народ,
Опять «Единая Россия»
Процентов двести наберет,
Глядишь – соседи будут рады
Спихнуть нам все Олимпиады,
Глядишь – подтянется Кавказ,
Почти отрезанный сейчас;
Элита в «Бентли» разъезжает,
Под прессом общество хрустит –
Но нам и Запад все простит,
Как только нефть подорожает!
Глядишь – покуда всех трясет,
Она подскочит до трехсот.

Европа евро обесценит,
Владыкой мира будет труд,
Земная ось наклон изменит,
Обаму переизберут,
Один Восток война разроет,
Другой Восток волна размочет,
И мир, трещавший до поры,
Провалится в тартгарары –
Уже сейчас, гляди, съезжает
Над нами крыша набекрень –
Но Боже правый! В Судный день
Как сильно нефть подорожает!
Увы, не сыщется людей,
Чтобы воспользоваться ей.
(2011)

МАКСИМ ДЕМАХ

нефть

эта очередь никогда не закончится, потому что талоны на счастье
выдают только умершим и олигархам, а олигархи здесь бывают нечасто
олигархи проезжают мимо в больших машинах не опуская стекло
очередь молча смотрит им вслед, пока они щупают телок
смотри мимо кассы, переминайся, грей руки о стаканчик с кофе
думай о том, что мог получить вышку, хотя бы закончить колледж
думай о том, что надо отдать две сотки, бухнуть и забыть о еде
не верь никому, особенно людям в форме – их специально учат п..деть
думай о том, что надо платить за квартиру, отхлебывая и обжигая рот
допивай, выбрасывай стаканчик, запахивай куртку, спускайся в метро
думай о том, что все не так плохо, есть еще силы пролазить в нору
эта очередь никогда не закончится, если однажды все не умрут

когда я был маленьким, мне говорили, что есть за что умереть
сегодня я взрослый, меня тошнит каждый день от участия в этой игре
когда мне говорят кого-то любить, я начинаю ненавидеть вдвойне
я не знаю, кто придет нас убивать, когда закончится нефть

эта очередь пожирает своих детей, стариков, солдат и героев
это нормально, молоко любой матери имеет вкус крови
с детства учись сжимать кулаки, быть злым – это полезно
никогда не знаешь, кто тебя встретит – чурка или гопник в подъезде
никогда не знаешь, что тебя ждет, в одном лишь не сомневайся
рано или поздно из тебя вырастет жлоб, кусок апатичного мяса
выход один: начни нюхать клей, больше бухай, перестань читать книги
может, тебе повезет, может, ты станешь ментом или барыгой
а чего ты здесь ждал? небесной манны, духовной пищи?
но здесь пустота, лишь любовь для уродов и счастье для нищих
это небо такое мутное, и ничего не хочется, и постоянный дождь
эта очередь никогда не закончится, и ты в ней умрешь

когда я был маленьким, мне говорили, что есть за что умереть
сегодня я взрослый, меня тошнит каждый день от участия в этой игре
когда мне говорят кого-то любить, я начинаю ненавидеть вдвойне
я не знаю, кто придет нас убивать, когда закончится нефть

ЮРИЙ ШЕВЧУК

Когда закончится нефть,
ты будешь опять со мной.
Когда закончится газ,
ты вернешься ко мне весной.
Мы посадим леса
и устроим рай в шалаше.
Когда закончится все,
будет объем в душе.

Когда закончится нефть,
наш президент умрет!
И мир станет немного свободней,
а слезами гренландский лед.
Проиграв эту битву,
мерседесы сдадут ключи.
И вновь седлая коней,
герои вынут свои мечи.

Когда закончится все,
настанет век золотой.
И мы снова будем летать
без огня за своей спиной.
А наши крылья окрепнут,
а помыслы станут чисты.
Когда закончатся все деньги,
И все банки на хрен будут пусты.

Мух глобальных проектов
рыба сожрет в реке,
И страна заживет
на своем родном языке.
Рухнет вся безопасность
и зло настороженных глаз.
Нам будет легче дышать,
когда закончится газ!
И мы вновь научимся любить
и дружить со своей головой.
И прекратится эта халява
и наши вечные ссоры с тобой.
И все русалки и феи
будут молиться за нас,
Когда мы выпьем всю нефть,
Когда мы выкурим, мать его, полностью газ.
(2007)

НАТАЛЬЯ НЕЛЮБОВА

Нефть

Будто бы их затягивает ночь,
будто они идут издалека.
Белая-белая-белая, белая река.
Черная-черная-черная, черная нефть.

Я никогда не бывал там,
где под землей светят ходы,
где черные люди идут через лес.
Я никогда не бывал здесь,
где солнце.

Где-то в центре земли,
в маленьких тесных кроватках спит нефть.
Голубем белым, вороном черным,
синим орлом вдали
иди ее разбуди и приведи...

Ты опускаешь листы – холода.
Дерево пляшет, путник стоит.
В империи, знаешь ли сам, не хватает тепла –
вот они и идут, они и пришли.

В империи вечер, гаснет костер.
Кусты переходят их края в край.
Солнце падает в шахту, ждет,
что в книгах зеленых моих написано –
читай, читай, читай!

Будто в книгах моих написано «жить»,
будто в них обещали любовь, но не дали пока.
Будто в них есть свет, мед, золотая нить.
Будто в книгах моих написано «всех
унесет за собой белее белых река».

Будто бы их оправдывает смерть,
будто они пришли издалека.
Черная-черная-черная, черная нефть.
Белая-белая-белая, белая река...

(2008)

Научное издание

Ольга Вячеславовна Орлова

**НЕФТЬ:
ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮ-
ЦИЯ МЕДИАКОНЦЕПТА**

Технический редактор: *Д.В. Кузнецов*

Подписано к печати 21.11.12 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Тираж 130 экз.

ООО «ТомСувенир»
634029, Россия, г. Томск, пр. Академический, 2/1
E-mail: info@tomsuvenir.ru www.tomsuvenir.ru